



АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

Т. С. Смирнова

НА ПУТИ К ВЕЧНОСТИ

*Воспоминания духовных чад
о периоде жизни отца Иоанна
Крестьянкина после заключения,
с 1955 по 2006 г.*

Свято-Успенский
Псково-Печерский монастырь
2017

УДК 271.22-9(093.3)
ББК 86.372.24-3ю14
С50

*По благословению Высокопреосвященнейшего Евсевия,
митрополита Псковского и Порховского,
Свято-Успенской Псково-Печерской обители
священноархимандрита*

С50 **Воспоминание о Промысле Божиим, милующем нас, не понимающих Его любви**
– Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2016.
– 206 с.
ISBN 978-5-9908186-1-3

Эта книга посвящена светлой памяти архимандрита Иоанна (Крестьянкина), старца и духовника Свято-Успенской Псково-Печерской обители.

Богу было угодно, чтобы на многие годы помощником, письмоводителем и келейницей о. Иоанна стала Татьяна Сергеевна Смирнова — автор воспоминаний, собранных в этой книге. Познакомившись с батюшкой в далеком 1969 году, она до самой кончины старца была одной из ближайших его духовных чад. В силу выпавшего ей послушания, неотступно пребывая с батюшкой, ей часто были доступны стороны жизни о. Иоанна, сокрытые от других людей.

Читая эти воспоминания, мы становимся свидетелями не только ранее неизвестных страниц жизни о. Иоанна, но и того, как Промысл Божий невидимо, неотступно и благодатно присутствует в нашей жизни.

ISBN 978-5-9908186-1-3

УДК 271.22-9(093.3)
ББК 86.372.24-3ю14

© Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2016



Скажи ми, Господи, путь, в онь же пойду...
Псалом 142, стих 8



Содержание

Из воспоминаний Сусанны Валовой	10
Период служения в Псковском соборе Святой Троицы, май 1955–1957 гг. (два года)	20
Скитания по Рязанской земле с 1957 по 1967 г. Ясаково. Храм Троица-Пеленица, сентябрь 1957 г. – декабрь 1959 г. (два года четыре месяца)	35
Летово. Храм Косьмы и Домиана, декабрь 1959 г. – июнь 1962 г. (два года шесть месяцев)	63
Паломничество на Валаам	78
Борец. Храм Воскресения Христова, июнь 1962 г. – май 1964 г. (два года)	109
Некрасовка. Храм Святителя Николая, май 1964 г. – февраль 1966 г. (год и девять месяцев)	119
Касимов, Храм Святителя Николая, февраль 1966 г. – февраль 1967 г. (один год)	140
Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, февраль 1967 г. – февраль 2006 г.	161



Сайт Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря



Из воспоминаний Сусанны Валовой

Я встретила с отцом Иоанном в 1955 г., и первое впечатление касалось совсем не его, а моего духовника, отца Бориса Николаевского, усопшего за полгода до этого. Внешнее сходство этих двух людей было так велико, что я не верила своим глазам, пока другие не начали мне говорить об этом. Да и сам отец Иоанн изумился, однажды увидев на фотографии портрет отца Бориса его возраста. Он долго молчал, а потом произнес: «Да, сходство поразительное, но он-то орел, а я всего-навсего воробей».

Так что мой интерес к новому знакомому был вполне объясним и оправдан. Почти сразу после первой встречи мне захо-

телось узнать о нем побольше. О последних годах его жизни узнавать не пришлось. В Псково-Печерском монастыре, где произошла моя встреча с отцом Иоанном, о нем заговорили сразу, проявляя интерес к человеку, только что вернувшемуся из мест лишения свободы, куда он был отправлен с московского прихода. Так сама жизнь начала разматывать загадочный для меня клубочек, а знакомство – перерасти сначала в добрые человеческие отношения, а позднее – и в устойчивые духовнические. В Москве у меня нашлись знакомые на приходе, где начинал свое служение отец Иоанн, и образ отца Иоанна стал обрастать жизненными фактами, превращаясь в реального, живого человека.

Теперь мне трудно в этих повествованиях о нем усмотреть, что соответствовало действительности, а что было вымыслом любящих сердец. Ясно же и совершенно очевидно было то, что он располагал к себе сердца своих прихожан, и любовь их к нему прошла за ним по жизни, не потускнев от времени и обстоятельств. Всего пять лет он был на своем первом московском приходе с ними, но память о нем сохранялась до конца дней жизни каждого, кто некогда повстречал его на своем пути. Я, познакомившись с отцом Иоанном, не избежала обаяния его личности, и моя жизнь пятьдесят один год проходила непосредственно под его влиянием до самой его кончины. Знакомство с ним у меня переросло в отношения духовного отца с чадом.

Сам же отец Иоанн скупно говорил о себе. Впоследствии, пройдя за ним по этапам его жизни после заключения, назову их по праву – скитанием, вплоть до водворения в монастырь. От него я слышала такие слова: «горек хлеб неволи». Но

он же называл время заключения и самыми ценными годами своей жизни. Такое видимое противоречие слов отца Иоанна несколько приоткрывает завесу над его внутренней жизнью. Чем скрашивал Господь горечь внешней, видимой обстановки? Для меня осталось неведомым. Только однажды он произнес: «Напряженная, очень напряженная была там жизнь. Утром не знаешь, доживешь ли до вечера, а вечером не знаешь, доживешь ли до утра».

Как он при этом пронес по жизни и сохранял радостное, жизнеутверждающее состояние духа, которое невольно передавалось всем, кто с ним общался, сказать трудно. О жизни своей он говорил: «Промысл Божий определил мне этапы жизни – пятилетки. Пять лет войны, пять лет служения у престола с православной паствой, пять лет заключения среди отверженных людьми, и только время странствия в русской глубинке, среди русского простого народа растянулось на десять лет». Мне же выпало счастье общаться близко с отцом Иоанном именно в эти десять лет.

Но начну воспоминания по порядку, со времени встречи. Шел Великий пост 1955 г. Я заканчивала институт и должна была писать дипломную работу. Но моя душа после смерти духовного отца была парализована горем так, что близкие страшались и за мое психическое состояние, и за мою учебу. В Печорах в то время жил и молился святой старец иеросхимонах отец Симеон (Желнин). Сейчас он причислен к лику святых. Тогда же многие из духовных чад отца Бориса ездили за утешением в своем горе в Псково-Печерский монастырь к отцу Симеону, который ласково принимал скорбящих сирот. На Страстной седмице и мне выдалась возможность



Псково-Печерский монастырь

поехать в Печоры к старцу. Вечерами, несмотря на напряженность служб Страстной седмицы, старец находил возможность принимать меня у себя в келье и разговаривать со мной. И отец Симеон в тех страшных переживаниях очень мне помог. В отношении меня он и сам говорил, что спас меня от дома умалишенных. Спасибо ему. Меня ведь после кончины отца Бориса обвинили в причастности к его смерти. И это говорили обо мне, о моем отношении к человеку, которому я была предана всей душой!

В Лазареву субботу я впервые увидела отца Иоанна (Крестьянкина). Первое впечатление буквально ошеломило меня. Внешнее сходство отца Иоанна с моим прежним духов-



Интерьер Сретенского храма. 1955

ником было потрясающим, и я решила, что это проявление моего психического расстройства и начало болезни. Позднее по мере нашего знакомства эта внешняя похожесть усиливалась еще необычайным внутренним сходством, родством душ этих двух людей, чем позднее привлек к себе и мою душу отец Иоанн. А тогда, в субботу, придя в комнату келейницы отца наместника Сергия, куда меня поселили, я увидела сидящих за столом – будущего наместника отца Августина, тогда еще послушника, и будущего архимандрита Иринея, тоже пока послушника. Все слушали приезжего батюшку, речь шла о том, каким должен бы быть священник. Прислушавшись

к разговору, я пришла в изумление – отец Иоанн, это был он, воспроизвел словесный образ моего усопшего духовника. Когда разговор окончился и все стали расходиться, я не преминула попросить отца Иоанна помолиться об отце Борисе. «А как твое-то святое имя?» – откликнулся отец Иоанн. «Да не надо обо мне молиться, только о батюшке», – ответила я.

В тот мой приезд в Печоры мы жили с отцом Иоанном через тонкую перегородку. Встречались утром у рукомытника, висящего в коридоре. И он тепло со мной здоровался, называя меня по имени.

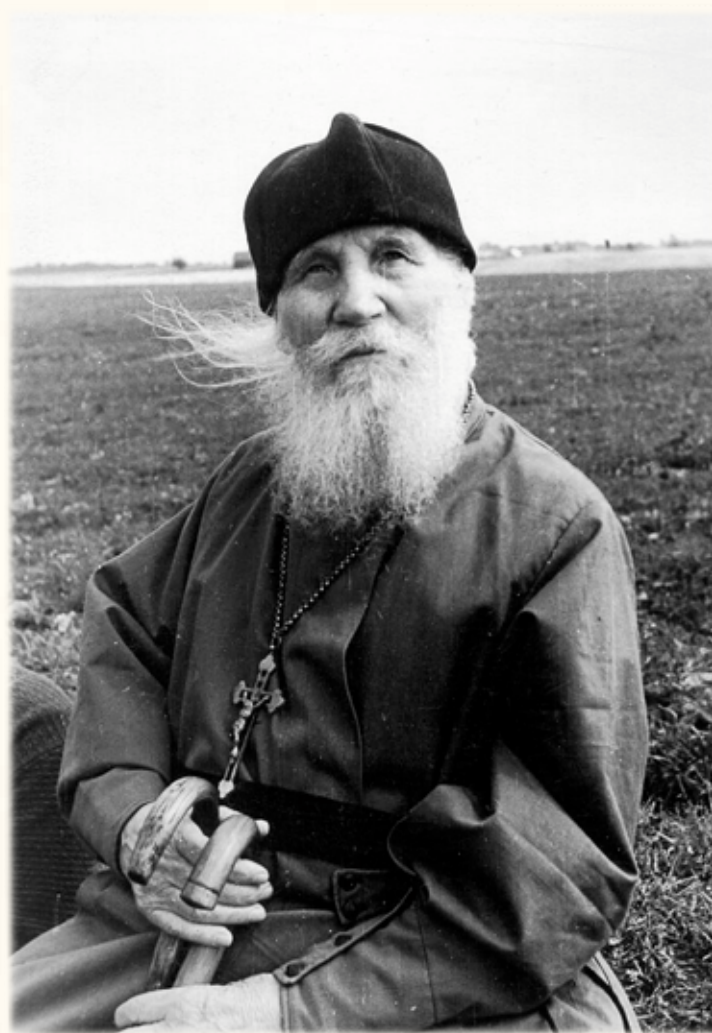
Шла Страстная седмица. Отец Иоанн исчез. Как узнала позднее, его отправили служить куда-то на приход, где умер священник. Но вот кончилась Страстная страда. Пасха в Печорах, неумолкающий благовест весь день и всеобщее ликование. После пасхальной вечерни площадь перед храмом Успения Божией Матери полна народа. В душу сквозь мрак туги пробивается животворящая радость праздника. Но пора домой, пора за работу над дипломом. Усилиями и молитвами отца Симеона я пожила, а Печоры стали родными.

На именины, в Неделю жен-мироносиц, я опять вырвалась на один денек в монастырь. Служба в Сретенском храме. Он тогда был скромный и очень молитвенно теплый. Вечерню я стояла почти у самого амвона и снова увидела отца Иоанна. Он служил. По окончании службы вышел с крестом и начал говорить проповедь о женах-мироносицах. И опять замерло сердце, из глаз полились слезы, которые нечем вытереть, – ожил отец Борис, его обороты речи, его ссылки на Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова. Слезы ручьем, удержать не могу. Спрятаться некуда – до амвона с проповедником метра полтора.

Храм опустел, почти все вышли, а я прощалась с любимыми иконами, пора уезжать. Из алтаря выходит отец Иоанн и направляется прямо ко мне: «Сусанночка, с днем Ангела! Как диплом?» Я опешила от неожиданности. Как он запомнил мое имя, меня, мой диплом? Почему такое неподдельное ко мне участие?! Отвечаю на вопросы, прошу молитв, говорю, что вскоре предстоит защита. С большим участием и любовью благословляет меня отец Иоанн. Я сбивчиво прошу прощения и пытаюсь объяснить, почему плакала на проповеди. А он отвечает: «Да я и не видел вас, у меня ведь зрение плохое».

После знакомства с отцом Иоанном моя душа потянулась к нему. Живо вспоминаю некоторые первые встречи с отцом Иоанном. Вижу его среди толпы, его теснят, он благословляет, улыбается, весь светится радостью. Какая-то девушка дарит ему пасхальное яйцо. Я наблюдаю все это издали, со стороны. Вдруг взгляд отца Иоанна останавливается на мне. И он, высоко подняв руку с пасхальным яйцом, только что подаренным ему, двинулся через толпу ко мне. «Христос Воскресе, Сусанночка!» – и протягивает мне яйцо. Я, смущенная всеобщим вниманием, отвечаю: «Воистину Воскресе!» – беру яйцо. Душа согрета теплом любви, и два отца сливаются воедино: Борис – Иоанн, Иоанн – Борис.

Вечером, по обыкновению, иду в келью к отцу Симеону рассказать о впечатлениях прошедшего дня и от утренней встречи с отцом Иоанном, а он мне в ответ: «Видел, видел, как этот усатый шел к тебе через всю толпу с яйцом!» Так «усатым» и прозвал его отец Симеон. И объясню почему. Дело в том, что у отца Иоанна была шевелюра вьющихся каштановых волос, в которых пробивалась ранняя седина,



Преподобный Симеон (Желнин), старец Псково-Печерского монастыря



Послевоенная Острожная башня монастыря

и ее было уже немало, следы пережитого, большие темные усы на матовом белом лице и маленькая скудная борода. Впоследствии не раз я слышала, как батюшка отец Иоанн пошучивал над таким несоответствием: «Берегу, каждую волосинку бороды берегу».

Уезжаю домой, в Питер, на защиту диплома. По молитвам моих старцев я с отличием окончила институт. Поступила по распределению на работу в научно-исследовательский институт, «почтовый ящик». Трудовую деятельность я начала с отпуска на полтора месяца, пока оформлялось «засекречивание». И, конечно, на это время опять поехала в Печоры.

Отца Иоанна в монастыре уже не было. Расспросив о нем, я узнала, что хоть и направила патриархия отца Иоанна, вернувшегося из ссылки, в Псково-Печерский монастырь, но он служит уже в Пскове. Преосвященный Владыка Иоанн (Разумов), архиерей Псковской епархии, знал отца Иоанна еще по Троице-Сергиевой лавре, знал и его устремление к монашеству, и все же уговорил батюшку идти в Псковский кафедральный собор Святой Троицы. Владыка не приказывал, но трогательно просил: «А ты мне нужен в соборе, у меня там вместо лампад консервные банки висят». Отец Иоанн не посмел огорчить архиерея и в этом новом назначении усмотрел волю Божию. Так, уже второй раз желанное им монашество ускользало от отца Иоанна. И начинался двенадцатилетний период хождения по сельским приходам, хождение по мукам. И я проследовала за ним по этому пути.



Период служения в Псковском соборе Святой Троицы, май 1955–1957 гг. (два года)

В Пскове отец Иоанн начал служить с отцом Всеволодом (Баталиным), тоже только вернувшимся из заключения. В Псковском соборе собрался тогда замечательный причт, который отец Иоанн шутливо называл «букет моей бабушки». Трое из них только что вернулись из лагеря: отец Всеволод (Баталин) – настоятель, отец Иоанн (Крестьянкин) – второй священник, и староста, молодой мужчина, тоже прошедший испытания лагерной ссылкой.

Батюшка с отцом Всеволодом поселились на территории Псковского кремля, рядом с собором, в старинном кирпичном доме, где им были предоставлены две комнаты и общая кухня. Большая комната служила столовой, и там еще стояла кровать старицы, прислуживавшей отцам. В маленькой обитали отец Иоанн и отец Всеволод. Это была замечательная компания. Отец Всеволод окончил филологический факультет университета в Ленинграде, а в Сибири еще и медицинский институт. Попал в ссылку за то, что высказался, мол, «Троцкий был хороший оратор», – этого оказалось достаточно, чтобы получить двадцать пять лет лагерей где-то в Саянах. Семнадцать лет он провел в лагерях особого режима, после досрочного освобождения решил принять монашество и был пострижен в Печорах. Там я и познакомилась с отцом Всеволодом зимой 1955 г. Проездом из Печор в Питер, в промежутке между автобусом и поездом, я стала заходить в Пскове к отцам. Так, постепенно я окончательно и стала духовной дочерью отца Иоанна.

Батюшка с отцом Всеволодом! Как они дополняли друг друга. Какая это была пара священников! Очень интересно и полезно было бывать в общении с ними в домашней обстановке. Иногда у меня появлялась возможность побыть в Пскове несколько дней, я этим с удовольствием пользовалась.

Богатый жизненный опыт отца Иоанна выливался в живых рассказах, а отец Всеволод очень красочно комментировал и литературно обрабатывал их. Батюшка так и говорил: «Мне бы рассказывать, а отцу Всеволоду – писать». Да и сам отец Всеволод не скупился на рассказы о времени заключения. «Условия были страшные. Люди не выдерживали, умирали просто: колотит, колотит мерзлую землю ломом, а потом тем

же ломом со всей силы ударяет себя по голове, и все муки тотчас кончаются. Смерть дарует свободу». В лагере особого назначения запрещалось даже разговаривать между собой.

Отец Всеволод несколько лет ходил на каторжные работы в паре с седым стариком, который все время что-то шептал про себя. Говорить нельзя! Только через несколько лет, когда немного смягчился режим, он узнал, что ходил на работы в паре с архимандритом, который все время молился, беззвучно шепча губами молитвы. Вот этот-то архимандрит и повлиял на дальнейшую судьбу отца Всеволода Баталина, посеяв в нем живой интерес и чувство к монашеству. Позднее, уже после Пскова, где-то на Урале отец Всеволод фактически управлял епархией и в переписке с отцом Иоанном удивлялся, почему его до сих пор не хиротонисают в епископа. А батюшка отвечал: «Да кто же бы дерзнул Вас, осужденного почти пожизненно, сделать епископом?» Так и скончался отец Всеволод архимандритом.

Многое вспоминается, но приведу некоторые впечатления о времени моего общения с отцами в Пскове. Тогда все еще проходило через призму моих воспоминаний об отце Борисе Николаевском.

Отец же Иоанн по странному совпадению часто начинал разговор со мной теми же словами, что и мой отошедший в вечность духовник. Когда мы с отцом Борисом выходили из дома, чтобы ехать на службу в храм, он произносил: «Так, всё взял: крест, ключи, деньги, палку и Сусанну». С подобной шуткой иногда обращался ко мне и отец Иоанн. Кто мог сообщить ему подробности этих дорогих для меня слов?

Сходство душ и духовного устройства отца Бориса и отца Иоанна были так велики, что я, разговаривая с отцом Иоанном,



Свято-Троицкий собор в Пскове



Отец Всеволод (Баталин) и отец Иоанн (Крестьянкин) у раки святых мощей князя Довмонта – Тимофея. 1955

мысленно представляла своего дедушку! Тот же духовный свет, та же любовь, то же внимание к тебе и даже те же слова утешения и наставления! Звоню из Печор: «Что привезти? Еду к Вам!» – «Привозите себя, Сусанна, будем рады Вас видеть». Называл меня батюшка на «Вы», но это было роднее родного.

Поздний вечер на территории Псковского кремля. Темнеет величественный собор, кругом старые постройки – низкие приземистые домики, полуразрушенная кремлевская стена. Все это освещается таинственным лунным светом. Вдруг наверху, на гультбище стены, появляются две фигуры: один –



В гостях у о. Всеволода Баталина. Крым. 1956

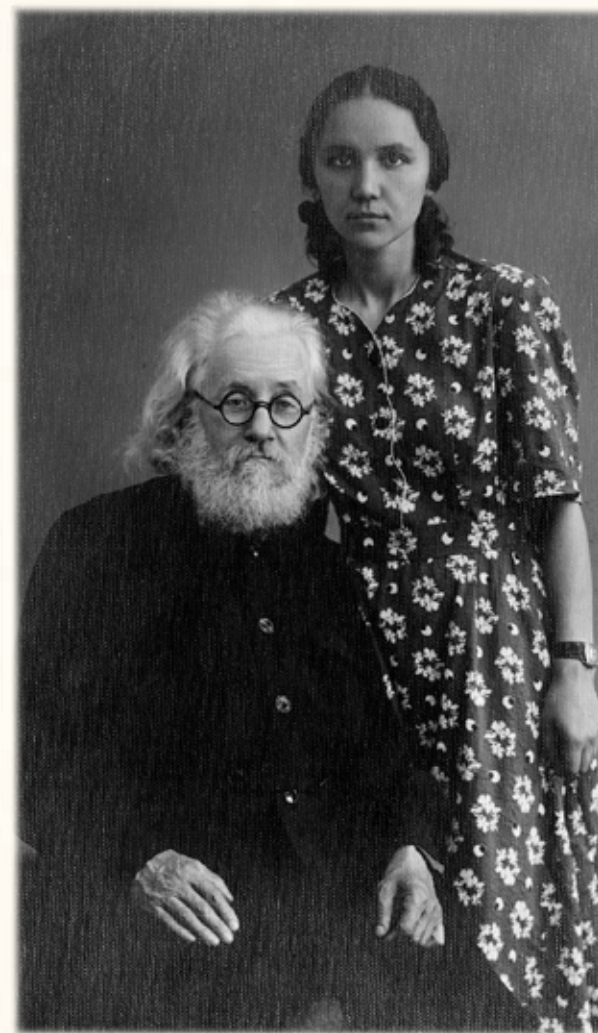
в рясе, мантии и кlobуке, другой – в рясе и скуфье, с развевающимися на легком ветерке волосами. Так же колышется наметка кlobука впереди идущего монаха. Незабываемая картина, переносица в прошлые века, – просто видение из истории этих древних стен и обитателей кремля.

Еду из Печор чем-то неудовлетворенная и вся в горестных воспоминаниях о прошлом, пережитом. В автобусе вместе со мной – питерские женщины-богомолки, веселые, уверенные в себе. Выходим в Пскове, и я понимаю, что они тоже направляются в кремль к отцам. Ускоряю шаг и первая прихожу на квар-

тиру к батюшкам. Добрая хозяйка встречает меня словами, что отцов нет дома. Притулилась на диване, стараясь слиться с ним, в тоске и горе от своей мнимой неустроенности и одиночества. Появляются мои спутницы по автобусу – здоровые, сильные, шумные. Хозяйка усаживает их вокруг стола. Вскоре приходят отцы. Гости приветствуют их, берут благословение, а я сижу, как мышь, на диване в уголочке. И вдруг отец Иоанн замечает меня. Оставив всех, он направляется ко мне со словами утешения, любви, ласки и заботы: «Сусанночка, что такая печальная, чем будем вытряхивать разъедающую душу злую пыль?» И пока я не пришла в нормальное расположение духа, он забыл об остальных. Конечно, вся тоска и печаль растворились и ушли из сердца вниманием и заботой.

На голову отца Иоанна с тех пор посыпались мои сетования, мои жалобы. И духовный младенец вопил: «Батюшка, у меня нет перед глазами живого примера, нет путеводителя по жизни». В ответ возглас: «Как нет? А Ангел Хранитель на что?» При разговоре этом подбежали еще две девушки и присоединились к нам. Вопрос, как жить, на что опираться – жизненно важный для молодежи. И батюшка продолжал: «Мы с вами забываем, что при нас есть Ангел Хранитель, данный нам от момента Крещения. Мы к нему или вообще не обращаемся за помощью, или вспоминаем о нем очень редко. Те, кто постоянно вопрошает его и прислушивается к тому, что он им скажет, живут под его водительством уже почти в другом мире». При этом отец Иоанн наклонил голову направо, как бы слушая Ангела.

На мои жалобы, что нет ни от кого помощи, взволнованное и даже с тенью упрека: «Ну, как же Вы так? Сами поете



Отец Борис Николаевский с Сусанной Валовой



Митрополит Иоанн (Разумов)

прокимен “помощь моя от Господа, сотворшего небо и землю”. Поете, читаете, и как будто это все пустые, ничего не значащие слова. Пора начинать верить слову Божию и словам церковных служб. А то у источника живой воды будем умирать от жажды». Иногда отец Иоанн на мой вопрос отвечал так: «Сусанна, а ты ведь капризничаешь». Я обижалась, но при некотором размышлении начинала понимать, что отец Иоанн прав. Так он учил меня думать, с таких азов начинались мои уроки духовной грамоты.

Приезжаю однажды. Обычная добрая встреча с отцами. Отец Всеволод «жалуется» на батюшку: «Посмотрите, Сусанна в угол. Видите, икона святых, очевидно, несколько десятилетний висит тут в углу. Подумайте только, кто-то заказал молебен этим святым. В соборе не оказалось их иконы. Так отец Иоанн прибежал домой, взял лестницу, с трудом снял икону со стены и бегом в собор – служить молебен! Так может поступать только отец Иоанн!»

Перед каким-то большим праздником батюшки собирались помыться в бане, вернее, в душе – дома-то ни ванны, ни душа нет. С билетами в душ, да еще перед праздником, была проблема. Отец Всеволод просит батюшку позвонить в кассу бани и озаботиться о билетах в душ. Слышу батюшкин голос по телефону: «Милая девушка, перед праздником соборным батюшкам необходимо помыться в душе. Пожалуйста, очень просим и заранее благодарим, оставьте нам два билетика на такой-то час вечера». Эта просьба, произнесенная таким добрым голосом, полным любви к этой неизвестной кассирше, конечно, не могла быть не услышана. И батюшки в назначенный час идут в городской душ.

Кстати, говоря о бане, отец Всеволод опять «жалуется» мне: «Подумайте, Сусанна, привезли отцу Иоанну из Москвы теплое нижнее белье (в те годы это был дефицит). Я порадовался за него. Пошли в очередной раз мыться – опять какие-то обноски надевает.

– А где же белье?!

– Да вот тут приходил один...» И разговор на этом заканчивался. Кому-то нужнее было это белье, да что белье? Батюшка раздавал часто и то, что было крайне необходимо ему самому. И так было всегда...

Поздняя осень или начало зимы, приблизительно ноябрь-декабрь. Погода жуткая: ветрище холодный, темень непроглядная, с неба сыплет косо́й дождь, дорога потонула в лужах. Город-то провинциальный, освещение только по центральным улицам еще сносное, а по окраинам – тьма. Жуткая северная осень. Вдруг звонок, и в комнату входит пожилая женщина, вся промокшая и в слезах: «Батюшки, помогите! Дочка родила двойню, детишки чуть живы, врачи говорят, не выживут. Дала обет Богу не есть и не пить, пока их не отпустят хотя бы окрестить. А их врачи отпустили только сегодня. Пошли, батюшка, скорее со мной. Чуть живы, как бы не умерли некрещеными».

Батюшка отец Иоанн немедленно одевается и идет с этой женщиной во тьму ночи под проливной дождь и в слякоть бездорожья. Возвращения его я не дождалась. Приезжаю через некоторое время, спрашиваю: «Как ребятишки, которых Вы пошли темной ночью крестить?» – «Замечательно! Вчера мать приносила в храм причащать. Два богатыря – Игорь и Олег. Один – на одной руке, второй – на другой у счастливой мамы!»

Приезжаю в Псков, прямо к службе, в собор. Батюшка говорит проповедь о действии благодати Святого Духа. В частности, об одухотворенных людях, рядом с которыми так хорошо находиться, так хорошо с ними общаться и жить примером их жизни. А я вижу амвон, стоящего на нем отца Иоанна, и так радостно его видеть и слышать то, что он говорит. И приходит мысль: «Батюшка, ты же это о себе говоришь-то!»

Навещаю болящего отца Всеволода в больнице, а он в расстройстве и недоумении. Ему принесли передачу, в которой были апельсины – тогда тоже редкость и большое лакомство. Как есть вожделенные фрукты в общей палате? При мне отец Всеволод звонит отцу Иоанну: «Что делать?» Слышу веселый голос: «Старый каторжник и не знаешь, как надо поступать в таких случаях. Да дай ты каждому по апельсину, а остальные, сколько тебе угодно, ешь сам!» Нам с отцом Всеволодом этот совет понравился, а мне запомнился на всю жизнь.

Всего два года послужили отцы вместе в соборе, но сделали за это время очень многое. Отец Иоанн всякое свободное время посвящал объезду Псковской епархии, навещаясь в деревни, где стояли закрытые и разоренные храмы. Из этих своих экспедиций он привозил или приносил на себе иконы, церковные книги, лампы – все то, что успели припрятать горюющие по своему разоряемому храму православные. Тогда же у отца Иоанна появилась идея восстановить в соборе придел, посвященный святой княгине Ольге. Он не мог смириться с несправедливостью, что просветительнице Руси нет на ее родине храма. Так пусть не храм, но только придел в честь нее будет. Из собранных икон и утвари он и начал осуществ-



Духовенство Троицкого собора с мироносицами. Псков. 1955

влять свой замысел и успел завершить его, прежде чем покинул Псковскую епархию.

Многое отец Иоанн умудрялся делать и из не дозволенного властями. В то время вышел запрет крестить и взрослых, и младенцев без официальной регистрации: записывались паспортные данные и крещаемых, и их родителей, и даже воспитанников. О факте крещения сообщалось по месту работы, учебы с определенными последствиями – вплоть до увольнения с работы или исключения из учебных заведений. И вот однажды, и это был не единичный случай, приходит отец Всеволод домой и что видит? Вся мебель сдвинута, в большой



Студентка Сусанна в кругу друзей

комнате посредине стоит купель, а вокруг купели ходит целое семейство, человек шесть, во главе с отцом Иоанном, воспевающим «Елицы, во Христа креститесь, во Христа облекитесь...» И это совершал человек, который уже знал горькую долю неволи.

Что это было, безрассудство или подвиг мужества и веры? Но часто обстоятельства складывались так, что отец Иоанн никак не мог отказать в просьбе, даже если для него это был серьезный риск. Земля слухом полнится, и добрая слава находила себе лазейки, и слух доходил и до ушей недоброжелателей. Нет ничего тайного, что не стало бы явным. Через два года

над головами усердных священников собрались тучи, и готов был уже ударить гром. Как позднее вспоминал батюшка: старец игумен Иоанн (Соколов), который был его духовным отцом в Москве, написал письмо, что на них уже завели новое дело. И чтобы избежать ареста, им надо немедленно раствориться, уйти в неизвестность, пока не оказались за решеткой. Что они с поспешностью и сделали. Батюшка уехал в Москву, а отец Всеволод – на Урал.

Так закончилось житие во Пскове этой необыкновенной пары священников-друзей: отца Иоанна и отца Всеволода.

Москвичи мечтали вернуть отца Иоанна на какой-либо приход поближе к столице. Они записали его на прием к кому-то из властей предрежащих. Назначен был даже и день приема. Но, позвонив секретарю для уточнения времени, батюшка услышал, что в приеме ему отказано, потому что «он не прощен, но только помилован». Отец Иоанн возвел очи горе и, показывая рукой на небо, произнес: «Слава Богу! Там бы мне быть прощенным!» Все попытки духовных чад вернуть его в Москву оказались безуспешными. И для него Промысл Божий уготовал десять лет скитаний по приходам Рязанской епархии, продолжая воспитывать в нем монаха.



Скитания по Рязанской земле с 1957 по 1967 г.

Ясаково. Храм Троица-Пеленица, сентябрь 1957 г. –
декабрь 1959 г. (два года четыре месяца)

Из воспоминаний Сусанны Валовой

Когда прояснилось, что в Москве батюшке не служить, он направился в Рязанскую епархию. Со временем узнаю, что отец Иоанн служит на станции Ясаково в селе Троица-Пеленица. Срочно собралась туда ехать. Везу чемодан с подарками для храма и для батюшки.

Ясаково. Большое село, около ста домов, и на окраине села холм, омываемый полноводной Окой, по которой ходят речные суда. На холме – огромный храм. Село называлось Троица-Пеленица, и до революции этот храм был подворьем Троице-Сергиевой лавры. По преданию, к берегу этой крутой горы речной волной прибило икону Святой Троицы, лежавшую на пелене. Отсюда произошло и название села, и храма. В храме было очень благодатно, это ощущалось всеми. На здании храма по периметру наружной стены – большие прямоугольные ниши, когда-то давно в них стояли иконы. Храм выложен красным шлифованным кирпичом... Там было три престола. Основной в честь Святой Троицы – в летней половине и два – в зимней. Справа престол в честь святителя Николая, действующий, левый к моменту прибытия туда отца Иоанна – разоренный.

Огромное двухэтажное помещение притвора... В притворе – справа небольшое помещение, где жили монахини из разоренного женского монастыря. Они обслуживали храм, сторожили, пели на клиросе, пекли просфоры. Рядом, по южной стороне храма, за деревянным забором большое, очевидно, бывшее церковное здание. Теперь там располагалась сельская средняя школа. Село большое, детей много.

Настоятелем храма был иеромонах Дорофей. Очень солидный, большой, как гора, с громким басом и вспыльчивой натурой, но очень деятельный, прекрасный хозяин и глубоко верующий человек. Нельзя не рассказать об отце настоятеле подробнее, для нас самих знания о его жизни стали поучительны и духовно полезны. Отец же Иоанн любил отца Дорофея сразу и навсегда. Прежде всего, тот уже был монахом,

а для батюшки быть послушником у монаха – собственный шаг к монашеству. Особенности же характера отца Дорофея он принял для себя сразу, как данность, посланную Богом.

Когда приезжала я в Троице-Пеленицу, видела иногда мальчугана лет тринадцати, который приезжал из Рязани со старушкой, называя ее бабушкой. Это было нормально и понятно, но нас стало смущать, что отца Дорофея – монаха – он называл «папа». Тогда никто не знал ничего о прошлом иеромонаха Дорофея. Знали только, что он купил дом в Рязани, где и живет этот ребенок с бабушкой. Видели, что он ездит в Рязань и заботится о старушке и мальчике. И отец Иоанн вскользь говорил, что отец Дорофей уехал в Рязань к сыну. Спрашивать у батюшки подробности было неудобно, да и зачем? Так и смущались мы долго тем, чем нельзя было смущаться, но только благоговеть перед подвигом жизни человека.

Много лет спустя Господь открыл нам подлинную историю жизни отца Дорофея. В Отечественную войну он был моряком на военном корабле. Разорвавшийся на палубе снаряд смертельно ранил его друга, и тот умирал у него на руках. Последняя просьба умирающего была как завещание: усыновить его маленького сына, у которого уже погибла мать и теперь умирает и он – отец. Ребенок в детском доме, адрес – в его документах. «Умоляю, замени ему отца», – были последние слова друга. Кончилась война, и молодой матрос, демобилизовавшись, поехал в детский дом и усыновил мальчика, которому был представлен как отец, вернувшийся с войны. Отец Дорофей не обращал внимания на то, что судачили о нем окружающие. Сын подрос и сам стал спрашивать у отца о матери и почему отец – поп, да еще и монах. И только когда

парня забрали в армию, отец Дорофей написал ему всю историю его усыновления.

Рядом с отцом Дорофеем отец Иоанн казался совсем маленьким и шуплым. А батюшка, к нашему изумлению, говорил: «Мы с отцом Дорофеем как родные братья от одной матери!»

В первый мой приезд в Ясаково батюшка встретил меня благодарственным молебном, очень радовался подаркам для храма, особенно пеленам на аналои. Поселил меня к монахиням при храме. Сам он с отцом Дорофеем жил в доме на селе.

Служба в храме была очень благолепная. Матушки и местные женщины из села хорошо пели. С приездом отца Иоанна храм начал преображаться. А времена для Церкви были тяжкие. Послевоенная оттепель подходила к концу. В это суровое время даже и гвоздя невозможно было вбить без разрешения уполномоченного по делам религий. В храме начала протекать крыша. Конечно, тайком крышу латали, но она уже требовала настоящего ремонта. Отцы начали обивать пороги начальства. Но отказ следовал за отказом. Им отвечали: «Рядом с вами школа, там тоже крыша течет, забор валится, а вы тут крышу храма чинить собрались, и ворота еще поставите».

– Мы не можем отремонтировать школ и вам запрещаем делать ремонт храма.

– Да мы вам и крышу, и забор поставим в школу, – пытались умиловить представителей власти отцы.

– Нельзя! Церковь отделена от государства. Нельзя, не просите! Нельзя!

Долго размышляли отцы, как же пройти сквозь все эти преграды. И пошли на риск. Тайно приобрели авиационное

железо. Отец Иоанн вызвал из Москвы надежного помощника Алексея (Козина), и они вдвоем великим трудом подложили это железо под старую кровлю. Риск, конечно, был велик и для самой их жизни, да и для служения. И был момент, когда уже казалось, что возмездие нагрянуло, но Бог не выдал тогда отцов на растерзание. Комиссия пришла-таки, искала следы преступления, но ничего не нашла по своей же халатности, побоявшись подняться на чердак по ветхой лестнице, где следы «преступления» были очевидны.

Успех окрылил отцов. Им захотелось привести в порядок и внешний вид храма. Глазницы ниш, где когда-то стояли иконы, бельмами смотрели на окружающий мир. И опять дерзнули отцы на явный подвиг. Договорились с москвичкой-художницей, которая тайно в храме ночами писала образа святых по размерам ниш на внешних стенах храма. И когда все было готово, в одну из ночей вновь написанные иконы встали на обозрение всему селу. Утром приходят учителя и ученики в школу, а прямо в классы со стен храма глядят на них угодники Божии! Все высыпали на двор. Директор в шоке. Впечатление было соответствующее. Радость и ликование – одних, злоба, гнев и угрозы – от других. Конечно, верующие заперевживали в ожидании последствий от такого смелого самочиния отцов.

Но иконы так и остались на стенах храма по всему периметру. И это дерзновение как-то обошлось и не имело трагических последствий. Отец Иоанн успокаивал нас и прихожан: «Это не мы делаем, а при нас делает Господь!» Эту фразу и в дальнейшем я не раз слышала из уст батюшки. «Не нам, не нам, но имени Твоему, Господи, даждь славу!» Какие громы

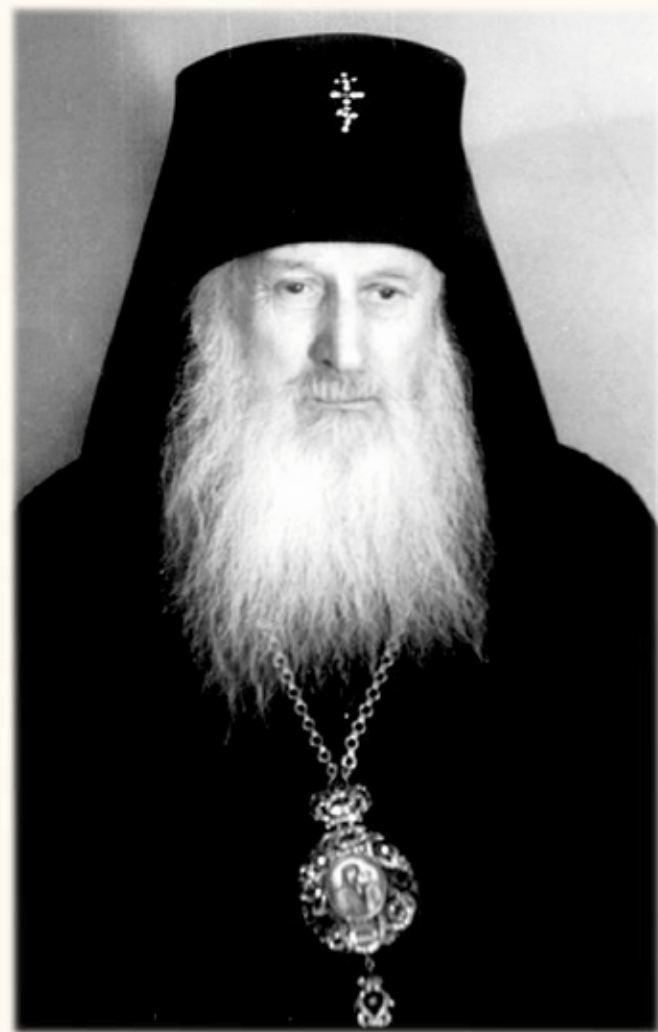
и молнии пришлось пережить отцам, нам неведомо, в это они не посвящали никого, но убрать иконы никто из власть имущих не решился.

Со временем батюшка умудрился восстановить и левый придел храма. Все это делалось в глубокой тайне не только от уполномоченного и местного начальства, но даже и от прихожан.

Очень много помогали батюшке его духовные чада из Москвы. Привозили материалы, шили облачения и чего только не делали, постоянно кто-то был рядом. Отец Дорофей, как рачительный хозяин, для ремонтных работ сумел привлечь мужчин из села, а женщины тянулись к отцу Иоанну за его ощутимо действенную молитву и доброту. И опять, как в Пскове, ожил приход на рязанской глубинке, собралась община.

Однажды стою на клиросе. Выходит на исповедь батюшка, и тотчас раздался топот многих ног. Глянула с клироса вниз и вижу: толпа деревенских мужиков двинулась на исповедь. А в то время в храмах были преимущественно женщины. Вот так откликнулась душа христианская на живое отношение к Богу священников.

Я же, начав работать, при любой возможности, зарабатывая себе отгулы, частенько бывала в Троице-Пеленице. Летом брала дополнительный отпуск за свой счет и по два месяца жила там. Меня батюшка поселил в селе Половском за семь километров от Ясаково в домике старицы Ольги Сергеевны, которую батюшка называл «апостолом» тех мест. В Половское батюшка приезжал или приходил и останавливался на постой на два-три дня у нее, в ее же избе и совершал служение для верующих близ расположенных деревень. Царство ей Небесное.



Рязанский архиепископ Николай (Чуфаровский)

Весть о приходе священника мгновенно облетала село. Батюшка утром служил обедницу, на службу собиралось множество людей, исповедовал бабушек, причащал их и детей, крестил детишек, по домам ходил к больным. Днем обходил все село с водоосвящением. На другой день на кладбище служил общую панихиду, а потом по желанию местных жителей еще и литии на могилках. По вечерам же, уставший, он сидел за столом, на котором пыхтел самовар, и наслаждался деревенским покоем. Когда же уставшая хозяйка ложилась спать, мы с батюшкой переходили в сени, где решались уже и мои проблемы, и велись разговоры обо всем. Тут были и назидания, и вразумления, и, конечно, великая польза и очищение души.

Отцы завели обычай, которого держались неукоснительно. На большие праздники или поминальные дни ходили, ездили по деревням, совершая там требы. В то время это был подвиг веры и бесстрашия. Храмов в округе мало, почти все они были разрушены. Верующие страдали от невозможности исполнить свой христианский долг. Часто сопровождала я батюшку в эти походы. За три-пять километров ходили, бывало, пешком. Идем, разговариваем. Много жизненно важных вопросов было обговорено отцом Иоанном со мной по дороге.

Одним из самых важных был разговор о приобретении дара рассуждения. Отец Иоанн как наглядный пример рассказывал о пережитом им опыте на приходе в Троице-Пеленице. Отвечая на мой вопрос об этом ценном даре, начал с того, что мы сами, своей самостью мешаем Богу облагодетельствовать нас. В жизни ищущего близости к Богу его личные суждения и устремления до определенного времени всегда вступают в конфликт с Божиим о нас планом. Так живо хочется

все сделать быстро и наилучшим образом в угождение Богу, и парение духа мешает человеку подумать о реальных жизненных обстоятельствах и о своих возможностях на этот момент.

В Троицком храме отец Иоанн, окрыленный возможностью начать истинно монашескую жизнь рядом с настоятелем-монахом, начал подвиг безоговорочного послушания ему. Очень скоро, почувствовав единомыслие, они задумали на приходе преобразить свою жизнь по уставу монастырскому. Для начала решили упразднить церковный ящик, за которым продавались свечи, принимались требы и записки. Все стало в жизни их церкви ради Христа и на общественных началах. Начинанием были довольны оба. Но Господь очень скоро указал подвижникам на безвременность их затеи и на то, что ни Богу, ни реальной действительности, ни им самим не нужен такой подвиг. Это самочиние было определено на посрамление.

Слава о подвижниках, предпринявших видимо благое дело, быстро распространилась по епархии. Народ реагировал тем, что, оставив свои приходы, потянулся в Ясаково. Два священника перестали справляться с требами. Но самая главная опасность проявилась в мнении окружающих о них. И мнение это было однозначно противоречащее укладу жизни монаха. «Наконец-то увидели богомольцы настоящих Божиих служителей!» Пришли к новоявленным «подвижникам» и собратья с вопросом: «А как жить нам, имеющим семьи и детей?» Вопрос был серьезный, затрагивающий жизненно важные проблемы многих людей. Церковный ящик благополучно вернулся на свое законное место, даже ценники в нем появились. Такой урок был преподан отцу Иоанну. Урок, показавший, как важен в деле спасения дар рассуждения, и научивший, что всякое свое и самое

благое начинание надо согласовать и с возможностями внешних обстоятельств, и с уровнем своего духовного роста. Смиранные же думы о себе здесь будут главным советчиком и критерием. Позднее отец Иоанн скажет эту мысль в нескольких словах: «Главное в духовной жизни – рассуждение с советом!»

Смирение же отца Иоанна в то время, когда он служил на рязанских приходах, стало уже проявлением сущности его духа. И мы видели, как он ежедневно пестовал это качество души своей, не давая уклоняться от него ни в каких жизненных перипетиях. Что бы ни случилось, что бы ни произошло и как бы болезненно ни было это для души и сердца, успокоение бывало в одном: «Тако Богу изволися. Буди имя Господне благословенно от ныне и до века!»

На вопрос, который прошел со мной и за мной через всю жизнь, зачем и почему столько несправедливостей, столько искушений и нет помогающих, отец Иоанн отвечал: «Вот ты негодуешь и всегда ждешь помощи от людей. Но люди есть люди, существа ограниченные, они не всегда тебя поймут, да втайне даже и осудить могут. Но ты, будучи верующим человеком, почему-то не ищешь помощи там, где необходимо искать, ты забываешь о Небе. Там у нас столько разумных и преданных друзей, и всегда верных. К ним ведь только обратиться надо, и это есть та нить, которая сейчас нас, земных, связывает с небом. Жития святых знаешь, вот и обращайся к душе того праведника, торжествующего на Небе, который уже прошел через искушение, подобное твоему, и вышел из него победителем. Избирай себе друзей на Небе по склонности своей натуры, по обстоятельствам жизненной своей ситуации. Сегодня поклонись памяти одного, завтра – другого,

и все они станут родными и помощниками тебе на жизненном пути».

Из поездок по деревням моя память сохранила такой случай. Приехал батюшка в какое-то очень далекое село, где священника не было лет тридцать – тридцать пять. Все село праздничное, все нарядно разодеты. Он весь день исполнял свой священнический долг и только вечером узнал, что никто в этот день на работу не вышел, а была рабочая страда – лето. Радость батюшки сменилась переживанием, что за сим последует? Время-то было какое! Отец Иоанн не на шутку подумывал, что дома его уже ждет «черный ворон». Но по милости Божией все тогда обошлось.

Однажды батюшку попросили окрестить четверых молодых мужчин – жителей Половского, шоферов-дальнобойщиков, которые возили грузы на дальние расстояния. Боясь потерять работу, креститься в храме они страшились, почему и попросили окрестить их тайно, в избе. Для священника это был большой риск, он рисковал потерять регистрацию на возможность служения. Но недолго размышлял отец Иоанн, хотя понимал меру опасности для себя. Где-то он раздобыл две огромные бочки, поставили их в избу, и мы наносили воду.

Утром, чуть забрезжил рассвет, часа в четыре – пришли парни, с тем чтобы после крещения тут же уехать в рейс. Нас с Ольгой Сергеевной батюшка выпроводил из избы. А их при крещении нагишом с головой окунал трижды в эти бочки. Радостные покинули дом эти вновь крещенные молодцы.

На Рождество и Пасху обходили все село Троица-Пеленица. Не принимали только три дома: председателя сельского совета, директора школы и директора колхоза, но женщины

из этих семей тайком со слезами на глазах приходили извиниться перед священником, прося молитв и благословения себе и своим домочадцам.

Однажды на Рождество батюшка простудился. Уговорить его не ходить с праздничным молебном по домам было невозможно. Нарушить укоренившийся обычай он не соглашался и пошел нести радость праздника в каждый дом. Снега в тот год намело невероятно много. По сугробам в рясе, в кожаных сапогах весь день он ходил больной. А ночью ему пришлось делать компрессы.

Утром же ему еще предстояло служить в храме, так как отец Дорофей в это время уехал. Только в конце месяца батюшка попал в Рязань к врачу, и когда ему сделали рентген, то диагностировали следы двустороннего воспаления легких. Врач, верующий человек, удивился, как он выжил.

Мы часто не понимали, откуда у отца Иоанна силы берутся. Он сам пояснил нам эту тайну на примере одного дня в деревне, когда служил еще в Троице-Пеленице. Пришлось ему как-то служить в деревенском доме Всенощное бдение с литией. Собралось много народа. От жары и влаги начали отклеиваться обои и падать на людей. Затем было соборование. Насыпали огромный таз пшеницы, поставили множество свечей. Каждому свою хотелось затеплить на такое Таинство. Пришлось не противиться, чтобы не огорчить. Но семь свечей для Таинства стояли отдельно. Все довольны. Утром служили обедницу, и запасными дарами все причастились. Только окончили причащение, а на пороге мамыши с детьми, кто за ручку привел, а кто и на руках еще держит человек двадцать. Село-то



Ясаково. Храм Троице-Пеленица

дальнее, до церкви не добраться, сообщение плохое. Детишек крестил, тогда это было еще не запрещено. Потом ходил по селу, заходя в каждый дом, за исключением двух-трех домов, где «страха ради иудейска» батюшку не принимали. «Но мы не отрясли прах от ног наших», а покрывали любовью. Ведь они не принимали нас из страха, а не по ненависти: учительница какая-нибудь или председатель». И на все эти службы, пока они шли, хватало сил. Когда же служба кончилась, в один момент обессилел совершенно: «Сила Божия в немощи совершается».

Так батюшка объезжал деревни, пока не вышло письменное запрещение совершать требы на дому.

Уроки духовной мудрости на Пасхальной службе

Храм в Троице-Пеленице делился по обычаю всех храмов на Рязанщине – на летнюю и зимнюю церковь. На зиму переход закрывали стеклянной стенкой с дверями, на лето стенку убирали. На Пасху обычно открывался летний храм, и служба совершалась в нем. А в зимнем приделе во время ночной пасхальной службы по темным углам засыпали люди. Чтобы прекратить это бесчиние, отцы решили вести Пасхальную службу еще и в зимней половине храма.

В летней части храма, конечно, настоятель, хор, то есть главное торжество. А батюшка отец Иоанн должен был служить в зимней половине, в правом приделе. Но где же взять хор? Батюшка порасспросил местных старушек и выяснил, что в селе Красильниково, недалеко от Половского, когда-то был храм, и в нем в былые времена было немало местных певчих и даже свой регент. Отец Иоанн устремился в Красильниково. Бабушки-певчие и сам регент смущались недолго и даже были рады возможности вспомнить былые свои подвиги. С ними батюшка и договорился послужить Пасху.

В алтаре батюшке прислуживала монахиня, матушка Павла – милая крохотная старушечка, побывавшая в ссылках и лагерях. А кадило и трехсвечник согласился подавать местный паренек 13 лет. Так, казалось, все было предусмотрено.

Пономаркой в зимнем приделе служило крохотное помещение, отгороженное от алтаря, там матушка разжигала кадило. Из Москвы на праздник приехали многие батюшкины духовные дети, в том числе известная Галина Черепанова – сибирячка с крутым характером, очень деятельная, помогавшая батюшке в Москве, когда он только начинал служить, и когда был в заключении в лагере. Она взяла на себя ответственность хозяйничать и дома, и в храме перед службой.

Все было готово к службе, и служба началась общим крестным ходом. Масса людей, звон, хор, свечи. Первое «Христос Воскресе!», ответный многоголосый, раскатистый гул «Воистину Воскресе!». Входим торжественно в храм и разделяемся внутри на две толпы. Основная масса людей остается в летнем приделе. Там много света, пение, громогласные возгласы настоятеля – ответное «Воистину воскрес!» волнами катится по храму, множество людей.

В нашем приделе все намного скромнее, освящен только алтарь и скудный свет в храме от свечей на подсвечниках. Народу немного, а на клиросе набились бабки певчие из Красильникова, разодетые, румяные, и с ними регент – рыжий мужик лет 55 с усами. Служба началась. Батюшка «летает» с запевами вокруг престола, хор бодро и торжественно поет «Христос воскрес!». Подошло время канона, и тут «началось». Регент, притопнув ногой и взмахнув рукой, кричит на весь храм: «Раз!» – хор дружно поет ирмос, опять взмах рукой, опять «Раз!» – и хор дружно, самозабвенно поет ирмос третьей песни.

Батюшка выглядывает из боковой двери алтаря: «Где же канон, почему не поют канон?», обращается ко мне: «Спроси, почему не поют?!» Я к хору – они отвечают, что знают только начальные ирмосы. Протягиваю им свою книжку. А они жестами показывают, что нет, очков нет. Регент: «Раз!» – и уже ирмос четвертой песни.

Батюшка выглядывает из боковой двери алтаря: «Где же канон, почему не поют канон?», обращается ко мне: «Спроси, почему не поют?!» Я к хору – они отвечают, что знают только начальные ирмосы. Протягиваю им свою книжку. А они жестами показывают, что нет, очков нет. Регент: «Раз!» – и уже ирмос четвертой песни.

Тогда мы с батюшкой, он в алтаре, а я у солеи, начинаем вдвоем петь канон сначала. А клирос только «Раз!» и ирмосы. Батюшка не теряется, летает по храму, поет канон, всё идет по порядку, но как! «Христос воскрес!» только и спасает, но с какой великой радостью и воодушевлением все поется и восклицается.

Да, такой пасхальной службы, как состоялась тогда в храме Троица-Пеленица у отца Иоанна, больше не было за всю его долгую жизнь.

Неожиданно в храм из пономарки пополз дым, и воздух потускнел – это Галина, не выдержав такой службы, с горя пошла хозяйничать, и печь у нее задымила. Сколько духовных уроков преподал нам каждому Господь за этой пасхальной службой. Для отца Иоанна радость праздника не омрачилась ничем, а немощные и ропотливые были наказаны тем, что и сами приложили свою лепту к бесчинию. Такова правда Божия.

Служба все идет и идет, как и положено, непрерывное пение, каждение, возгласы. Но искушения на том не кончились. Я стою напротив открытых царских врат, изо всех сил пою канон и вдруг вижу, как за престолом взлетает сноп искр и слышится приглушенное «ой!». Пономарь зачем-то побежал через горнее место, а отец Иоанн в это время кадил вокруг престола и попал кадилом по лбу мальчишке – искры и посыпались. Батюшка, быстро сменив кадило и продолжая петь канон, уже «летит» по храму, наполненному дымом.

Пропели часы, пропели литургию, это хор исполнил достойно, и даже в конце дружно грянул концерт «Ангел седяй на камене гробнем». Регент в конце службы совсем

умилил батюшку: подходя ко кресту, он растроганно попросил за пение «на бутылочку».

Позднее за пасхальной трапезой батюшка досказал финал этой службы. В конце литургии батюшке потребовался трехсвечник, и он, как обычно, произнес: «Трехсвечник! Трехсвечник!» А вместо пономаря отозвалась матушка Павла: «Батюшка, пожалей пономаренка, он заснул! Пожалей его, он ведь сирота...»

Такая была у нас тогда Пасхальная служба! Кто, кроме батюшки, смог бы провести ее не смутившись, вдохновенно и нисколько не омрачившись, даже и на регента, попросившего у него на «маленькую». И его он понял.

Утро началось праздничным разговеньем в «трапезной» за длиннющим столом, уставленным всевозможными кушаньями. Но на этом духовные уроки этой Пасхи для нас не кончились. Дня через три мы решили сходить в Ясаково – еще раз похристосоваться с батюшкой. Идти надо семь километров по железной дороге. Взяли с собой немного еды: яички, куличик и что-то еще. Приходим в храм. Встречает нас радостный батюшка: «Как я рад, как я рад. Хожу с утра, сердце полно любви, кому отдать! Кому отдать, не знаю! Вот спасибо, вы пришли... Да, вот чем же вас угостить? Ольга Сергеевна, посмотри там, на плите в кастрюле, есть что-нибудь? Я ведь тоже проголодался, может, вы чего принесли?»

Мы развязываем свои узелки, Ольга Сергеевна гремит крышками на плите. Я в полном недоумении, перед моим мысленным взором – длинный стол, уставленный яствами. Неужели все съели? Нет, это невозможно! Да и некому – отец Дорофей в понедельник с утра уехал в Рязань. «Батюшка,

а куда же делось всё со стола?» Батюшка отвечает: «Так ведь нет благословения настоятеля что-либо брать с трапезного стола». Нет благословения! Учись, учись, Сусанна, учись духовной мудрости! Что-то там на кухне нашла Ольга Сергеевна, раскрыли наши узелочки, чайник согрели. Сами поели и батюшку накормили. Вот такие дела. Так воспитывал в себе батюшка терпение и смирение, и всё это очень искренно, причем еще не будучи монахом.

Сорок четыре года пестовал и взращивал Господь сначала в Ване Крестьянкине, а потом и в иерее Иоанне монаха. Когда мы начинали сетовать на неумеренную, как нам казалось, его строгость к себе, он укоризненно смотрел на нас и начинал вспоминать, что примерял на себя монашество с пяти лет.

Владыка Николай (Чуфаровский) направил в Троице-Пеленицу к батюшкам молодого, только что рукоположенного священника. Он был с Украины, там работал сапожником, звали его отец Иоанн (Косов). Скоро стало ясно, что ничего-то он еще не знает, даже «Отче наш» без книжки не прочитает. Мы, досужие умы, возроптали на такого священника, да что на него, и архиерею досталось. Вот уж тут и преподал нам батюшка урок. «Деточки, да кто вы такие, что со своего куриного насеста разглагольствуете о делах орлиных, будто уже поднялись на их высоту и имеете обзор орлиный на все происходящее? Это же равносильно суду над Промыслом Божиим. Вы еще и в своих-то делах не всегда можете разобраться и их понять. Апостолы были простые рыбаки, безграмотные, а благодать Божия совершила их апостолами вселенной. Так и наш сапожник будет хорошим священником». Так усмирил нас отец Иоанн, на всю жизнь наказав бояться судить о делах Божиих и о священноначалии.

И действительно, скоро, очень скоро стало ясно, что суд наш был преждевременным. Смиранный «сапожник», как мы называли его про себя, стал делать такие успехи, что нам оставалось только удивляться. Со временем же стал не только хорошим священником – духовником, но и проповедником. А уж за открывшиеся нам его духовные качества: смирение, чуткость и любовь – мы просто полюбили его. Вот такой наглядный урок получили мы все, ведь «сила Божия в немощи совершается».

Вообще, когда я общалась с отцом Иоанном, я была всегда плохой послушницей, но всегда поражалась в нем проявлениям в первую очередь смирения, а потом уж только глубине его слов и советов, правда, не всегда понимая их. Но всегда не уставала удивляться его любви к людям. Много позднее, повзрослев и состарившись, я стала понимать значение отца Иоанна в моей жизни.

Вот идут по жизни люди – горе, неприятности, обиды, несчастья, непонимание и многое другое написано на скорбных лицах. Встречают пастыря на пути, отца Иоанна – светло солнышко, согревающее встречную душу лучами благодатной любви, и – о чудо! – люди отходят со светлыми лицами, увозят эту радость домой и живут воспоминанием о встрече. Мы встретили на своем жизненном пути такого батюшку, мы его искренне полюбили. Но чего стоила ему эта наша любовь? Сколько самости и своеволия, сколько обид мы причинили бы ему, если бы он умел обижаться. Иногда, опомнившись после очередного падения, начинаешь извиняться и слышишь в ответ: «Деточка, да кто же на детей-то обижается, их только уму-разуму учат, но иногда, конечно, и наказывать надо».

Помню случай, как при всей моей любви к отцу Иоанну я могла поступить по отношению к нему грубо. Потом, конечно, его смирение и тихость утомили и меня. Но долго после этого носишь в душе скорбь и раскаяние о содеянном. Не могу забыть один из таких случаев. В храме было трудно с дровами, и чуть ли не в день окончательного отъезда отца Дорофея мне предложили купить два воза березовых дров. Я загорелась купить их и пожертвовать храму. Говорю батюшке об этих мыслях, а он мне в ответ: «Мне не до дров сейчас, Сусанна, помогите мне вынести купель с водой». А я обиделась: как смел он отвергнуть мой дар? Повернулась и ушла, а опомнившись, издали наблюдала, как он, схватив купель, сам один выдвигал ее за дверь. Стыдно, до сих пор мне стыдно даже вспоминать об этом. Ну как я, сосредоточенная на себе, не могла понять, что в это время переживал отец Иоанн!

Удивительно трогательно было отношение отца Иоанна к живой природе, к животным. В те времена в связи с удаленностью населенных мест от храма священника приглашали отпевать на дому. Ему приходилось в любое время года и в любую погоду, чаще пешком, преодолевать большие расстояния, и он этим не тяготился, ибо всегда стремился исполнить священнический долг и был полон впечатлениями от своих наблюдений в каждом таком походе.

Иногда я сопровождала батюшку. Если отпевание происходило весной, то не раз бывало и так: лежит покойник в гробу на столе в красном углу, а в противоположном углу избы стоит кадка, заполненная сеном до краев, и на ней гордо восседает гусыня, высиживающая потомство. Иногда рядом с ней уже шевелились пушистые комочки новорожденных.

Мамаша сидит неподвижно, только гордо держит голову на длинной шее. Батюшка подойдет к такой наседке и просит: «Дай мне подержать малютку». И тихонько вынимает гусенка из гнезда. Мамаша всегда недовольна этим, зашипит, выгнет шею, стремясь ущипнуть дерзкую руку. А батюшка поднесет к глазам, поцелует ее чадом и старается скорее вернуть птенца в гнездо.

От села Половское до Ясакова около семи километров прямой дороги, идем по шпалам. Вдруг за откосом на лужайке видим привязанного маленького теленка. Батюшка оставляет мне свой портфель и бежит с насыпи в поле, гладит и целует теленка и долго о чем-то с ним разговаривает. Вернувшись, мне говорит: «Я ведь горожанин, и как мне радостно видеть все это живое, ведь этого я в жизни мало видел».

Летом в редкие свободные дни, еще служа в Троице-Пеленице, отец Иоанн выбирался в лодке по Оке в лес. Иногда отцы и вместе позволяли себе отдых, брали лодку и куда-то плыли по реке.

От самого отца Иоанна я слышала такой рассказ. Отдыхал он как-то в деревне у знакомой старушки, в хозяйстве которой была коза, которую надо было доить три раза в день. Из-за козы старушка никак не могла попасть в храм. Вот и попросила бабуля гостя отпустить ее в церковь с просьбой в нужное время подоить козу. Батюшка согласился. Настало время доить. Батюшка взял подойник и пошел в хлев. Коза, как увидела его, испугалась, забила в угол, никак ее оттуда не выманишь. Ушел батюшка в дом, надел бабушкин передник, повязал голову по-старушечьи платком, а бороду завязал полотенцем. И еще очки на носу, без них он ничего не видел. Коза

глянула на него и еще пуще шарахнулась. Так и не удалось батюшке подоить козу до прихода хозяйки.

Иногда духовные чада отца Иоанна проявляли ревность не по разуму, чем подводили батюшку. Настоятель храма отец Дорофей был человек горячий. Батюшка понимал его натуру, знал сложности его жизни и без труда обходил появляющиеся иногда острые углы. Смиряться он умел без напряжения и вызова. Ревнивым же москвичкам трудно было это видеть. Да еще когда послушание, к которому приучал сам себя батюшка, касалось еды. И они решили восстановить справедливость, поставить настоятеля на место. Не благословясь, написали письмо-жалобу на настоятеля владыке рязанскому Николаю (Чуфаровскому), что, мол, тот обижает отца Иоанна. Владыка вызвал отца Дорофея, допросил с пристрастием. Что да как?

Как батюшка рассказывал, вернулся отец Дорофей из Рязани чернее тучи, сам не свой. Весь свой гнев он излил на отца Иоанна: «Я думал, ты мой друг, я полностью доверился тебе, я тебя полюбил, а оказывается, я змею согрел на своей груди. Ноги чтобы не было твоих духовных чад здесь». Отец Иоанн и понять причину такого гнева не может. Прошло несколько дней, пока для него не прояснилась ситуация.

Собрал батюшка своих ревнивых опекунов и высказал им всё: «Я два года усмирял травмированного человека любовью и заботой, а вы по своему неразумию и своеволию разрушили то, что мне удалось достичь большим душевным трудом». Потом я узнала, что он полгода запрещал провинившимся встречаться с собой, даже когда сам бывал в Москве. Когда все это происходило, я была в Питере и, конечно, ничего

не знала. Собираюсь в Ясаково, пишу Ольге Сергеевне письмо: «Хочу приехать», а ответ огромными корявыми буквами (она безграмотная была): «Батюшка просит воздержаться». На следующий мой вопрос о приезде опять: «просит воздержаться». Ничего не понимаю, приготовлены пелены, еще какие-то заказы, и снова «просит воздержаться».

Подходит Страстная неделя – покупаю огромную корзину живых цветов и еду к выносу Святой Плащаницы без всякого предупреждения. С трудом доношу эту корзину в Москве на другой вокзал, в деревне – до храма. Со страхом вхожу, встречает батюшка, обрадовался живым цветам, а меня тут же спрятал у матушек. Сам пошел к отцу Дорофею. Как уж он там говорил, не знаю, но прибежал радостный: «Отец Дорофей разрешил остаться». Тут я и узнала причину, почему надо было «воздержаться».

К Успению Матери Божией я вышила пелену на престол храма. На небесно-голубом крепдешине цветочный узор по углам, красиво получилось, сама залюбовалась. Пелену привезла к празднику. Все порадовались, постелили на главный престол. И надо же было случиться искушению: матушка-алтарница зацепилась за пелену и опрокинула огромную лампаду с маслом на самую середину. Я находилась в зимнем храме, прибиралась там. Вдруг слышу страшный рев настоятеля. Вижу бегущую с плачем, испуганную до смерти алтарницу. За ней вскоре вбегает разъяренный отец Дорофей. «Что она натворила, что натворила, вылила масло на вашу прекрасную пелену! Там огромное пятно. Где она?!» И помчался дальше искать провинившуюся. Я, конечно, расстроилась – трудов много было положено.



После службы в храме Троице-Пеленица

На следующее утро, в день Успения Матери Божией, прихожу, как всегда, пораньше в храм. Встречаю батюшку, спрашиваю: «Ну как пятно?!»

– Нет пятна!

– Как нет? Куда же оно делось?!

– Господь убрал, нет пятна, абсолютно чистая пелена!

Вот чудо-то! И, конечно, радость. А потом батюшка сказал: «Елей – это милость, и раз вылился на пелену елей – это знак, что Матерь Божия приняла дар». Так Сама Матерь Божия утешила нас всех, от пятна действительно и следа не осталось.

Разгон причта церкви Троице-Пеленица

Много потрудились отцы, восстанавливая церковную жизнь на Рязанщине, много и пострадали за это. И от властей, да и от досужих языков – трудное было время. Долго скрепя сердце терпело местное начальство деятельных священников, но вот и им представился случай разогнать причт этой церкви.

Невольно виновником искушения, спровоцировавшего расправу над ними, стал отец Иоанн. В храме кончалось лампадное масло. Доставали его всегда по случаю, «левым путем», редко удавалось приобрести настоящее вазелиновое, покупали хоть какое-нибудь, даже и моторное. Оно горело плохо, но зато хорошо коптило. Добыть же медицинское, хотя бы для алтаря, было почти невозможно. А тут, как на беду в отсутствие отца Дорофея приехал из Рязани мужчина. Отрекомендовался сыном бывшего церковного псаломщика и уверил, что может достать для церкви вазелиновое масло. Но ему нужны деньги, чтобы его выкупить. Отец Иоанн такой неожиданной удаче поверил сразу и дал этому человеку приличную сумму. Тот, любезно распрощавшись, заверил, что вскоре масло будет, и уехал.

Несколько недель отец Иоанн жил радостным ожиданием, но время шло, и радость сменилась тревогой, а через месяц стало ясно, что ждать нечего. Отец Дорофей, заметив тревогу собрата, выяснил ее причину и страшно возмутился. Горячий по натуре, не терпящий лжи, он деятельно повел следствие и, конечно, вышел на след проходимца, а тот еще оказался и партийным. Все эти известия подлили масла в огонь. Отец Дорофей бушевал: «У меня ни одной копейки церковных денег не пропало, а тут такая сумма. Пойду на предприятие, где

работает этот жулик, дойду до парткома, пусть его за мошенничество выгонят из партии. Я заставлю его вернуть деньги».

Как ни отговаривал батюшка отца Дорофея не связываться с парткомом, признавая себя виноватым, что доверился незнакомцу, обещая вскоре возместить ущерб, но отец Дорофей был неумолим, слушать ничего не хотел и начал активно действовать. Написал жалобу в партком и поехал в Рязань. И что же? Дело незамедлительно приняло неожиданный оборот – было передано уполномоченному по делам религий и представлено так, что это церковники пытались подкупить партийца и теперь еще клеветают на члена партии. Отца Дорофея сразу, без суда и следствия, лишили регистрации, выгнали из епархии с «волчьим паспортом» и без возможности где-либо служить.

Отец Иоанн тяжело переживал случившееся, считая себя виновником трагедии отца Дорофея. «За всю свою жизнь я никого еще так не подводил!» – вздыхал он. А когда понял, что и его дни в церкви сочтены, даже облегченно вздохнул. Ведь в первую очередь достойно и праведно было бы наказывать его. Но оба священника понимали, что дело было не в этой ситуации, а в том, что уж очень много хлопот, огорчений и переживаний доставили начальству они оба. Что тут за история с маслом, за ними водились грешки и посерьезнее, грехи идеологические, которые им простить не могли и только ждали удобного момента, чтобы наказать за все сразу и обоих.

Отец Дорофей перешел в Калужскую епархию. Калужский архиерей, зная его веру и способности к созиданию, не посмотрел на испорченные документы и принял его в клир. Он стал настоятелем деревянного храма где-то в глубинке. Батюшка

помогал ему там обустроиваться. Организовал москвичей в помощь. Даже сам ездил к нему на приход. И сам отец Дорофей несколько раз навещал храм в Ясаково и полюбивших его прихожан.

Я же застала в один из своих приездов такую картину. Уже как-то устроившись на новом месте, отец Дорофей приехал в Ясаково за оставшимися вещами. Шел август-сентябрь. Рязанщина – яблочный край. Солнца много, сады прекрасные, яблоки – объедение.

Прихожу в храм к батюшке. Он в подряснике бегаёт и говорит шепотом: «Сам приехал, наверху принимает посетителей, а дары от них – яблоки, принимаю я и докладываю ему о пришедших посетителях и приношениях. Яблоки таскаю в трапезную, уже всю завалил». Отца Дорофея очень любили деревенские мужички, с которыми он всегда имел дела по работе и умел с ними общаться. Вот они и приходили повидаться и еще раз попрощаться с ним. А батюшка смиренно, как послушник, бегал, докладывал о пришедших, принимал подарки, и так весь день. Надо было видеть этого протоиерея-«послушника». Это воплощенное смирение.

Но вот неожиданно настала разлука с Троице-Пеленицей и для отца Иоанна. Да как неожиданно? Это должно было случиться давно, когда видимо для всех ожила жизнь деревенского прихода, когда на этот приход из Рязани потянулась молодежь.

Я приехала на Воздвижение Креста Господня, хожу по храму, снимаю мерки с икон иконостаса. Подходит батюшка: «Сусанна, не старайтесь. Приезжал на днях новый настоятель, меня переводят на другой приход». Праздник

Воздвижения Креста Господня. На аналое крест, украшенный ветками кустарника с крупными снежными белыми плодами. У аналоя в облачении стоит отец Иоанн, грустный, помазывает своих, уже бывших, прихожан. Хор поет «Крест начертан Моисей...». Прощай, Троица-Пеленица. В храме ощущаю общую скорбь расставания, у многих на глазах слезы. Переводят теперь уже и отца Иоанна.

А мне опять надо идти в публичную библиотеку, в картографический отдел, и искать по крупномасштабной карте Рязанского края, где новое место служения батюшки. Через год умерла и Ольга Сергеевна, «апостол» тех мест. Прощай и Половское.



Летово. Храм Космы и Доминана,
декабрь 1959 г. – июнь 1962 г.
(два года шесть месяцев)

Из воспоминаний Сусанны Валовой

Новый приход – Летово – оказался значительно ближе к Москве, не доезжая Рязани. Станция Рыбное, платформа Выселки. При проезде по железной дороге, из окна поезда, по горизонту на востоке видна колокольня храма Космы и Дамиана.



Летово. Храм Святых Бессребреников Космы и Домиана

Переход на новое место служения ознаменовался для отца Иоанна еще и личными серьезными переживаниями. Когда-то, еще в юности, на улице родного города его властно остановила рука юродивого, который произнес слова, цепко вошедшие в сознание. Он сказал: «Юноша, тебя ждет трагическая смерть от ножа. И произойдет это в маленьком домике вблизи железнодорожной станции». С момента встречи с Божьим человеком прошло более тридцати лет, иногда предсказание всплывало в памяти, но обстоятель-

ства не совпадали с конкретными указаниями пророчества, так что постепенно и сама память о сказанных когда-то словах стерлась.

И вот Летово! Вся обстановка воскресила когда-то давно сказанные слова. Домик, где поселился отец Иоанн, недалеко от железной дороги. Каждый вечер, когда гасли огни, на горизонте были видны светящиеся окна движущихся вагонов и слышен гудок паровоза, извещающий о прибытии поезда к станции. Воспоминание о предсказании оживло настолько, что отец Иоанн просил некоторых близких ему людей молиться о нем, чтобы миновала его «чаша сия».

Впоследствии, когда опасность смерти от ножа миновала, батюшка говорил: «Умирать от злодейской руки как-то не очень хотелось, вот если бы дал Господь мученический венец в заключении, но этого меня Господь не удостоил». А пророчество было истинным, пришлось-таки отцу Иоанну почувствовать на своей шее холод стали. И предсмертный вопль к Богу им был послан. Но и у Господа иногда планы меняются. Кто или что спугнуло разбойников, осталось тайной. Но тогда, после гвалта, невообразимой матерщины и предсмертной тоски в душе, неожиданно вдруг настала тишина, а отец Иоанн связанным продолжал лежать под иконой Иоанна Богослова, руки с ногами стянуты вместе за спиной, с тряпьем во рту. Тишина была для него убедительным извещением, что он уже и умер. Это случилось в ночь с 28 на 29 декабря 1961 г.

Несколько подробностей об этом трагическом летовском искушении. В доме тогда находились двое мужчин-помощников, пожилая женщина Мария Михайловна, все из Москвы, да Агриппина. Настоятель уехал в Рязань к дочери. На улице

мороз, декабрь в силе. Уже за полночь, все спали. Разбойники выломали окно и через него проникли в дом. Связать бесшумно сонных людей оказалось нетрудно. Оставив связанных, пошли на половину батюшки. Его, сонного, за бороду стащили с кровати, туго связали электрическим проводом, приставили к горлу нож, и, как вспоминал сам отец Иоанн, тогда он ощутил холод металла и смертную тоску. Второй раз в его жизни начался обыск, требовали ключи от церкви, угрожали прирезать. Все перерыли и ничего не нашли. И вдруг тишина!

В доме лежали в жутком холоде связанные полураздетые люди, окно открыто. Мария Михайловна, почувствовав, что руки связаны неплотно, начала ими шевелить и постепенно высвободила руки, а распутав и ноги, пошла освобождать Алексея Козина, который по жалости от самих разбойников не был затянут крепко. На его теле война оставила свои страшные следы, и это подвигло безжалостных людей на жалость к нему. Он первый и пришел на помощь батюшке.

На следующее утро прихожане были удивлены тем, что служба началась с благодарственного молебна. Сами обитатели домика на другой день выяснили, что у них исчезли некоторые вещи: из кельи настоятеля пропал магнитофон (в то время еще редкость) и бронзовая чернильница в виде царь-колокола, очевидно, сочли за золото. У отца Иоанна похитили главное: паспорт и прочие документы. Регистрацию на возможность служения ему пришлось восстанавливать у уполномоченного.

Через много лет, когда отец Иоанн жил уже в монастыре, разбойники попались на каком-то другом деле. А летовское дело всплыло, так как один из участников банды все эти годы



Проводы в путь вся земля прихожанки храма

жил под батюшкиным именем с его паспортом. Батюшку приглашали свидетелем на суд, но он из монастыря не поехал.

В то время, когда отец Иоанн только начинал служение в храме Космы и Дамиана, долго страдать от предсказания ему не пришлось. Предсказание предсказанием, а жизнь жизнью, и дела, которых было много, быстро вытеснили мрачные думы. Началось обустройство на новом месте, и тут проявились проблемы уже другого характера. Где поселить нового служителя? Всякое строительство при церкви в то время было категорически запрещено. А храм далеко отстоял от жилья,



Вид на летовский храм из деревни



Летово. На пути к храму

да и от железной дороги приблизительно на четыре-пять километров.

Дорога к Летову от полустанка живописна, особенно летом: с одной стороны поле, а с другой – невысокие холмы с небольшими, очень трогательными березками и цветным разнотравьем. Перед храмом – глубокий узкий овраг, через него деревянный мостик с перилами. И вот одна из старушек, помогающих в храме, узнав о трудностях с жильем, как простая колхозница-труженица, смогла купить на свое имя «финский» домик. Поставила его за оградой церкви, и вопрос с жильем разре-

шился. Домик оказался довольно вместительным, в нем поселились оба священника. Распланировали дом так, что у батюшек появилось по маленькой келье, комнатка для помощницы, общая комната, где обедали, и маленькая кухонька. Хозяйничать у них стала Агриппина.

Настоятель храма – тоже отец Иоанн, Смирнов, потомственный священнослужитель из Рязанской земли. Большого роста, с громким мягким басом, большой бородой с проседью и копной темных волос, встретил нового сослуживца настороженно и очень скоро перешел к неприязненному отношению, которое не считал нужным скрывать. Первое недоумение от такого недружественного приема у батюшки скоро сменилось пониманием и даже сочувствием к собрату. Он узнал, что тот недавно овдовел и что в Рязани у него живет больная дочь-подросток с отставанием в развитии. Этого ему было достаточно, чтобы понять человека и все ему прощать. Он даже и нам не раз говорил, что возможность излить на кого-то душевную боль, которую отец Иоанн Смирнов носит в сердце, – благо для него, а нам всем это надо понять и сочувственно претерпевать его раздражение и гнев.

С появлением на приходе второго отца Иоанна все стали называть настоятеля отец Иоанн-большой, а нашего батюшку – отец Иоанн-маленький, из-за разницы в росте. Отец Иоанн на этот счет пошучивал: «Не везло мне с сослуживцами! Служил я в Троице-Пеленице с отцом Иоанном Косовым. Прихожане звали нас: отец Иоанн-молодой и отец Иоанн-старенький. Служу в Лето́ве с отцом Иоанном Смирновым, его зовут Иоанн-большой, а меня Иоанн-маленький. Так я – то маленький, то старенький, а все Иоанн».

В храме Космы и Дамиана с приходом отца Иоанна начались видимые изменения: упорядочилась служба, хорошее пение и чтение поддерживали приехавшие за отцом Иоанном монахини упраздненного Браиловского монастыря, к которым присоединились молоденькие девочки из Рязани, некоторые и по сию пору продолжают петь в Лето́ве. К батюшке стали приезжать москвичи, которые оставались и подолгу работали в храме. Молва разнесла весть о благоговейных службах в храме села Лето́во, и поехали туда богомольцы из разных приходов: Коломны, Рязани, Ясаково. Значительно увеличилось число прихожан.

Сам отец настоятель Иоанн «большой» любил службу, служил благолепно, проникновенно читал Евангелие, был неплохим хозяином. Отец Иоанн «маленький» не уступал «большому». И был бы на этом приходе рай, если бы контраст в отношениях братьев не бросался всем в глаза. Деспотичный характер настоятеля был очевиден всем. Он требовал от всех, начиная с нашего батюшки и прочих помогающих в храме, абсолютного послушания. Неимоверная требовательность и просто постоянное раздражение и грубость по отношению к сослуживцам отравляли жизнь и были не столько особенностями характера, но еще и проявлением болезни. Одним словом, с ним всем было нелегко.

Отец Иоанн оставался, конечно, самим собой. Всегда спокойный, всегда радостный и любвеобильный. Так же служил, исповедовал, ездил по приходу. Когда оставался один (на наше счастье, настоятель частенько отлучался к дочери в Рязань), тогда уж мы радовались возможности свободно пообщаться и побеседовать со своим духовником. Когда же появлялась



Летовская дорога

необходимость о чем-то поговорить с ним срочно, встречи назначались в лесочке или в поле, вдали от дома.

Зная отношение отца настоятеля, никто в его присутствии не решался оказать и малейшего внимания отцу Иоанну. Привезут гостинцы, тайком, через Агриппину, внесут к нему в келью, а он потом тайком же одаривает нас ими. Заболеет батюшка, сляжет с большой температурой в своей комнатке, встает вопрос, как передать ему лекарство, уж не говоря о том, чтобы поставить ему горчичники или погреть ноги

в горячей воде. При настоятеле отце Иоанне-большом все это было невозможно.

Трудно поверить, но это было так. Ревность, странная ревность к сослужителю у престола. Бегу домой ночевать, смотрю на окружающую красоту природы, на гармонию во всем окружающем нас и начинаю горевать от увиденного в отношениях людей. И невольно начинает мучить вопрос: «Почему, зачем такие нелепые отношения?!» В природе у Бога – гармония, а в человеческих отношениях такой разлад.

Но и само время служения отцов в Летове было насыщено для Церкви драматическими событиями, и священники все время были на передовой. Желание властей как можно скорее искоренить у людей веру и закрыть все церкви диктовало способы неожиданные. К этой борьбе подключили молодежь. В деревне, где старшее поколение не мыслило себя еще неверующими, где еще были живы старушки, выросшие в Церкви, бабушки внуков-комсомольцев, внуки их и стали активными богоборцами.

Во время служб вокруг церкви стали устраиваться шумные игры с музыкой и танцами, в окна со звоном стекол летели шары. Когда разбушевавшуюся молодежь взялись остепенить бабушки, шум прекратился, но священники начали получать письма, полные угроз о физической расправе над ними. От отца Иоанна требовали покинуть Летово. Потом стали приходить письма такого содержания: «А ты, очкарик, не задавайся, мы тебя с горбатой Авдотьей на одном столбе повесим, а толстопузому архиерею кишки выпустим». Отец Иоанн собирал эти послания, а когда их накопилась целая пачка, повез к уполномоченному. Тот попытался замять дело, ведь это же анонимки. Но на каждой такой страничке стояла про-

стодушная подпись: «честное комсомольское», на что и указал батюшка. Уполномоченный вынужден был обратиться в милицию. Но и сам предпринял активные меры. Ни Иоанна-большого, ни Иоанна-маленького в храме очень скоро не стало.

Во время своего служения на Рязанщине батюшка отец Иоанн бывал у нас в гостях в Питере. Приезжал специально посетить наш город, был и проездом, когда ездил в Печоры и в Пюхтицу. Обычно я водила батюшку и его спутников по питерским храмам к святыням, в Исаакиевский, Петропавловскую крепость и Русский музей.

Собираемся посетить Русский музей. Батюшка надевает рясу, а я – в смущении, священники в общественных местах появляются только в гражданском одеянии. Как же будет воспринята такая неожиданная дерзость? Но он хочет еще и крест надеть! Тут уж я категорически протестую. Отец Иоанн нехотя уступает. В раздевалке музея гардеробщик почтительно и с явным любопытством берет у батюшки пальто. Торжественно идем по залам. В каждой комнате смотрительница и посетители с удивлением рассматривают не только экспонаты, но и нас во главе с батюшкой. Он увлекся экспозицией, обозревает картины и не замечает, что сам стал экспонатом. Мы идем сзади, чуть поодаль от него. Некоторые смотрительницы спрашивают, откуда батюшка. «Орловский, Орловский», – отвечает кто-то из нас.

В одном зале я задержалась и слышу разговор двух смотрительниц: «Какой приятный священник и в рясе, но почему же без креста?» А другая: «Крест, очевидно, надевается в особо важных случаях». Как меня потом батюшка корил, что я была против того, чтобы он надел крест!



Панихида на сельском кладбище

В наше время это непонятно, сейчас толпами духовенство ходит везде в рясах и с крестами. Тогда же редко можно было увидеть на улице или в общественном месте священника в рясе.

Особенно задержался батюшка в зале, где была выставлена картина Репина «Заседание Сената». Всмотривался в лица выдающихся деятелей царской России. Их портреты – эскизы к картинам. Уходя из этого зала, батюшка подошел к смотрительнице и попросил памятную книгу, чтобы написать свое впечатление от просмотра. Такой книги в зале не оказалось.

Этой же компанией направились мы в Исаакиевский собор. Батюшка вошел, огляделся и произнес: «Если бы я жил в этом городе, я бы каждый день ходил сюда молиться. Произнеси сейчас возглас “Благословенно Царство...”, и все тотчас оживет: эти иконы, эти стены. Собор вспомнит свое величие, он ничего не забыл». По собору отец Иоанн ходил молча и очень сосредоточенно, видно было, что молился. Вышли из собора и обнаружили за собой слежку. Почти не скрываясь, человек прилепился к нам. Хорошо зная свой город, я приняла меры, и мы скоро освободились от него.

Мы еще поехали по храмам, были и на Смоленском кладбище. Часовня Ксении Блаженной была тогда закрыта, помолвились у стен ее, посидели на кладбище. Уговаривали батюшку перекусить бутербродами, но он категорически отказался есть не за столом и не вовремя. Я, пользуясь общим вниманием, заговорила, что не во всех наших храмах хорошо молиться и чувствуется благодать. На что отец Иоанн живо возразил: «Благодать Божия во всех храмах – это у кого душа огрубела

и легкие нездоровые, тому и молиться тяжело, и дышится трудно. А мне вот везде хочется молиться, и во всех храмах, и на природе. А уж какая молитва была в лагере! Теперь о ней осталось только воспоминание».

Как-то приехал отец Иоанн в Питер с отцом Виктором Шиповальниковым. Поселились они в гостинице на углу Невского и Восстания, напротив метро, прямо через дорогу. У меня тогда очень болела мама. Я знала, что батюшки едут, встречала их на вокзале и очень просила заехать ко мне. Но отец Иоанн ответил, что он в полном послушании у отца Виктора, который предупредил его, чтобы не было никаких визитов ни к нему, ни его к кому бы то ни было. «Молись, чтобы разрешил отец Виктор заехать к тебе», – сказал мне батюшка.

На следующий день в назначенное время я ждала в вестибюле метро. Отца Иоанна все нет. Из автомата звоню в номер гостиницы и получаю ответ, что отец Виктор ушел куда-то в город, оставил батюшку в номере, сказав ждать его возвращения. Я волнуюсь – время идет, прошел час, другой. Звоню в номер – ответ все тот же: «Нет отца Виктора – уйти не могу. Нет благословения». Умоляю – всего одна остановка на метро до моего дома. Мама, за которую постоянно молится батюшка, лежит больная, и невозможно ей получить его благословение. Уже вечер, уже до их отъезда в Москву остался час. Я в отчаянии вернулась домой. Наконец звонок: «Выхожу, отец Виктор разрешил Вас посетить, встретьте меня». Приехали ко мне, батюшка благословил маму. Обогрел любовью, но почти не успел поговорить с нами. Мы поехали прямо на вокзал. Ведь поезд ждать не будет.



Паломничество на Валаам

В одну из моих поездок на Валаам с отцом Кириллом (Начис) мы встретились с седовласым человеком, бывшим послушником Валаамского монастыря, в 1914 г. мобилизованным из монастыря на войну с немцами. С той поры он не бывал на острове и теперь ехал на теплоходе, и тоже по туристической путевке, мечтая оживить воспоминания молодости, самого памятного и лучшего периода своей жизни. Мы обрадовались такой встрече и попросили, чтобы он стал нашим путеводителем по острову. Старичок согласился.

Мы сошли на берег, как обычно, в Никоновой бухте, и он повел нас не с толпой по дороге, а тропками, сокращающими путь. По дороге он сетовал об оскудении природы на острове, горевал по поводу оскорбления святынь

и разорения скитов, о запустении внутренних водоемов, которые при нем до 1914 г. кишели рыбой. Этот поход с бывшим послушником не прошел бесследно. Мои восторженные рассказы о паломничестве на Валаам породили и у отца Иоанна желание попасть туда. И вот в 1961 г. выдалась возможность, и мечта его стала реальностью. Желающих присоединиться к поездке и совершить это паломничество оказалось семь человек, в том числе и друг отца Иоанна отец Виктор Шиповальников со своей матушкой. Я оформила туристические путевки, и мы отправились в плавание.

На теплоходе к нам присоединился еще отец Александр из Троицкого собора Александро-Невской лавры. Возглавлял группу отец Виктор Шиповальников. Три видных священника и шесть женщин обращали на себя внимание. На теплоходе путешественников кормили обедом, а было время Петровского поста. Представительный отец Виктор отправился в каюту капитана и попросил всю нашу компанию покормить отдельно. Когда мы после всех вошли в столовую – вся кухня стояла в проеме дверей и глазела на столь необычных пассажиров. Прочли молитву, отец Виктор благословил стол. Еда была постной.

Но последствия такой смелости для меня обернулись серьезными неприятностями. Меня тут же вызвали в каюту первого отдела, которая оказалась даже и на теплоходе. А при посадке у нас отобрали паспорта, так как Валаам – это пограничная с Финляндией зона. Начались расспросы, по сути – допрос.

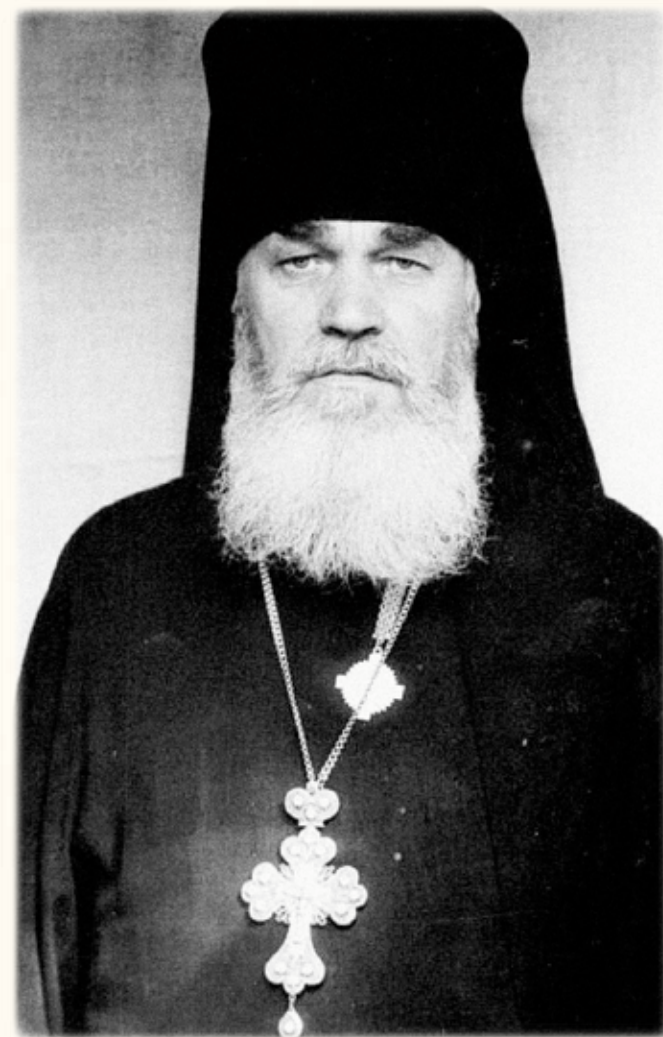
– Где достали путевки? Кто едет с вами?

И самый страшный вопрос, где я работаю и живу, мои фамилия, имя, отчество. Говорю, конечно.

Утром подъехали к острову. Вышли на берег. Впереди у нас целый день, теплоход отчаливает в восемь вечера. Батюшка оглянулся кругом, вздохнул полной грудью. «О, какая благодать Божия!» Я хорошо запомнила тропы, по которым вел нас валаамский послушник, и по ним мы самостоятельно пошли в глубь острова. Но не тут-то было, прямо с теплохода к нашей группе был прикомандирован мужчина. Он неловко пытался прятаться в кустах, следуя за нами. А мы вне официального маршрута углублялись внутрь острова.

Там, где раньше были мостики и переправы, теперь стояла вода. Сняли обувь и пошли босиком. Иногда вода была выше колен. И вот по одной протоке услышали шум приближающейся моторки. Отец Виктор остановил лодку и договорился с местным жителем перевезти нас в Иоанновский скит. Это был самый строгий скит на Валааме. Попросил, чтобы лодка вернулась за нами часа через четыре. Но все в лодку не поместились, сначала поплыли отцы, а мы остались на маленьком островке суши с вещами. На палке повесили ботинки отцов.

Ждем. Наконец снова звук мотора, и мы тоже плывем в скит. Красота неопишная: гладь воды в заливе, кругом на скалах высокие деревья. Над нами – чистое голубое небо, отражающееся в воде. Подплыли к берегу и что видим?! На огромных валунах, наполовину лежащих в воде, стоят отцы, как «два валаамских монаха», в подрясниках и босиком, с крестами на груди, в скуфьях и с распущенными волосами. Это отец Иоанн и отец Виктор – они с этих валунов благословляют приближающуюся лодку, на которой мы плывем.



Архимандрит Кирилл (Начис)



Паломники на Валааме

Начали продвигаться в глубь острова – подошли к разрушенному деревянному строению скита, к колодцу. Рядом и могилка великого старца, все это в запустении. Но мы несказанно рады, у наших батюшек с собой требники, и они начали служить водосвятный молебен. Мы поем, поем хорошо, с нами регент Мария Борисовна Шиповальникова. Молимся со слезами, душа поет и ликует. А у отца Александра нет с собой подрясника, стоит в пиджачке. Отец Виктор строго ему выговаривает: «Как же ты, отец, не взял с собой подрясник и крест, а вдруг тонуть бы стали, так в пиджачке бы и пошел ко Господу?»



Отец Иоанн с отцом Виктором Шиповальниковым и отцом Александром Козловым

На наших отцах епитрахили, достали акафист, читают поочередно, а отец Александр только стоит рядом. Конечно, отец Иоанн сжалился над ним и надел на него свою епитрахиль. Так что все отцы послужили.

Освятили воду в довольно глубоком колодце. Связали кушаки наших платьев, на этой «веревке» привязали крест отца Иоанна и опустили его в колодец. Освятили воду, также на веревке кружкой зачерпнули святой воды, и батюшка щедро окропил нас всех с головы до ног! Напились. Счастливы! Непередаваемо! Все овеяно святостью.

Ходим по бывшему скиту, кругом огромные валуны, высокие сосны и ели, а с берегов простирается до горизонта Ладога. Здесь я уговариваю отцов сфотографироваться на валуне. С трудом согласились. И «аховый» фотограф трясушимися руками сделал исторические фотографии. Незаметно пролетели три-четыре часа. Я все побаивалась, а вдруг лодка за нами не вернется?! Но вот снова раздался шум моторки, и нас благополучно доставили обратно.

Позднее я рассказала о нашем посещении Иоанновского скита одному из валаамских старцев, жившему в Печорах. Он с укором сказал: «Вот ведь какие вы, ведь нога женщины туда не ступала! Даже царица не посмела посетить скит!» Время идет, и так все меняется в жизни. Конечно, старец не мог представить, что стало с Валаамом ко времени нашего приезда туда и в какой разрухе стоял некогда величественный монастырь – полное осквернение святынь. Мы-то молились там по-настоящему и на святом колодце, и на могилке старца.

Когда нас лодочник перевез обратно, шпика уже не было, и мы быстро пошли дальше по знакомым мне тропам. Осмотрели попутно скиты, памятные огромные гранитные кресты, сам монастырь и главный храм внутри. Разоренное монастырское кладбище. Никольский храм и его скит, где располагалась психиатрическая больница. Нас оттуда «медицина» выгнала. Везде молились, пели тропари в разрушенных храмах, пели заупокойные молитвы на кладбищах. Так провели прекрасный день паломничества на Валааме. Батюшку отец Виктор по-дружески называл «Ванечка да Ванечка», а батюшка улыбается: «Вот так всю жизнь я все Ванечка да Ванечка, никак до Ивана не дорасту».

Успели на теплоход. Хорошо выспались в каютах, а утром прибыли в Питер. Последствия этой поездки для меня были трудными. Сообщили в 1-й отдел на работу, началась негласная травля. Но Господь помиловал, не уволили, только помытарили и постращали непосредственные начальники.

Когда я начала ездить к отцу Иоанну в Летово, то и там мир оказался не без добрых людей. Снова в моей жизни появилась добрая душа Анастасия Павловна, жившая на Выселках. Домик ее был рядом с полустанком, и все батюшкины чада называли его «гостиницей». Мне часто приходилось тогда ездить к духовному отцу, так как у меня в то время начался сложный период жизни. Я жила с мамой, которая тяжело болела и часто была на грани между жизнью и смертью, и в эти моменты на меня нападал ужас. Страх надвигающегося одиночества парализовал душу. Отцу Иоанну посылались срочные телеграммы, и его молитвы держали маму в жизни, а меня спасали от того, чего я боялась панически.

В минуты ропота батюшка не раз мне напоминал: «Сколько раз мы маму спасали от смерти, что же Вы не веруете в милость Божию и впадаете в отчаяние?» Батюшке нельзя было не верить, а тем более послушаться его. Но я умудрялась делать и то и другое. На таком фоне я начала думать о замужестве. Начались у нас разговоры о христианском браке. «Давай молиться, что Господь скажет нам. Неожиданно может появиться какое-то знакомство, не надо его избегать, но “с хитрыми – по-хитрому”». Не надо сразу открывать всю душу, но постепенно, незаметно испытывать, что у человека внутри. И если вы будете одного духа, то дальше вам уже ничего не страшно, никакие испытания. Христос трижды

вопрошал апостола Петра: “Любиши ли Мя?” Так и в жизни надо трижды испытать друг друга: “Любиши ли?” Без любви не может быть доброй семьи. Бывает, что человек окружает другого ореолом, а потом вдруг такое открывается! Но ничего уже не поделаешь. Всё. И тут начинается самое страшное – фальшь».

Получив такие ясные указания и даже предупреждения, я умудрилась ничего не услышать и не понять. Пришло Богом определенное время, и мама скончалась. К этому моменту меня приготовила ее тяжелая болезнь, я понимала, что удерживать ее долее было безжалостно по отношению к ней. С кончиной мамы мысли о замужестве еще больше укоренились во мне. Кто-то познакомил меня с молодым человеком, его звали Лев. Увлечь меня в этот момент было нетрудно: немного внимания и заботы – и я потеряла голову.

Взрослый, уверенный и обходительный, да еще будто бы и верующий. Впоследствии оказалось, что он один раз уже был женат, и это он, конечно, от меня утаил. Я совсем ослепла. Желание создать семью заслонило всё, даже и очевидное. Но как-то раз в Питере мы, будучи вдвоем со Львом, встретились на улице с владыкой Мануилом (Лемешевским). Он частенько навещал свою сестру, которая жила рядом со мной, и мы были знакомы. Владыка тогда ходил пешком, одет был в какое-то немыслимо старое пальто, а на голове выношенный заячий треух. Увидев нас вдвоем, он остановился и пронзительным взглядом окинул Льва. Тот же тотчас сделался воплощением любезности и расплылся в приветливой улыбке. Владыка, протянув свой костлявый палец прямо к переносице Льва, строгим голосом произнес: «А что это у тебя на переносице?»

Лев смутился, а владыка, снова показывая сухим пальцем на переносицу, еще строже повторил: «Что это у тебя на переносице?» И так три раза подряд. Лев стал пунцовым, и глаза его забегали. На этом мы и расстались, а я и тогда ничего не поняла. Вечером же раздался телефонный звонок, и владыка велел мне прийти к его сестре.

Я пришла, и владыка тотчас начал разговор о моем друге, буквально приказав немедленно прекратить с ним встречи и всякое общение. Немедленно расстаться с ним, и навсегда. Провожая меня, он добавил: «Я буду очень молиться за тебя». Закрывая за мной дверь, он еще раз повторил: «Немедленно бросай его!»

Но я была влюблена в этого человека, и наказ владыки смутил меня, но не произвел должного впечатления. Дальше только молитвы владыки и отца Иоанна спасли меня от нравственной гибели.

Лев, опытный ухажер, назначил мне свидание вечером на заводе, где работал сторожем. Завод за Невской заставой, место безлюдное. Пока мы сидели с ним и разговаривали, охрана ушла, ворота и проходную заперли на ключ. На всей территории завода я осталась один на один со Львом. И только тут я увидела его другими глазами. Его вид пробудил во мне чувство опасности, и я, взмолившись, бросилась бежать от него, а он – за мной. По каким-то ящикам я вскарабкалась на забор, изранившись, перелезла через колючую проволоку и спрыгнула с высоты пяти метров на улицу, не переломав себе ни шею, ни позвоночник.

Я была так напугана, что на следующий же день взяла на работе отгул и поехала к бабушке, уже понимая, что поги-

баю. Это был конец ноября. Темень непроглядная, погода ужасная. Но я добралась до Москвы, села на первый попавшийся поезд на Рязань и поехала в Летоно. Зная, где должна показаться на горизонте колокольня храма, я, стоя у окна, мысленно обращалась к батюшке: «Знаешь ли ты, батюшка, кто к тебе едет и в каком состоянии...» Через час, пройдя три с половиной километра по полю в абсолютной темноте, увязая в грязи, я оказалась у храма, а потом – и у крыльца домика. Стучу, что-то будет?

Открывает дверь батюшка и с порога кричит в дом: «Агриппина, вот она Сусанна! Я что тебе говорил!» Вхожу в тепло и уют домика. Слава Богу! Настоятеля нет, одна Агриппина и батюшка. И мне рассказывают: сидят они с Агриппиной на кухне за столом. Гудит поезд. Агриппина говорит: «Поезд едет, гудит, кого-то везет?» А батюшка ей в ответ: «Сусанну везет!» И вот – я на пороге. «Агриппина, что я говорил – Сусанна едет». Я потрясена. Прошу поисповедовать меня поскорее, так как надо завтра же утром уезжать на работу в Питер. Идем в батюшкину комнату. Начинается исповедь. Всё рассказываю, долго длится исповедь... И вот стоит батюшка в белом подряснике, голубой епитрахили, в руках – крест. «Решайте, Сусанна, или вы разрываете со Львом, и я читаю разрешительную молитву, или остаетесь с ним, тогда я не читаю молитву и не могу разрешить ваши грехи, и тогда вы расстаетесь со мной».

Я была настолько поглощена страстью, что не смогла сразу ответить. Отец Иоанн помолчал, потом произнес: «Хорошо, пойдёмте поужинаем, попьём чайку, а тем временем Вы решите». Выходим из комнаты. Агриппина говорит: «Батюшка,



У могилы валаамского старца-подвижника

да Вы Сусанну полтора часа исповедуете. А если бы здесь было десять человек?» – «Тогда бы полтора часа на десять человек», – ответил батюшка. Поужинали, попили чайку.

Агриппина ушла спать. А я опять у аналоя, и опять батюшка передо мной в епитрахили и с крестом. «Что Вы решили, Сусанна?» Закрываю глаза, в душе буря, но заставляю себя сказать: «Я брошу Льва». Батюшка покрывает меня епитрахилью, отпускает грехи, дает поцеловать крест и Евангелие. Сам радостный, прямо сияющий, произносит: «А искушение – это проверка нашей сопротивляемости. Во время искушения мы поддаемся немощи нашего естества и забываем призывать силу помощи Божией. Ведь только тогда сможем крепко противостоять искушению». Такой дорогой ценой давалось духовнику сохранять нас на пути к спасению. Да, я погибала, я желала этой гибели, и только строгость остановила меня. Отец Иоанн нашел слова, приведшие меня в чувство. Потерять его для меня было смерти подобно.

Наутро я рано убежала на поезд и уехала домой. Сразу по приезде позвонила Льву, назначила встречу на улице, недалеко от моего дома. Встретились. Не поднимая на него глаз, твердым голосом произнесла: «Лев – это последняя наша встреча». И быстрым шагом ухожу от него навсегда. Перед моим мысленным взором во время встречи стоит отец Иоанн в епитрахили с крестом в руке, стоит как наяву, присутствуя при этом объяснении.

Так силы молитв людей, дорожащих моей душой, спасли меня от ужасного падения, которое могло исказить всю мою жизнь. И это спасение было равносильно тому, как спас меня старец Симеон от психиатрической больницы. При первой же

встрече со мной владыка Мануил тоже спросил: «А ты бросила того типа? Я молился за тебя все это время». Я с легкой душой ответила ему правду и поблагодарила за участие в моей судьбе.

Успение Пресвятой Богородицы – любимейший праздник батюшки. Помню, последнее служение его в деревне Короблино перед запретом служить по домам в деревнях. На Успение настоятель отправляет отца Иоанна в деревню. В том селе когда-то был храм в честь Успения Матери Божией, церковь разрушена, но память о престольном празднике у всех селян жива. Пришли люди и слезно просили, чтобы приехал к ним священник помолиться с ними.

Отец Иоанн поехал в Короблино накануне Успения Пресвятой Богородицы, взяв с собой большую икону Успения Матери Божией, кадило, книги, Святые Дары, облачение. Да еще и нас – шесть человек молодых парней и девушек, приехавших на праздник в Летово. Для всей молодежи это была большая радость – помолиться и побыть с батюшкой рядом. Ехали сначала по железной дороге, потом шли с иконой километра четыре крестным ходом до села.

Был чудный летний день. Кругом – живописные окрестности, поля, перелески, птицы поют, солнце, воздух, голубое небо, ковер трав с полевыми цветами. И вся компания во главе с отцом Иоанном – сияющая радостью! И духовник тут с нами рядом и целиком наш!

Пришли в деревню, где батюшку знали и где был дом, в котором он раньше останавливался. Но на этот раз в доме уже жили постояльцы, и нас хозяйка не смогла принять. Встретившие нас селяне засуетились, забегали в поисках



Друзья-священники. 1957

жилья. Деревня очень большая, но сразу найти достойное пристанище, с учетом того, чтобы утром служить там же обедницу, не удавалось. После суеты и беготни по деревне наконец нас привели в дом двух старушек. Что это был за дом! Мы входим, отовсюду смотрит на нас вопиющая нищета, пол прогнил, огромная провалина застлана старыми досками. Посередине – стол, в углу – бедная божница и две старушки, одетые в какое-то тряпье.

Расселись мы по лавкам вокруг стола – устали, хотим пить, да и поесть бы уже не мешало. Старицы хлопочут, рады приходу батюшки, но бедны, до чего же бедны, даже хлеба нет. Извиняются, гости-то неожиданные. Вываливают прямо на стол из чугунка холодную картошку «в мундире».

Посередине стола ставят миску, в которую из бутылки наливают какую-то белесую мутную жидкость, поясняя, что это «квасок» из свежих огурцов. Раздали нам кривые ложки. Батюшка благословил стол и, ничтоже сумняшеся, начал трапезу: чистит холодную картошку, хлебает из общей миски эту невообразимую бурду. Улыбается, радуется, что-то ласковое говорит хозяйшкам. Я попробовала «квасок» и еле проглотила ложку этого пойла. Кто-то с улицы принес хлеб и известие, что ищут какое-либо более подходящее для нас пристанище.

Дело близится к вечеру. Наконец нас по двое разводят по домам. Батюшку пристраивают в какой-то бедный, но чистенький домик к вдове, где завтра утром можно будет и служить. Меня привели в богатый дом. Там всюду шла подготовка к празднику. Пекутся пироги и что-то еще к праздничному столу. Меня всем этим кормят и укладывают в чистую постель на ночь.

Утром собираемся в дом, где остановился батюшка. Большая светлая горница, бедно, но чисто и светло. Приготовили стол для совершения обедницы и всё для освящения воды и причащения людей. Радостный батюшка облачается в фелонь. Обращаю внимание на большую деревянную резную кровать. Очень необычную, самодельные спинки вырезаны узорами. Потом узнаю, каково спалось батюшке на этой шикарной кровати. Из всех этих вырезанных загогулин на него выползли полчища клопов, которые ночью и набросились на «свежатинку». Как он спал, трудно вообразить! Но по нему ничего не было видно.

Начинает обедницу – светлый, радостно сияющий. Народу пришло немного. К концу обедницы стали подходить жен-

щины с детьми. Батюшка всех причастил. Отслужил водосвятный молебен. Тут же нас всех и покормили – деревенские нанесли настоящей праздничной еды. После обеда батюшка пошел по деревне освящать дома, взяв себе в помощь юношей. И они проходили допоздна. Уже стало темнеть, когда, измученные, они вернулись, обойдя до полусотни домов, а нам надо еще добираться до станции, чтобы успеть на последний поезд. Идем в темноте по деревне, уже пьяной: где-то драка, где-то пляски, где-то ругань – страшновато.

Успеваем на поезд. Батюшка достает молитвенник, просит всех помолчать. Завтра ему служить, надо прочитать правило. Доехали до своей станции, а батюшке еще три с половиной километра темной ночью надо идти до Летова, чтобы поутру служить литургию на второй день Успения. Такие подвиги приходилось совершать ему на Летовском приходе.

Вскоре после нашей поездки в Короблино от властей вышел запрет совершать требы на дому, кроме причащения и соборования тяжело болящих. Но жители дальних деревень продолжали приглашать священников, и, конечно, ехать предстояло именно отцу Иоанну. В одну из таких поездок батюшка взял меня. Ехали на телеге, был прекрасный летний день. Обычно, пользуясь случаем, в надежном доме около больного человека собирались еще несколько человек, которых батюшка и соборовал, и причащал. В особо надежных случаях батюшка освящал и дома. Так же было и в этой деревне.

Батюшка около одного безнадежно больного соборовал и причастил человек десять. Освятил два дома постоянных прихожан храма. Риск был и в этом. Но деревня есть деревня, мгновенно распространился слух, что приехал свя-

щенник, и тут начались душераздирающие истории. В избу, где отец Иоанн причащал больного, вбегает сравнительно молодой мужик и умоляет батюшку заочно отпеть в его доме мать. Умоляет со слезами, падает на колени, просит и просит... Батюшка объясняет, что категорически запрещены требы по домам. Мужчина в слезах уходит, минут через двадцать он снова является с бутылкой водки и деньгами, снова умоляет отпеть мать. Батюшка уговаривает его приехать в храм, но тот говорит, что нет у него такой возможности, плачет навзрыд. Я стою за дверями, прячусь от людей и тоже плачу. Прибегают еще и еще люди, умоляют, просят: кто – освятить дом, кто – помолиться над скотинкой... Опять объяснения, опять отказ.

И все-таки даже слезные просьбы не мог выполнить отец Иоанн. Видеть и слышать это было невыносимо больно и мне, а что переживал в это время батюшка в своем любвеобильном сердце!

Отец настоятель, Иоанн-большой, сначала многое предпринимал, чтобы вывести из равновесия отца Иоанна, но когда понял, что это ему не удастся, стал раздражаться приездом к нему духовных чад и богомольцев. Попытался даже вообще запретить эти паломничества. Но вот тут-то мы совершенно случайно и узнали, что отец Иоанн, как орел, встал на защиту своих птенцов.

Дело было так. Однажды мы с хозяйкой, где я всегда останавливалась, пошли на кладбище, на могилки ее родных. Храм в Летове стоит на кладбище. Подходим, и из-за кустов и деревьев слышим голоса батюшек. Они на кладбище и разговаривают громко и очень напряженно. Немирствие слышно в тоне обоих. Мы боялись отца Иоанна-большого и залегли

в кустах, боясь выдать свое присутствие даже шорохом. Слышим, настоятель требует, чтобы никто и ниоткуда к отцу Иоанну не ездил. Слышим в ответ твердый и решительный голос батюшки: «Отец Иоанн, если Вы запретите моим духовным чадам приезжать сюда – меня здесь не будет. Запомните это – меня здесь не будет!» – несколько раз громко и твердо повторил отец Иоанн. На время разговор затих, и мы ползком попятнулись из-за кустов, благо они были густые, выползли с кладбища, так и не подойдя к своим могилкам, и припустили домой.

Вот в такой обстановке проходило служение отца Иоанна два с половиной года. Однажды мне пришлось выполнить срочное и довольно трудное поручение – доставить болящую родственницу Анастасии Павловны в Лето. Она сердечница, болела так, что не чаяли ей выздоровления. И в Питере, и в Москве пришлось брать для нее инвалидное кресло, чтобы довезти до вагона. В Рыбном нас встретила ее родственница. Я, зная обстановку на приходе в тот момент, не рискнула сама пойти в Лето. Пошла туда Анастасия Павловна – сказать отцу Иоанну, что я приехала и привезла Галю. Батюшка попросил, чтобы я не появлялась в Лето на сей раз «ради мира церковного», и пообещал по возможности прийти сам.

На следующий день я не отходила от окон, но батюшка так и не пришел. Сотни километров проехать, осталось до батюшки каких-то три с половиной километра – и, не встретив его, пришлось возвращаться в Питер «ради мира церковного». Поверить трудно, еще труднее принять, никого не осуждая. Отец Иоанн и этому учил нас и даже настаивал: «А ты пожалей, ведь обязательно есть какая-то причина,

если в человеке так драматично искажается образ Божий. Он ведь не только попирает Божие о себе определение, в такие моменты он и на себя-то не похож, и сам страдает от этого. Думаешь, легко всегда быть в стихии злобы, бушующей в душе? Так пожалей же, не скупись на жалость к людям, а тебя за это непременно пожалеет Сам Господь».

Наука эта трудно приживалась в душе, где всякий раз в ответ на зло начинал полыхать пожар ответной злобы на обидчика, а обижаться я умела. Сам же отец Иоанн постоянно был живым примером в исполнении этого наставления. На мой почти постоянный больной вопрос: «Почему и зачем зло так сильно, что искажает жизнь?» – записала его ответ: «Сейчас мы живем в такое время, когда почти бесполезно добиваться абсолютной гармонии в церковной жизни, да и в мирской. Пытаясь что-то наладить в этой неравной борьбе, мы теряем остатки душевного мира, который надо всячески в сердце оберегать. Почаще и со вниманием читайте слова молитвы: “Господи, не введи нас во искушение и избави нас от лукавого”».

Однажды был какой-то полиелейный праздник. Всенощную служили вечером. После обычного шестопсалмия выходят батюшки на середину храма, поют величание, кадят храм. Служил настоятель, батюшка стоял сбоку со свечой, как всегда, благостный! На другой день после службы встречаюсь с отцом Иоанном, жалуюсь, плачу: на работе трения с начальником, которого травмировало мое мировоззрение. И тут вдруг батюшка говорит: «Что Ваш начальник? Вчера во время всенощной перед полиелеем настоятель так толкнул меня у престола, что камилавка с головы в угол полетела». Я онемела, мое горе показалось в этот момент таким мелким,

мне трудно было представить то, о чем только что сказал отец Иоанн. И кто бы мог подумать о таком, когда оба священника через несколько минут после инцидента торжественно вышли из Царских врат на середину храма, и батюшка был, как всегда, благоговейно собран.

В Рязани служил ключарем собора отец Виктор Шиповальников – друг батюшки. Он очень приглашал батюшку переходить в собор, но тот отказывался и однажды сказал: «Промысл Божий лучше меня знает, где мне полезнее быть. Я дорожу дружбой, и сейчас мы с отцом Виктором друзья, но самочинное решение может создать такое искушение, что потом, когда будем вместе служить, – можем стать и врагами. Нет, уж лучше терпеть то, что Бог посылает».

Батюшка не любил фотографироваться, а иметь фотографии батюшки всем очень хотелось. У меня от отца дома остался фотоаппарат ФЭД, но фотограф я была никакой. Да еще и снимать надо было тайком, трясущимися руками. Был крестный ход вокруг храма. Я с фотоаппаратом, куда бы спрятаться, чтобы, когда вывернут из-за храма, «щелкнуть» крестный ход и, конечно, батюшку. В ограде вижу какой-то сарай, а над ним – небольшое деревце. Долго не думаю, и вот я уже на дереве, приготовилась заранее, наведя объектив на резкость. Еле держусь на ветке, жду, вот-вот появится батюшка, он во главе крестного хода. Наконец-то идут... Щелкаю-щелкаю – того гляди с этой ветки свалюсь. Батюшка, конечно, увидел мое бесчиние и кричит: «Закхее слези!» – и машет рукой. Пришлось слезть, но еще удалось снять кадр за алтарем.

Как я уже упоминала, настоятель относился ко мне снисходительно. Однажды он появился в Питере проездом в Печоры



Валаам. На пути в Иоанновский скит

и Пюхтицы. Зашел ко мне. Я живу в двенадцатиметровой комнате в коммуналке. Ночевать везу отца Иоанна-большого к своей близкой знакомой в отдельную квартиру. И там он начал мне изливать свою душу, свои переживания, связанные с отцом Иоанном-маленьким. Лучшего слушателя он почему-то не нашел, а я прочувствовала и поняла, что же претерпел батюшка, служа с настоятелем, живя с ним под одной крышей и даже вместе питаюсь. Как я знала от самого батюшки, он-то любил отца Иоанна-большого как хорошего служителя, искренне жалел и считал неприязнь его по отношению к себе болезнью, сам же старался ничем его не раздражать, терпел все его выходки.

Но, слава Богу, сейчас я уже все забыла, а его да простит Господь, ведь умер он в сане епископа, и предсказал ему епископство наш отец Иоанн. В сонном видении, повторившемся три раза подряд, батюшка увидел в келье отца Иоанна Смирнова стоящий в святом углу архиерейский посох. Сам убежденный в истинности предсказания, он все-таки до времени хранил эту тайну и, только дождавшись благого расположения настоятеля, сказал тому о грядущих в его жизни изменениях. Тот, как всегда, ответил грубостью, но вскоре предсказание начало осуществляться.

Буквально в несколько дней отец Иоанн был пострижен в монашество, и явился иеромонах Глеб, а затем не замедлила и его архиерейская хиротония. И уехал епископ Глеб в родной город батюшки, в Орел. Отец Иоанн послал ему во след теплое поздравление и благодарность за совместное служение в продолжение двух с половиной лет. Вскоре после отъезда настоятеля новое назначение получил и отец

Иоанн. И опять для блага Церкви, для пользы дела – таков был шаблон всех указов, касающихся его переводов. Когда, огорченные отъездом отца Иоанна, прихожане церкви Космы и Дамиана в Лето́ве нагрянули к владыке архиепископу Николаю (Чуфаровскому), тот сказал им: «Вот вы повидали настоящего священника, теперь пусть и другие узнают, какой он должен быть».

Два с половиной года, как много событий они вобрали в себя! Господь продолжал шлифовать вверившегося Ему послушника.

Из воспоминаний матушки Лии Круглик

После служения в Троице-Пеленице отец Иоанн был направлен в село Лето́во. Проселочной дорогой, где полями, где лугами, где вдоль лесопосадки, приходилось добираться до храма Святых Бессребренников Космы и Дамиана. Ехали в этот сельский храм паломники-богомольцы из Москвы, Питера, Рязани, Орла. Ехали старые, ехали возрастные и, самое удивительное, ехало много молодежи. Мы с сестрой, еще школьницы, на всякий праздник устремлялись в Лето́во. Благодаря поездкам к батюшке мы обрели много друзей, и эта дружба прошла с нами через всю жизнь до нынешних дней. В те хрущевские времена, когда закрывались храмы и верующих преследовали, было очень дорого найти друзей – сверстников, единомышленников.

Батюшка всегда радушно встречал нас, вместе молились за службой, исповедовались. При всей своей занятости он находил возможность и побеседовать с нами, только после

этого с любовью провожал в обратный путь. Мы, радостные, летели от него на крыльях. Ни трудности дороги, ни расстояние не имели значения – только бы попасть в Летоно на службу к отцу Иоанну. Помнится, уйдешь уже далеко от церкви, оглянешься, а отец Иоанн все еще стоит на крыльечке сторожки и благословляет нас.

В Летоно со мной произошел такой случай, о котором батюшка просил никому не рассказывать до времени. Но теперь, думаю, время пришло, тем более что память о тех переживаниях жива. В январе 1959 г. после занятий в институте я по делам поехала к батюшке. Было морозно, и я по совету мамы хорошо оделась. Когда я сошла с поезда, совсем стемнело. Сначала были попутчики, но они скоро пошли своим путем, а я осталась одна. Пошел снежок, и я не заметила, как сбилась с дороги. Как ни шагну, проваливаюсь в снег. Стала замерзать и, конечно, испугалась. Взмолилась к Господу, завопила и к отцу Иоанну. Вдруг неожиданно далеко впереди нарисовался силуэт летоновского храма, освященный по контуру звездочками. Я пошла в направлении храма и вышла на проторенную дорогу. Когда дошла до храма и рассказала отцу Иоанну о случившемся, он взялся руками за голову: «Слава Богу, мы так молились за тебя, волновались, что тебя долго нет. Но о видении храма пока умолчи, не рассказывай никому, пусть это будет наша тайна».

Службы на праздник Успения Матери Божией были необыкновенными. Мы старались каждое Успение бывать на службе у отца Иоанна, где бы он ни служил. В сельских храмах нигде тогда Чин погребения Пещаницы Матери Божией еще не совершался, только у батюшки. Приготовление

к празднику начиналось заблаговременно. Все постоянные богомольцы были задействованы, и особенно – молодежь. В Москве резчики-краснодеревщики мастерили сень для Пещаницы. Саму Пещаницу вышивали несколько девушек из Сергиева Посада. Мы, ближние, мастерили вазы под цветы. На подставке, по замыслу отца Иоанна, вокруг Пещаницы должны были стоять одиннадцать ваз с цветами и между ними мерцать одиннадцать синих или зеленых лампад. Почему одиннадцать? Апостол Фома – один из двенадцати ближайших учеников Христовых – промыслительно опоздал на погребение.

Вазы тогда купить было невозможно, их просто не было. Нам, девочкам, предстояло их сделать. И мы старались. Кефирные бутылки наполняли сырым песком для устойчивости и обтягивали белыми гофрированными салфетками, привязывая их белым шнуром. В эти импровизированные вазы ставили по два белых гладиолуса спинками друг другу и зелень спаржи. Все это смотрелось строго и торжественно. В довершение этого великолепия в изголовье Пещаницы на отдельной подставке ставилась ваза с пальмовой ветвью. Пальмовую ветвь мы привозили из Рязани, выпрашивая ее или в аптеке, или в библиотеке, где в залах почти всегда красовались пальмы.

Девушки по просьбе отца Иоанна приезжали в белых платьях, а волосы заплетали в одну косу. Казалось бы, все это были мелочи, но как они заранее настраивали нас на службу, как живо переживались все события праздника. Во время крестного хода вокруг храма девушки, которых собиралось немало, несли в руках опять же белые гладиолусы,

а две маленькие девочки из корзиночек бросали цветы перед Плащаницей. Помню, как после крестного хода батюшка вдруг спросил: «А звезды-то на небе были ли?» Для полноты радости праздника ему еще и звездочки были нужны. Они и действительно всегда участвовали в этом празднике.

На Успение небо всегда было высокое и очень звездное. Служба кончалась, полная, уставная. Храм пустел, а нам от Плащаницы уходить не хотелось. Везде погашен свет, теплятся только лампы. Через какое-то время из алтаря тихо выходит отец Иоанн, и мы, невидимые для него, становимся свидетелями продолжения службы, когда священник один на один остается перед Плащаницей, и в тишине опять задумчиво звучат праздничные песнопения: «Апостолы от конец», «В молитвах неусыпающую Богородицу», Величание. Незабываемые воспоминания, это была наша особенная русская Гефсимания.

Из воспоминаний монахини Марии

В Летово Рязанской области мы с подругой ездили из Коломны. И в первый раз были поражены бедностью в храме. Стекла в окнах перебиты, престолы покрыты марлевыми пеленами, а сам батюшка отец Иоанн тогда почему-то ходил с тарелкой по храму. У меня не оказалось денег, нащупала монетку, смотрю, всего три копейки в кармане. И подать такую лепту стыдно, а не подать ничего – еще хуже. Ну, думаю, в следующий раз много положу, а пока так, чтобы батюшка не увидел, что так мала моя лепта. А он с такой благодарностью посмотрел на меня, что на всю жизнь осталось у меня воспомина-

ние и об этом подаянии, и об этой его благодарности.

Земля слухом полнится, прознав через людей о благодатных службах в летовском храме, так много богомольцев стало от нас из Подмоскovie ездить в Летово, что храм даже и в будни был полон народа. Как-то очень скоро мы перестали замечать и бедность в храме, и отсутствие убранства, а все потому, что он преобразился. Богатства не появилось, но дух старой, намоленной деревенской церкви, со вкусом и любовью благолепно убранной, действовал на души наши.

Матушка Платонида, которая только пришла из ссылки, бывало, говаривала: «Какая же у нас радость в храме, какие службы, какие замечательные батюшки, они у нас праздничные». И это чувствовали все. Приезжаешь раненько, заходишь в храм, а там из алтаря только и слышно: «Помяни, Господи, рабов Твоих... (а дальше имена и имена долго-долго). Спаси, Господи, рабов Твоих... (и опять имена и имена)». Еще только семь часов, служба начнется в девять, а священники уже у жертвенника проскомидию совершают и всех-то нас, богомольцев этого храма, поминают поименно. Да и разговаривая с нами, они нас по имени всегда называли.

Такое родственное чувство к дорогим нашим молитвенникам в душе являлось и благодарность к Богу, что привел Он нас в этот храм, в дом Свой, где душа остро ощущала Его присутствие. Думаю, что и дал нам Бог тогда ощущение живой веры. Службы были долгие, особенно всенощные, но мы не замечали. А какие проповеди, буквально уроки в духовной школе! И от исповеди отходишь обновленным, как в баньке побывал. То-то и стекались люди в этот храм отовсюду. А батюшки-то – два Ивана русских, большой



Валаам. У Поклонного креста

да маленький! От отца Иоанна-маленького (Крестьянкина) сама слышала такие слова: «Пока на Руси не переведутся Иваны, не погибнет Русь». Дай-то Бог.

Мой будущий жизненный путь определил для меня отец Иоанн, когда я была еще отроковицей. Приезжаем в Летово с подругой, она постарше меня, красивая и модная. Ну как же мне за ней не тянуться? Смотрел-смотрел на меня батюшка, насмотрелся. Подзывает меня: «Марьюшка, ты что так красиво оделась, тебе это совсем не идет. Подруга твоя выйдет замуж, а ты нет. Ты должна надевать один валенок белый, а другой черный». А сам так ласково улыбается. «Ты должна быть одна». Так по жизни и сложилось. Подруга вышла замуж, а я – монахиня, за что Бога благодарю всю жизнь. Другую мою подругу батюшка подвел к кресту со словами: «Видишь Христа на кресте, а рядом Мать Его и Иоанн Богослов. И мы с тобой у креста Спасителя. Господь с нами, и мы с тобой с Господом, и других нам никого не надо». Так, она тоже не создавала семью, умерла в девстве.

Особенно любил отец Иоанн детей. И мы-то тогда только-только из юношества в девичество переходили, но для него были еще совсем дети. После службы стоим взять благословение на дорогу. Смотрим, он пробирается к нам через народ, его останавливают, он что-то отвечает, но неукоснительно сквозь все преграды пробирается к нам. Мы это видим и понимаем, сердечко замирает. Но вот всё, он с нами и на какое-то время – наш. Несколько вопросов и благословение на следующий приезд. А он тем временем снабжает нас гостинцами на дорогу, пошучивает: «чтобы не ослабели в пути». Счастливые, прощаемся, и тут же он уже не наш, но чей-то.

Так бывало всегда. Дорогой едим подарки, иногда не можем понять, что едим, сладкое и вкусное, но неведомо что. Только в восьмидесятые годы узнала я, что это были экзотические сушеные бананы да финики. Но рай на земле долго быть не может. Только на старости лет я это поняла. И с благодарностью Богу вспоминаются теперь эти удивительные явления его в нашей земной жизни. Если таков он был для нас на земле, то какой же будет там, в Царстве Небесном?

Отец Иоанн пошел дальше по намеченному ему Богом пути, пошел в деревню Борец на два года, преклоняя главу пред обстоятельствами, пред злобой людей и жестокостью морозов.



Борец. Храм Воскресения Христова,
июнь 1962 г. – май 1964 г. (два года)

Из воспоминаний Сусанны Валовой

Батюшку с июня 1962 г. вновь переводят в очень удаленный приход в тридцати – сорока километрах от железной дороги, на юго-востоке Рязанской области. Станция Сарай, это далеко за Рязанью. Село называется Борец, от слова «бор», потому что там начинаются сосновые леса, это уже черноземный край Рязанщины. С переводом в Борец начался новый этап в жизни отца Иоанна. Для добровольного послушника до сих пор всегда находились те, кому он подклонял свою волю. Теперь же он сам настоятель и один на один с обстоятельствами,



Храм Воскресения Христова. Село Борец

которые сразу и определили для него и образ поведения, и строй жизни. Сразу по приезде выяснилось, что отцу Иоанну сопутствовали серьезные указания из Рязани, что и озвучил для него председатель сельсовета. Церковь и вход в нее видны как на ладони. Начальство сразу предупредило, чтобы посторонние в церковь и к попу не приезжали. Никаких приезжих в Борце не потерпят. Сказано это было так, что вопрос обсуждению не подлежал.

И второе, не менее важное: всякое выступление священника в церкви должно быть написано до его произнесения и лежать в письменном виде на столе председа-

теля сельсовета. Отец Иоанн, было, задал вопрос о проповедях, но его резко остановили: «Сказано – всякое слово, без исключения». Это назначение было похоже на отправление под надзор. Осуществлять его было нетрудно. Церковь стояла на площади, которую отец Иоанн назвал Красной площадью. На нее со всех сторон смотрели официальные конторы: правление колхоза, сельсовет, милиция, школа. Прийти в церковь незамеченным было невозможно. Отец Иоанн приехал в Борец летом и не подозревал, какие трудности готовят ему будущие холода. В храме был постоянно такой холод, что зимой руки прилипали к чаше. От холода вся голова и лицо отца Иоанна покрылись фурункулами. К лету они прошли, но долго еще оставались на лице шрамы от них. И так две зимы.

Даже в лагере можно было найти убежище от холода, здесь же и в храме, и дома была почти уличная температура. Отец Иоанн говорил: «Сам Господь не дал мне погибнуть на этом приходе, через два года переведа в Некрасовку. Третью зиму служения в Борце я бы не выдержал».

Очень большое, богатейшее село Борец было до революции. Кругом – бескрайние черноземные поля. А в селе возвышается огромный собор в честь Воскресения Христова с высоченной колокольней и потрясающим по величине объемом внутри. Храм трехпрестольный и по обычаю культовых построек в Рязанщине состоит из летней, очень высокой, половины с центральным престолом и зимней половины в два престола со стеклянной перегородкой между ними. Высоченные и широченные окна и двери. Храм, разграбленный в период революции, был пустоват, и зимняя церковь напоминала

казарму. Действовал только один – правый придел, левый просто не существовал.

Как доехал батюшка в распутицу до этого села? Пешком пришлось бы ему топтать по дороге, в грязи, но его взялся доездить на лошади почталъон. У него на телеге был сколоченный крытый кузов. И вот когда надо было переезжать через два или три потока, батюшка забирался на этот кузов. Так и въехал в село на кузове. Староста встретил батюшку достойно: вошел, поставил на стол большую бутылку водки и бросил рядом петуха.

Поселили батюшку в церковный дом. Переднюю половину в нем занимали старухи-монашки – они пели, читали и алтарничали в храме. Вход в помещение батюшки был через их комнату. Жилье оказалось столь ветхое, что от ветра шелестели отставшие от стен обои, за которыми пищали мыши.

Колхоз занимался рыбоводством, растил в прудах карпов. Матушки говорили: «У нас карпии и в форточку прыгают». Живую рыбу возили в Москву в спецвагонах, а до станции – в специальных цистернах тракторами, по ось тонувшими в черноземе. Когда батюшку крайняя необходимость принуждала поехать в Москву, то, пропутешествовав около тридцати километров по этой дороге в кабине трактора, он был весь облеплен грязью, даже очки залеплены. Прежде чем он отправлялся со станции дальше – в Москву, его там целые сутки отчищали и отмывали верующие женщины, прихожане «собора» в Борце. За батюшкой приехала ухаживать одна монахиня, но она упала там с русской печки и сломала позвоночник. Кто-то там все-таки помогал батюшке.

Дикий холод стоял в Борце даже и летом в храме – там хули-



В гостях у Сусанны друзья: Лия Мизгирева, Дамиан Круглик и Геннадий Тимофеев

ганье постоянно било стекла в огромных окнах, пока вставят новые, страшно дуло с улицы. Но и без этого трудно представить, как можно было натопить такое огромное помещение. А тут еще разоренный престол. Батюшка вызвал из Москвы помощника Алексея Козина. С ним вдвоем они сделали рамы вместо стен, натянули на рамы плотную ткань, привезенную из столицы, повесили какие-то иконы, из таких же материалов сделали Царские врата и боковые двери. В храме появился левый придел, и его освятили. Алексея приходилось буквально прятать от властей, бдящих над церковью с «Красной площади».

Пытался Алексей утеплить стены в батюшкиной комнате, но это оказалось безнадежным. С питанием тоже очень скоро возникли проблемы. Засоленных на зиму в кадке «карпий» с помощью матушек-соседок съели быстро, а зимой в форточку «карпии» не прыгали. Пытались местные верующие найти батюшке более пристойное жилье, но он не согласился, вспоминая слова в посланиях апостолов о постоянстве места пребывания, куда Господь направляет.

От такой жизни батюшка еще с осени заболел. Из Москвы прислали лекарство с нарочным, молодым парнем, и сразу же: «Кто приехал, почему приехал – пусть убирается в 24 часа. Иначе выдворим с милицией». И даже объяснение, что он привез лекарства, не помогло. Пришлось парню убираться подобру-поздорову.

В храме, кажется, сносно пели. Но регент была очень нервная, чуть что: «Я семь раз резанная (операции), я так не могу, я ухожу». И это с батюшкой-то. Она действительно убегала с клироса, и ее приходилось уговаривать и просить прощения

неведомо за что. Запрет посещать батюшку в Борце распространился на всех чад с самого начала его служения там. Но помощь от москвичей не прекратилась, несмотря на запреты. Только теперь все делали у себя дома в Москве и переправляли в Борец осмотнительно.

Я все мечтала о замужестве и два раза пыталась добраться до батюшки в Борце со своими вопросами. В первый раз привезла с собой очередного своего поклонника, теперь уже порядочного человека, семинариста Геннадия, глубоко верующего, очень милого. Мы поехали с Генкой, одетые как горожане, долго-долго шли от станции в тумане, и когда туман вдруг рассеялся, на горизонте в пустой степи нарисовался огромный силуэт храма – это еще километра за два до села. Зная, что там строгости, решили, что проберусь к батюшке я одна, а Геннадий будет ждать моего возвращения в стогу соломы – была уже осень – холодно.

Часа через три-четыре я вернулась к Гене с благословением, с подарками от батюшки и просьбой к нему в село не приходить – опасно. Во второй приезд знакомлю-таки отца Иоанна с Геннадием как с женихом. Батюшка сразу же мне и сказал: «Хороша Маша, да не наша». Я – в слезы, умоляю: «Ну, можно хоть приглашать его чайку попить в воскресенье. За город поехать с компанией на лыжах и его приглашать». Батюшка колеблется, напоминает: «Слушаться бы надо», в конце концов с трудом разрешает (предваряя рассказ – добром это мое слушание не кончилось, чуть до самоубийства я не дошла впоследствии).

В третий раз поехали в Борце поздней весной, уже конкретно брать благословение на брак. Идем, переодевшись, я –



Прогулка по Северной столице. Сусанна, Лия и Дамиан

в деревенскую девку, Генка – в деревенского парня. Поехали вопреки предупреждению батюшки, что «Маша не наша». В таком виде в обнимку и вошли в село, нашли сторожку, где жили матушки, я переночевала у них, Гену отвели к батюшке. Наутро была литургия. Мы, опять-таки как пара молодых крестьян, пошли в храм. Поисповедовались, причастились и будто бы получили благословение на брак. Благословение было вынужденное, как ответ на мою истерику.

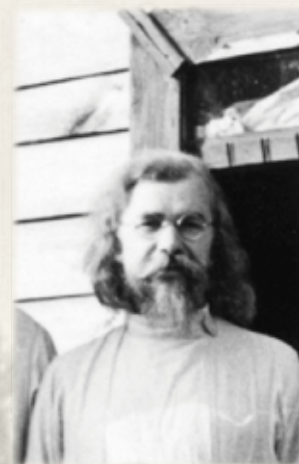
В этот приезд я и увидела ужасное батюшкино житие, этот громадный храм – соборище, избушку, в которой он жил, увидела пруды, кишасшие рыбой, сосновый бор. Карпов разводили в прудах. Я сходила туда посмотреть на рыб. Выходишь на мостки, и вдруг из глубины поднимается огромная темная масса, и множество ртов высовывается из воды. Рыбы пришли кормиться. Мы поскорее, в этот же день, ушли на станцию.

Во время литургии случилось происшествие, о котором мне батюшка сказал позднее. Батюшка копьём поранил руку до крови и тогда же понял, что это знак за благословение, данное нам вопреки воле Божией.

Интересно рассказывал батюшка о первой Пасхе в Борце. Народу в храм набилось много. Крестный ход вокруг собора, огромная толпа и охотники с ружьями. И вдруг «Ба-бах-х! Ба-бах-х!». Батюшка с трисвечником даже присел от неожиданности. Он же не знал о таком обычае – палить из ружей во время крестного хода на Пасху. Так, без средств, с одним энтузиазмом, провел отец Иоанн два года, покоряясь безропотно Промыслу Божию, преклоняя голову уже и перед людьми, и перед обстоятельствами. И здесь, на этом приходе, не дал Господь развернуться творческим силам, дремлющим в отце

Иоанне. Приходилось делать только то, что позволяли мизерные средства. Но и в Борце с приходом отца Иоанна видимо оживилась церковная жизнь, и перевод на новый приход не замедлил. В мае 1964 г. отец Иоанн получает указ о переводе на новое место.

Теперь его направляли уже совсем в глушь, в Некрасовку Ермишского района, в шестидесяти километрах от железной дороги. Почти на границу с Тамбовской и Муромской областями. Ехать туда сначала двести шестьдесят километров железной дорогой и затем еще шестьдесят километров немислимо разбитой грунтовой. В общем, настоящий «медвежий угол».



Некрасовка. Храм Святителя Николая,
май 1964 г. – февраль 1966 г.
(год и девять месяцев)

Мало людей осталось в живых к нынешнему времени в Некрасовке, кто застал служение отца Иоанна, но все они в один голос свидетельствуют, что встретили в жизни своей Божьего человека.



Из воспоминаний старосты Никольской церкви в Некрасовке Софии Федотовны Ульянкиной

При многих священниках пришлось мне работать в храме Никольском. Угол у нас глухой. Послужит-послужит батюшка, да и затоскует. Начнет попивать, да и тѣку от нас, сам чувствует, что погибает. И дожили мы до того, что церковь есть, да службы в ней нет. Молельщики в нашем крае усердные были, не ленились и за двадцать пять километров по бездорожью ходить на службы-то, да и дальше, как из Саватьмы, Игошина, Свестура. На большой район



Некрасовка. Храм Святителя Николая

одна действующая церковь осталась, все позакрывали. Священника не осуждали. Понимали его, годы тяжелые были. Гонения на верующих, ну и священнику доставалось, все требы: крестины, венчания только в церкви и по регистрации, дом освятить, скотинку покропить, в поле помолобствовать – ни-ни.

Дожили мы до того, что три месяца в Николе службы не было. Уехал священник и распрощался с нами. Народ в смятении, приходят из дальних деревень с вопросом: «Когда нам на службу-то приходиться, когда дадут Николе батюшку?» У меня горе до слез, что людям говорить, чем утешать. Пошумели-пошумели мы между собой, среди себя

виноватых искали, да толку нет. И стали от горюющего народа гонцы в епархию ходить. Пороги епархии обивать. А над владыкой тоже какая-то властная рука. И он, бедный, ничего определенного сказать не может. Так и мыкались – он и мы – три месяца.

Вдруг новость неожиданная: пришел священник пешком, да и кто? Ахтиньки, отец Иоанн Крестьянкин. О нем-то мы уже понаслышаны были. Первая служба отца Иоанна пришлась на отдание Пасхи. Ударили в колокол, и вся округа ближняя и дальняя проснулась, потянулись богомольцы. Да вот диво, не только доживающие век старушки в церкви-то, а и молодежь появилась, и приезжие, и местные. Видно, так бабушки дома рассказывали о жизни в церкви, что домочадцы всякого возраста пошли посмотреть, не выдумывает ли старуха. Слова батюшки с амвона за душу брали, а уж если с вопросом подойдет кто, тут уж и личные отношения на все время завяжутся. А исповеди – это прямо уроки жизни. И себя увидишь, и что вокруг деется, начнешь понимать.

Одним словом, любовь и доброта отца Иоанна чудеса у нас творили. Сколько он деток покрестил тайно, сколько молодых пар обвенчал по ночам, напутствуя на семейную жизнь! Одним словом, наш медвежий угол имел свои определенные преимущества, и отец Иоанн этим пользовался. Нам же, прихожанам, не раз говорил: «Пролетят, дорогие мои, смутные времена, храните только веру и ею живите. Оставит ли Господь любящих Его? Все наладится, и в храме Божьем всё будет доступно».

А службы-то какие? Уходить не хотелось, и все казалось, что уж больно быстро они кончаются. Как он, дорогой наш,

о людях заботился! Церковная сторожка при церкви была, ему бы в ней и жить, так он из нее сделал ночлежный дом, в котором ночевали богомольцы, приходящие на службы из дальних деревень. Оборудовал в этом же доме и крестилку. Крестил тайно по вечерам, венчал в церкви ночью. И это все тайно, тайно. Одним словом, жили мы при отце Иоанне по Божьим законам. Мир да любовь, да труд. Люди отвечали на любовь отца Иоанна своей любовью.

Вот только послужил отец Иоанн у нас маловато – без малого два года.

Из воспоминаний прихожанки церкви Святителя Николая в Некрасовке Клавдии Енгальчевой

Как осталось в памяти. Церковь в честь Святителя Николая в Некрасовке была на грани закрытия. Священник разорил ее до копейки. Свечи не на что было приобрести. Мы дорожили церковью и самочинно решили ее спасти. По своей неопытности и неблагоразумию отобрали у старосты ключи. На нас подали жалобу в епархию. Мне пришлось ехать туда, объясняться. Все рассказала, но толку что-то не получилось, зато завязались знакомства. И стали мы писать в епархию письма о делах церковных. Просили владыку дать нашей церкви батюшку, и именно отца Иоанна. О нем в нашей епархии были наслышаны все. Кое-как владыку упросили, а уполномоченный целых три месяца упорствовал и не давал регистрации. Но терпению и настойчивости архиерея вынужден был, в конце концов, уступить.

Помню май 1964 г. О приезде священника никто у нас не знал, меня же, думаю, сам Дух Божий известил. Копаюсь в грядках, а у самой беспокойство на душе, надо в Некрасовку бежать, а зачем – не знаю. Бросила всё и прямо в рабочем пошла. А идти-то восемь – десять километров. Подхожу к церкви, дверь открыта и – ахтиньки, служба идет. Отдание Пасхи, первая служба отца Иоанна у нас. Как я сама себе говорила, по службе в церкви «Христос Воскресе» кончилось, а у нас только начинается. Радость до слез.

Много слез пролили мы по батюшке отце Иоанне сначала от радости, что он с нами, потом от горя расставания с ним. И послужил-то всего годок и девять месяцев, а сколько сделал. Народ собрал, все как муравьишки зашевелились, забегали. Какой ремонт успел в церкви сделать. Материалы купить было трудно, но молитва все трудности устраняла – доставали, везли на лошадке, тащили на своем горбу.

Молились по-настоящему и всем приходом. А службы-то какие! Уходить из церкви не хотелось. Отслужил последнюю службу у нас в Некрасовке батюшка на Сретение Господне 1966 г., и поехали мы в Рязань его провожать. Приехали в епархию, а там уж староста из Касимова его ждет, за ним и приехала. Пригорюнились мы, поплакали, думали, что еще сумеем вернуть отца Иоанна себе. А он, прощаясь, сказал нам, что душой всегда будет с нами и в молитве ежедневно помнить будет. На том и расстались. Да храм-то у нас его молитвами не закрылся по сию пору. Слава Богу!



Некрасовка. По дороге к храму



Из воспоминаний прихожанки Никольского храма в Некрасовке Антонины Черенковой

Я – счастливейший человек, в 1966 г. в Никольском храме села Некрасовка нас открыто, не таясь, венчал отец Иоанн (Крестьянкин). Время было смутное, но мы же – русские люди, и терять нам нечего. Мы оба с женихом решили непременно венчаться по старому русскому обычаю. Пошли к отцу Иоанну договариваться, когда, и как, и что. Получили от него подробное объяснение таинства, о смысле его и об ответственности за жизнь по таинству, об обетах пред Богом и друг перед другом. Одним словом, напутствие в семейную жизнь. Ну, кто

и когда мог бы нам все это объяснить? Память и по сей день хранит эти важные для жизни наставления.

Венчание батюшка назначил на воскресенье. Для него наша решимость оказалась неожиданной радостью – уже очень давно в церкви нашей не было венчаний. После службы отец Иоанн объявил всем присутствующим, что в церкви будет большой праздник. Господь даст Свое благословение на рождение новой семьи, рассказал о значении таинства бракосочетания и предложил молящимся остаться на венчание, чтобы своими молитвами поучаствовать в радости молодых. «Мы должны сделать всё так, чтобы этот день остался в их памяти на всю жизнь». И действительно, жизнь – школа суровая, и чего только не пришлось пережить, но тот день венчания светом являлся в трудностях ее.

Всем присутствующим в храме он наказал выстроиться в две шеренги на улице перед храмом и застаться снежками, чтобы ими приветствовать молодых. Василия Кузнецова батюшка послал на колокольню, наказав не зевать там, но, как только из леса покажется свадебный «поезд», бить в колокола во вся тяжкая. «Пусть все знают, что у нас первое венчание, и оно укажет дорогу в церковь и другим парам». Подъезжали мы к церкви под праздничный звон, и тут же снежный шквал приветствовал нас с двух сторон. Отряхнув снег, мы стали подниматься в храм по ступеням. В дверях храма нас встречал ликующий отец Иоанн. Благословив нас, он произнес: «Дай Бог, чтобы жизнь ваша была как этот чистый крещенский снег!» И началось таинство венчания.



Из воспоминаний Анны Тимофеевны Циблиновой

С отцом Иоанном мы близко познакомились, когда стали возить его по деревням к пожилым людям. То причастить просят, то пособоровать кого-то надо, а то и ребенка слабенького покрестить на дому – везти в церковь рискованно, больно далеко. А то и отпевание подоспеет. Увезет его в дальнюю деревню муж мой, оставит там, а сам домой возвращается, утром ему на работу. Глядишь, дело к ночи, стук в окошко. Батюшки ты мои Светы! Ведь это из такой дали отец Иоанн пешком пришел. Уставший, но всегда доволь-

ный. Оставляем ночевать, до Некрасовки-то еще одиннадцать километров. Утро вечера мудренее, завтра порану муж отвезет. За самоваром и разговорами вся усталость – куда денется.

Его посещение для нас такой радостью бывало, не передать. О жизни своей погорюем, о вере и Боге поспрошаем. И так все было просто. Жили-то мы бедно, и порой смущалась я, чем дорогого гостя покормить. Еда-то у нас одна: чудно дивный картофель да капуста с огурцом, ну, еще яблоки моченые. Поставлю на стол горячую картошку «в мундире», он чистит ее да радуется, и столько похвал этой картошечке преподнесет, что и мне начинает казаться, что вкуснее ее ничего нет. Всегда-то батюшка был благодарен Богу и нам, что привечаем его. Жалеем до сих пор, что мало послужил отец Иоанн у нас, родным он стал для нас человеком.

Из воспоминаний искусствоведа-реставратора Савелия Ямщикова о встрече с отцом Иоанном в Некрасовке

В 1964 г. я работал в экспедиции в Рязанской области, составляя опись, ставил на учет уникальные иконы, находящиеся в действующих церквях области. Работа была рутинная – открытых церквей было немного. Зачастую мы встречали или равнодушных священников, или очень подозрительных, которые, несмотря на все наши бумаги за подписью министра культуры, сообщали о нашем приезде в милицию. Но вот мы приехали в Некрасовку. Красивая деревня, посере-

дине пруд, а рядом стоит свежеокрашенная деревянная церковка девятнадцатого века.

<...> В какой-то момент нам навстречу из ворот храма удивительно легкой походкой, как будто не шел, а парил в воздухе, – с доброжелательной улыбкой вышел сияющий, радостный батюшка. Глаза его искрились любовью, как будто к нему приехали не чужие, незнакомые люди, но его близкие родственники. Когда я начал рассказывать о наших научных задачах, он ответил, что очень рад нас видеть, и привел благородный пример новгородского митрополита Арсения (Стадницкого), собиравшего иконы и помогавшего устраивать новгородский археологический музей.

Осведомленность и просвещенность сельского батюшки меня тогда поразили. Он пригласил нас в церковь. Там был основной иконостас, а на нефункциональных стенах были развешаны десятков семь икон. Эти иконы были им собраны из закрытых моленных домов, из разрушенных церквей. Отец Иоанн очень порадовался, что мы их поставим на учет, что они не пропадут.

Мы провели в Некрасовке три удивительных, незабываемых дня. Для нас, тогда еще совсем молодых людей, встреча с отцом Иоанном была грандиозной находкой и важным уроком. Он поразил нас своим тактом, элегантностью, доброжелательностью. Сельский священник, несмотря на тяжкие испытания, через которые ему довелось идти, вдыхал жизнь в поруганную русскую душу.



Из воспоминаний о поездке в Некрасовку настоятеля храма Преображения Господня в Богородском (Москва) протоиерея Дамиана Круглика

Я был на каникулах после третьего курса Духовной академии, когда вместе со своей невестой Лией мы полетели из Рязани в Ермишь, чтобы потом попасть в Некрасовку, где служил отец Иоанн. Отец Иоанн был духовным отцом Лии. Наш приезд к батюшке мы приурочили к празднику Успения Матери Божией. Мы летели на «кукурузнике», и я весь полет, попадая в воздушные ямы, молился так,

что, приземлившись, выдохнул: «Кто в самолете не летал, тот Богу не маливался».

Летели и я, и Лия с насущно важными для нас обоих вопросами. Оканчивая учебу в духовной школе, я не знал, в каком качестве буду служить Церкви. Ко времени окончания учебы из восьми семинарий в России осталось три, и было всего две академии. Лия оканчивала Ленинградский политехнический институт на кафедре электроники и вместе с дипломом получила распределение на работу в московский НИИ. У обоих стоял вопрос о будущем. Общим у нас был лишь один вопрос – о создании семьи. Решение вопроса о браке батюшка отложил до некоторого времени. Он предложил нам испытать свои чувства и давал на это время. Надо обоим окончить учебу. И если за это время чувства не ослабеют, но больше укоренятся, вступать в брак, чтобы я по окончании учебы сразу принял священный сан и начал служить Богу и Церкви. Вопрос был почти решен.

Этот разговор произошел при моей первой встрече и знакомстве с батюшкой, а то, что я увидел и прочувствовал за несколько дней жизни в Некрасовке, рядом с отцом Иоанном, потрясло меня. Не ошибусь охарактеризовать это словами: «Достаточно увидеть на лице человека сияние вечной жизни, чтобы всё в тебе могло измениться». Впервые я увидел идеального священника, таким должен быть каждый. Я был рядом с ним и за богослужением, и в домашней обстановке, видел его отношение к прихожанам и их к нему, его обращение с певчими на клиросе, стоял в толпе исповедников при таинстве исповеди. Общая исповедь была импровизацией, совершенно органично она переходила в частную,

когда человек получал ответ на свое – сугубо личное. И все было живо и действенно. Меня, студента академии, батюшка буквально оживил своей молитвой, и мне думалось, как было бы хорошо каждому студенту хотя бы на летние каникулы приехать к нему, чтобы поучиться у отца Иоанна практической жизни, богословскому проповедничеству, горению ревности любви.

Богослужение на Успение было торжественным. Впервые я присутствовал на службе Погребения Божией Матери в деревенском храме. Увидел и почувствовал силу любви, созидающей неземное торжество. Вся обстановка, начиная от устройства сени над плащаницей, множество цветов, со вкусом подобранных в цвете, благоговейное служение отца Иоанна, стройное пение небольшого хора, в котором и я принял участие. Богослужение было идеальным, и создавалось это глубокой молитвенной настроенностью священника. Голос его был проникновенным. Он предстоял пред Богом и, собирая воедино молитвы всех присутствующих, нес их своим сердцем к Богу. Это было незабываемо. Вся Церковь, как один живой организм, была в молитве.

Напутствуемые батюшкиными молитвами и благословением, мы уезжали из Некрасовки на крыльях. Главное – мой путь предстоящего священства определен, и все, что было дальше в жизни моей и моей семьи, осуществлялось по благословению отца Иоанна. До последних дней его жизни мы прибегали к его советам и молитвам.

Из воспоминаний Сусанны Валовой

Некрасовка – село небольшое. В центре – храм, сам как фонарик. Электричества в церкви не было, только разноцветные лампы и свечи. Сразу, прямо за околицей, березовые рощи, холмы и лес. Красота и гармония во всем.

В Некрасовке с приходом отца Иоанна воцарились любовь, молитва и тишина. Здесь батюшка был один – настоятелем, хозяином, старцем. Сразу по приезде отец Иоанн поехал в районный центр в Ермиш представиться местному начальству. И неожиданно был встречен словами, которые обещали ему мирное служение в Некрасовке. Председатель произнес: «Вот что, батюшка! Храм в Некрасовке существовал и будет существовать, и вы должны его хранить и быть на высоте своего положения, предыдущий-то поп пил». Простились с ним на сей раз радушно. Видно, из-за отдаленности местности правительственные указы до глубинки не доходили. Только в Некрасовке, став свободным от произвола людей и гнета обстоятельств, отец Иоанн развернул свой творческий потенциал, сделав деревенский приход подобным городскому собору.

Добираться до Некрасовки было трудновато и долговато – одним днем не съездить. Летом, когда сходило весеннее половодье, можно было долететь от Рязани до Некрасовки на «кукурузнике» всего за час. Но самолет капризный, летит, только когда сам захочет, и к нему не приспособиться. Да еще далеко не всякий может летать на «кукурузнике» – болтает страшно и «травит» все 60 минут. Вот и думаешь: или 60 минут м ки, а потом полдня, а то и больше, в себя приходиться, или 60 километров бездорожья на автобусе сталин-

ских времен, или на грузовых попутках часов этак пять-шесть трясись, все бока отобьешь, в буквальном смысле слова.

Бывало и так: приедешь на вокзал и узнаешь, что снегом все завалило, транспорта нет и дня два не будет, и едешь назад домой несолоно хлебавши. Но если все-таки доберешься до Некрасовки – попадаешь в рай. Там царит дух любви и добра, утешительные службы и молитвы. Уедешь домой и еще долго живешь полученным от батюшки зарядом. Жили-то мы все вместе, под одной крышей, сидели за одним столом, а за тоненькой перегородкой от нас был батюшка. «Хвост» духовных детей по мере передвижения его по Рязанщине все рос и рос.

Вот однажды сидим в домике за столом. Открывается дверь, и на пороге древняя-древняя старушка из Летовского прихода. Стоит и от счастья улыбается до ушей беззубым ртом. Батюшка говорит ей:

- Да как же ты добралась-то?
- На самолете, батюшка, на самолете.

Так любили люди батюшку отца Иоанна, что в девяносто лет на «самолете» до него долетали.

Здесь батюшка сам был настоятель, один, и он «расцвел». Но это значило, что он почти безотлучно должен быть на приходе. Весной – в половодье, осенью – в распутицу, зимой – в снежные бури по-настоящему отрезан от мира. Даже на похороны брата не смог он отлучиться, был праздник Успения Матери Божией. Но это были трудности батюшки, а нам-то какое счастье было находиться там рядом с ним. Правда, живешь долго, а побеседовать удастся редко. Уж очень занят он был церковными делами.

Недалеко от церкви и домик, где жил батюшка с Настенькой – очень милой пожилой женщиной. Она и алтарницей в храме была, и хозяйшкой у отца Иоанна. Летом приехавшая на праздник Успения Матери Божией молодежь поздно вечером под звездным августовским небом сидела на больших бревнах около домика, беседовала с батюшкой. Говорили о жизни, о Промысле Божьем и даже о небе и звездах на нем. Оказалось, что отец Иоанн хорошо знал астрономию и водил нас по звездному небу от созвездия к созвездию.

Так как Некрасовка была настоящей глубинкой, то паломники приезжали только на большие праздники, но зато местные жители потянулись в храм из разных деревень. Батюшка был настоящим хозяином и в храме, и дома. Опять он стал ходить по деревням с требами и попутно собирал иконы, сохранившиеся у людей после закрытия храма. А какие праздники! Каждый со своим оттенком, каждый с любовью подготовленный и молитвенно проведенный.

Помню, как на Успение мы ехали в Некрасовку из Рязани с Лией и будущим ее супругом отцом Дамианом, а тогда просто Димой. Мы взяли охапки цветов для украшения Плащаницы и храма. Прекрасная служба, чтение канона у Плащаницы. Читают антифонно батюшка и Дима. Дамиан был студентом Ленинградской духовной академии. Пока батюшка молебны служил, я набирала ведро шляпок подберезовиков. Ходили за несколько километров за брусникой в сосновый бор. Это уже была Мордовия.

Однажды приехала оттуда свадьба. Молодые, румяные, пышущие здоровьем лица. Батюшка с радостью венчал их. Совсем рядом, тоже километрах в тридцати – Саров. Там уже

располагался атомный центр. Каждый день, ровно в пять часов вечера, оттуда вылетал самолет новейшей конструкции с прижатыми крыльями и летел в сторону Москвы.

Был ли отец Иоанн прозорлив? На рязанских приходах о нем уже тогда ходили слухи как о «провидущем». Нас же тогда этот вопрос не интересовал. Но вот теперь, когда прошло много времени, стало ясно, что в то дальнейшее время он готовил многих из нас к нынешнему дню. А тогда, давно, в Некрасовке батюшка по вечерам начал объяснять мне службу, состав канона на утрене, говорил и о богослужебном уставе. Настенька все ходила вокруг нас со словами: «Батюшка, хватит Вам с Сусанной возиться, отдохнули бы лучше». Он ей в ответ: «Успокойся, Настя, Сусанне петь на клиросе придется, ей надо знать службу». Тогда еще и в мыслях у меня не было, что предстоит мне быть регентом и уставщиком. Именно батюшка начал готовить меня к этому служению.

Помню такую картину. В деревне произошла трагедия – повесилась девочка лет двенадцати из-за какого-то пустяка. Ее хоронила вся деревня и школа. Отпевать ее батюшка категорически отказался. День похорон. Площадка большая, посередине полукруга этой площади стоит храм. Двери храма закрыты, в дверях скорбная фигура батюшки в рясе, в скуфье с крестом в руке. Несут по кругу гроб, сзади люди. Парами идут школьники. Подходят к храму, останавливаются с гробом. Батюшка скорбно склоняет голову. Молчание полное, процессия постояла, и гроб двинулся дальше на кладбище. Батюшка говорил потом, что это было трагическое назидание взрослым, чтобы были внимательнее к детям, чтобы подобное не могло повториться.

Моя же трагедия из-за непослушания батюшке шла к концу. Я продолжала дружить с Геннадием, который уже учился в духовной академии. Ездили мы с ним и в Некрасовку. Так хотелось стать матушкой, всегда быть при храме. Геннадий глубоко верующий, добрый человек. Мы уже и свадьбу, и венчание назначили в семинарии. Но он поехал домой в Ташкент на каникулы и пропал. Из Ташкента он только сообщил мне, что и родители, и духовник отец Борис (Холчев) не дают ему благословения на брак. В великом горе я рванула на самолете в Ташкент, где от меня все спрятались, и Геннадия куда-то отправили.

Возвращалась я поездом. Заехала к батюшке в Некрасовку. В каком состоянии я была: омертвела, не ела, не спала, не могла и молиться. Батюшка всячески пытался меня утешать. Душа, сломленная горем, не понимала слов, но не могла не чувствовать изливающихся на нее потоков любви. Но надо ехать домой. Идти на работу.

Вернулся Геннадий после каникул на учебу в Питер. Написал мне огромное письмо, где прощался со мной до будущей жизни. Осталась я одна-одинешенька. И надумала прекратить разом душевную муку – повеситься. Но понимала, что в присутствии святых как-то нехорошо это. Сняла иконы со стен, связала их и положила на столе. Только я все приготовила, вдруг звонок в дверь, пришла ко мне знакомая, и другой звонок, и третий. Столько людей, не сговариваясь, пришли ко мне в этот страшный момент моей жизни. И все в недоумении спрашивают: «А ты что иконы сняла – ремонт, что ли, будешь делать?» Так, по молитвам отца Иоанна не дал мне Господь совершить непоправимое, спас меня от великого греха.

Тогда я все же тяжело заболела, месяц лечилась у невропатолога, потом взяла отпуск – летом месяц, плюс за свой счет месяц. И провела эти два месяца в Некрасовке у отца Иоанна, но даже и там в храм тяготилась ходить. Он выхаживал меня, как ребенка, часто причащал и ласково уговаривал покориться воле Божией о себе: «Переходите к нам, к нам – в белое монашество». Сам отец Иоанн тогда еще не был монахом, хотя уже давно жил по-монашески. И только после таких переживаний вспомнила я первые слова отца Иоанна, когда мы с Геннадием приехали брать благословение на наш брак: «Хороша Маша, да не наша». Таковы плоды непослушания. Кто же безрассудно спорит с Богом?

Геннадий принял монашество. Теперь он – митрополит. А я, окончив работу, уже сорок лет как при храме. Исполнилось мое основное желание служить Господу в храме. И моя душа сполна получила то, чего хотела. Но путь жизни моей выстроился не так, как представлялось мне. Промысл Божий прав всегда, служи и не тужи!

Отца Иоанна тем временем ждал новый перевод. И опять указ за подписью архиерея: «Для блага Церкви, для пользы дела». Батюшка переехал в Касимов, в город на Оке.

Прощай, Некрасовка, для нас – «рай на земле».



Касимов, Храм Святителя Николая,
февраль 1966 г. – февраль 1967 г. (один год)

Из воспоминаний протоиерея Владимира
Правдолюбова

Отец Иоанн приехал в Касимов в три часа дня 18 февраля. И сразу по приезде пришел в храм, куда был назначен служить. Храм Святителя Николая, единственный тогда действующий из двенадцати существующих в Касимове. Отец Иоанн поклонился святыням, приложился, все увидел, «впитал». И тогда только пришел ко мне, служащему в этом храме. Очень радостной была эта встреча. Встречали нового, но давно знакомого и любимого человека и теперь нового

настоятеля Никольского храма. Приехал брат, отец Анатолий, со своей матушкой. Отец Иоанн обнимал и целовал отца Анатолия, а матушке его все говорил: «Матушка! Как я рад, как я рад!» Этот первый вечер встречи продлился до двух часов ночи. Много было тогда обговорено, о многом вспоминалось, во многом сошлись вкусы. И еще радость, оказалось, что отец Иоанн духовный сын схиархимандрита Серафима (Романцова), все старшее поколение нашей семьи тоже окормлялось у него.

С первых же дней по приезде отца Иоанна выяснилось, что причиной его перевода из Некрасовки стала староста Никольского храма Клавдия Ивановна Потапова. Об этом я и рассказал ему. Когда настоятель храма по возрасту ушел за штат, староста спросила меня: «Кто у нас в епархии самый лучший священник? Я его буду просить в Касимов». Я ответил: «Лучший – отец Иоанн Крестьянкин, но вам его не дадут». – «Дадут», – уверенно заявила староста. И правда, через некоторое время узнаем, что в Касимов назначен отец Иоанн. И только тогда до старосты дошло общее мнение рязанцев об отце Иоанне, о чем она мне с тревогой и поведала: «Батюшка-то, говорят, провидущий?»

За время своего служения в Касимове отец Иоанн обновил храм внутри и снаружи, летовские монахини пошили облачения недостающих цветов – эти облачения живы до сих пор, так и зовутся облачения – Иоанновскими. К Пещанице его духовные чада привозили из Москвы живые цветы, и с тех пор донныне этот обычай живет в церквях Касимова. Во все, что бы ни делал отец Иоанн, он вносил особый энтузиазм, а ревнуя о порядке в богослужении и о чистоте в церкви,

от него часто слышали: «От внешнего – к внутреннему, и от внутреннего – к внешнему».

Не могу забыть о бережном и мудром отношении отца Иоанна к людям, до него служившим в храме. В нашем храме не на месте стояла чтимая икона Казанской Матери Божией. И многие настоятели еще до приезда отца Иоанна пытались передвинуть ее. Но, кроме расстройств и нарушения мирных отношений, ничего не добились. Старые монахини и настроенные ими прихожане воспринимали эти посягательства как покушение на святыню. Отец Иоанн, щадя строптивых и ради церковного мира, даже и заикаться не стал об иконе. Но проходя мимо нее, он стал незаметно плечом сдвигать ее по сантиметру. К концу его служения в Касимове икона уже стояла на новом месте, не мешая священнику идти с каждением, и на это ни монахини и никто другой не обратили внимания. Долго общаясь со старушками, которых он действительно любил за их подвиг жизни и стояния в вере, он мог жертвовать многим, чтобы не ранить и без того израненные души.

В разговоре с моими сестрами отец Иоанн как-то заговорил о монашестве, чем нимало смутил одну из них. Она про себя и подумала: «Нам о монашестве говорит, а сам ни к черному духовенству не принадлежит, ни к белому. Какой-то серенький». Прощаясь, отец Иоанн обратился к ней со словами: «А мы с тобой, Верочка, пока побудем серенькими». Юродствующая у нас в Касимове Зинушка (теперь монахиня) озадачила одну из сестер словами: «Соня! Новый-то батюшка – парень!» Не сразу Соня сообразила, что слово это означает неженатого священника.



Протоиерей Дамиан Круглик с матушкой Лией

Отец Иоанн говорил непривычные для нас длинные проповеди, конечно, очень хорошие, но кто-то и роптал на это. Несмотря на недавнее заключение, он говорил смело, без оглядки на власти. «Ладонью Солнце не заслонишь! Хотят веру похоронить! Не раньше ли их похоронят!»

Однажды я исповедовал во время поздней литургии. Среди кающихся была женщина, избавившаяся от зачатого младенца. И хотя она раскаялась и обещала, что больше такое не повторится, у меня в душе осталось сомнение в том, что она прочувствовала тяжесть этого греха. Вышел на проповедь отец Иоанн, и вдруг слышу – громом гремят слова: «Придет время, и чашу с кро-



Отец Иоанн с братьями-священниками Правдолюбовыми. Касимов

вью убитого младенца дадут пить матери-убийце!» Попробуй не прочувствуй после таких слов. Думаю про себя: «Благодарю тебя, отец Иоанн, теперь уж точно ты пронял мою исповедницу».

Вспоминается и такой случай. Отец Дамиан Круглик после окончания Духовной академии некоторое время был без места служения и практиковался у нас в Касимове. Однажды, на поздней, он крестил в сторожке. Прибежал ко мне взволнованный: «Что делать – крестная оказалась неверующей. Она пришла уже во время крещения, и я не спросил ее о вере, а потом оказалось, что она неверующая». Вдвоем мы пошли в сторожку. «Как вы смели – неверующая! – прийти на таинство крещения, да еще и стать крестной?» – гневно заговорил отец Дамиан с явно растерянной девушкой. Ошеломленная натиском священника, та пыталась оправдываться. Но теперь уже и я несколькими словами привел ее к молчанию. Обеспокоенный нашим

отсутствием, в сторожку пришел отец Иоанн. Вникнув в дело и поняв, что мы совсем заклевали девицу, он отвел ее в сторонку и стал ей на ушко что-то шептать, задавал и вопросы. Последнее, что мы услышали из его разговора, что она на самом-то деле верующая, но пока сама этого не понимает.

Из воспоминаний Сусанны Валовой

В Касимове попадать к батюшке приезжим оказалось еще труднее. Жил он в городе, в небольшой квартире в каменном городском доме. В те времена там был налажен постоянный надзор за деятельностью священников, и потому приезд чад отца Иоанна был ограничен. Да и добираться до Касимова тоже было трудновато.

Батюшка был поражен запущенностью Никольского храма: черные потолки, грязные иконостасы. Служащий до него настоятель – старенький и не в силах был противоборствовать требованиям властей. Отцу же Иоанну было не привыкать – на каждом новом месте всегда вся деятельность начиналась с благоустройства храма, да и чувство страха после хождения по приходам притупилось. Глаза страшатся, а руки делают. Опять леса, опять завернутые рукава подрясника, круглосуточная уборка храма. Регламент был такой: за трапезой дома никаких разговоров. Поели и снова в храм, на леса.

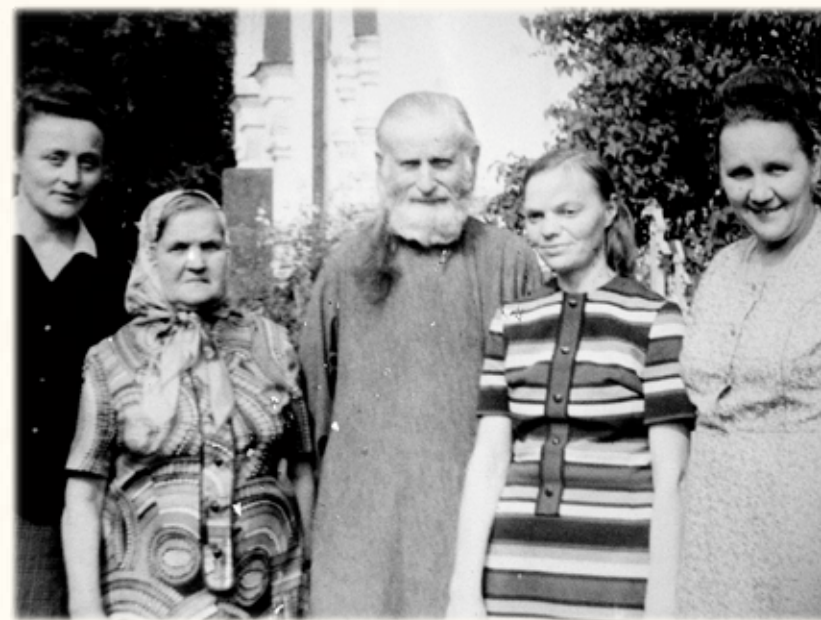
Попросим исповедовать. Только вечером, батюшка принимал исповедь, стоя на коленях, – ноги уже не держали. Считанные минуты для ответов на вопросы, и всё.

Все перенесенное в Касимове напряжение сказалось на отце Иоанне потом, когда батюшка переехал в Печоры. В период



Первая поездка Сусанны в Голубково

служения отца Иоанна в Касимове я уже помогала на клиросе под Питером, где служил отец Кирилл Начис. Храм там был крайне беден, но, что самое трагичное – в нем совсем не было богослужебных книг. Я, как всегда, запаниковала: служить надо, а книг нет, даже часослова не было. Что делать, куда обратиться? Даже горе выплакать некому. Как всегда в трудные минуты, не надеясь ни на что, со скорбью и слезами пишу батюшке в Касимов об этой вопиющей беде. И, чудо, скоро получила ответ: «Приезжай, постараемся помочь». Конечно, сорвалась с работы, поехала.



Сусанна с настоятелем о. Михаилом и певчими храма в Голубково

Что же оказалось? Перед получением батюшкой моего письма староста Никольского храма Клавдия Ивановна увидела во сне крестный ход вокруг какой-то церкви, ей неведомой, и хором управляла девушка. Она услышала голос: «Отдай церковные книги этой девушке». Голос был настолько повелительный и строгий, что та, не понимая смысла, заволновалась и обратилась за разъяснением сна к отцу Иоанну. Пришла она к нему именно в тот момент, когда он уже получил мое письмо. А в подвале Никольской церкви были сложены книги, собранные из разоренных храмов. Так в нужное время встретились



Касимов. Никольский храм

два знания. Староста знала о книгах, а отец Иоанн знал о том, что эти книги где-то очень нужны. Поскольку повеление старосте пришло свыше, то договориться о передаче книг, которые были в подвале, не составило труда. Когда я появилась, отец Иоанн повел меня к старосте, а та сопровождала в подвал за книгами, разрешив взять любые и сколько захочу. Слава Богу, я уже знала, какие книги нужны в церкви для службы, и набрала целый на матрасик.

До сих пор не пойму, как я довезла этот тяжеленный мешок с книгами до Голубкова. Автобус из Касимова до Москвы, пересадка в Москве на Питер, в Питере пересадка с Московского вокзала на Варшавский, и двадцать три километра от Луги до храма. Это, конечно, чудо! Это Промысл Божий о нашем храме! Долго пришлось нам служить в Голубкове по этим касимовским книгам, пока отец Иоанн не прислал нам в 1990 г. полный комплект новых богослужебных книг, только что изданных. Книги же, привезенные из Касимова, и по сию пору мы бережно храним как воспоминание о прожитом и пережитом и в напоминание всем о милости Божией к нам, грешным.

Из воспоминаний Лидии Правдолюбовой

Так получилось, что с приездом в Касимов отца Иоанна все важные события, все церковные вопросы стали обсуждаться и решаться советом священников, который отец Иоанн называл «Синодом». Собирались все: отец Владимир с семьей, папа с мамой, и мы, их дети, бабушка с дочерьми. «У нас одна душа», – говорил отец Иоанн. Бабушку он называл матушкой,



Лиля Правдолюбова

а папу в шутку и с любовью – непременным членом «Синода». Мы, дети, были свидетелями и тихими слушателями на заседаниях этого «Синода».

В своем радостном и единомышленном общении они говорили, и говорили, и не могли наговориться, как будто предчувствуя, что наговариваются на всю жизнь, что только год такого общения им отмерян. В праздники мы слушали их беседы за праздничным столом, который возглавлял отец Иоанн. По обе стороны от него сидели отец Анатолий и отец Владимир, а рядом



Братская трапеза отцов-сослужителей

почтительно рассаживались все остальные. Разговоры были в высшей степени содержательные, захватывающие нас, молодых, целиком.

За одной из таких трапез зашел разговор о будущем, где отец Иоанн обозначил основную трудность грядущего, обращаясь к нам, молодым, он сказал: «Много пришлось перенести нашему поколению, но вашему еще больше придется пережить. Это все будет, – он показал рукой на стол, – но в нравственном отношении очень тяжело придется. Почему и святые отцы в один голос утверждают, что последние христиане будут больше первых. Даже не о подвижниках речь идет, а просто о верующих. Придем мы на тот свет, а преподобные удивятся и спросят: “Как вы сюда попали? Нас мучили



Касимов. В единодушном общении

страшными муками, отсекали головы, подвергали всяческим истязаниям! А вы как сюда попали?» – «А мы бескровные мученики. Нам не отсекали головы, не загоняли спицы под ногти, но нравственные мучения были так велики, что вот мы и здесь»».

Не преминул он для нас, молодых, словами святителя Игнатия (Брянчанинова) обозначить и манеру нашего поведения на грядущее время. «Святые отцы предвозвестили, что в последние времена спасающиеся скроются от взоров человеческих и пойдут смиренным путем делания, хранясь осуждать преступников Божьего закона, предавая все воле Божией и суду Божию, благоговей пред самым попусшением Божиим». Мы слушали, смотрели, впитывали, стараясь

понять величайшее для нас событие – отца Иоанна.

Отец Иоанн избыточествовал любовью. Его души хватало на всех. Всегда он был светлым и радостным, но при этом предельно собранным и внутренне строгим. Он как будто всегда обладал знанием недоступных нам высоких сфер, как будто благоговейно и бережно в них пребывал, оставаясь при этом и с нами внимательным и искренне открытым.

Однажды нас, детей, батюшка пригласил к себе домой. В одной из комнат был кабинет, куда он нас и привел, там было много икон и лампад перед ними. В полумраке, только с огоньками лампад, батюшка благословил нас прикладываться к святыням, их у него было много, помазывал нас святым елеем, кропил святой водой и говорил слова, которые остались, думаю, на всю жизнь в наших тогда еще совсем юных сердцах.

«В жизни у нас две лесенки: одна вверх, другая вниз. Так вот, каждый день надо хоть на одну ступеньку стремиться подняться повыше. И запомните: все истинно большое и важное, и тем более великое – совершается в тишине». Притча, которую он поведал нам в той незабываемой обстановке, стала ориентиром в жизни. «Спросили мудреца, задав ему три вопроса: какое самое важное время в жизни? Какой самый значительный человек в твоей жизни? Какой поступок важнее всего совершить? И ответ был таков. Самое важное время в жизни – это настоящее мгновение, потому что прошлое минуло, а будущее еще не настало. Самый значительный человек в твоей жизни – это тот, кто сейчас перед тобой и которому ты можешь сделать или добро, или зло. Самое важное дело в жизни – в это самое мгновение человеку, который перед тобой, дать

все, что можешь ему дать».

Тогда же пришла мысль, что сам-то он именно так и поступает по жизни. Мы уже видели, как люди к нему шли, ехали отовсюду со своими горестями и печальями. Шли в любое время дня и ночи. Он принимал всех, несмотря на плохое уже тогда здоровье и отсутствие свободного времени. Мы удивлялись тогда, каким образом хватало ему сил. Этот год служения у нас, в Касимове, отца Иоанна был особенно важным для всех, особенно для нас, молодых. Для нас это было настоящее Духовное Училище.

После проникновенного разговора с нами, детьми, в другой комнате отец Иоанн усадил нас за стол и угощал арбузом – лакомством совершенно не по сезону.

Несмотря на занятость, мы все еще учились в школе, мы ухитрились и умудрялись попадать в храм, когда служил батюшка. Служение отца Иоанна меня поражало открытостью и искренностью. Его сердце всегда было в словах молитвы. Даже звук его голоса сам был как богослужение. Чтение Евангелия тогда тоже поражало нас всех. Оно было живым свидетельством событий, совершающихся не когда-то, а сейчас.

К концу своего пребывания в Касимове отец Иоанн долго и тяжело болел. Летал на Ту-104 в Сухуми к отцу Серафиму. Уезжал в Москву, чтобы что-то оформить. Рассказывал потом, что ездил и не раздумывал особенно, что будет предпринимать, полностью положившись на волю Божию. Билетов нет? Значит, не надо. И всюду все складывалось успешно. Визит к Святейшему Патриарху Алексию I завершил все усилия и труды по переходу в монастырь.



Протоиерей Анатолий Правдолюбов



Рязань. Семейство о. Виктора Шиповальникова

Получив благословение старца, духовного отца Серафима (Романцова), а затем и благословение Святейшего Патриарха, отец Иоанн, радостный, вернулся в Касимов. Только тогда мы узнали, что он уходит в монастырь. Вернувшись, он тут же получил вызов в Рязань к уполномоченному по делам религии. Ему вручили документ о переводе на другой приход. В ответ отец Иоанн представил патриаршую резолюцию о своем уходе в монастырь. Уполномоченный изменил тон разговора и стал крайне любезен и предупредителен. Правящий архиерей, епископ Борис (Скворцов), был и удивлен, и опечален: еще один священник уходил из епархии, да какой священник! А отец Иоанн радовался, что опередил приказ о переводе указом Святейшего Патриарха о назначении в монастырь.

После всех этих событий отец Иоанн вернулся в Касимов, чтобы завершить свои дела и попрощаться. Надо ли говорить о том, с какой горестью воспринял Касимов весть о скором расставании: после Сретения отец Иоанн должен был уезжать. 13 февраля в последний раз в доме бабушки собрались на прощание все от мала до велика, духовенство с семьями. Все-все соборовались. В таинстве прощались. Таинством утешались в скорби. И в таинстве засвидетельствовали свое единство.

Печально прошли последние дни служения в Касимове. Народ провожал отца Иоанна скорбно, со слезами. На Сретение Господне была последняя служба. Народу в Николе собралось множество. Все хотели проститься. Отец Иоанн отслужил последнюю литургию, молебен с водосвятием, окропил каждого. Святая вода ручьем лилась по лицам, смешиваясь со слезами. Потом прощался. Приложил всех ко кресту,

всех выслушал. Мужчины, подходя, обнимали и целовали его. Мы смотрели и смотрели на него, пытаюсь все запомнить. Потом отец Иоанн благословил всех общим крестом и ушел в алтарь. Народ еще долго стоял, полный храм, и не хотел уходить, не хотел его отпускать.

Прослужив ровно год в Касимове, отец Иоанн получил указ о назначении в Псково-Печерский монастырь. Прощаясь, отец Иоанн сказал: «Я всегда легко переезжал с места на место, а здесь я нашел семью – и маму, и братьев, и сестер. Но теперь вы ко мне приезжайте. Я открываю вам дорогу в монастырь». Да, за год служения в Касимове отец Иоанн обрел себе столько духовных детей, что потянулись они за ним в Псково-Печерский монастырь, и благочинный не раз говорил: «Что это за Касимов такой! Все время из него в монастыре паломники есть. Уж перенесли бы город-то сюда к нам на святую горку!»

Прощание с миром, 1967 г. Из воспоминаний Сусанны Валовой

Получаю сообщение из Москвы – батюшка срочно собирает своих духовных чад прощаться с ним. Лечу в Москву на самолете. Батюшка радостно встречает всех на квартире своих близких московских духовных чад и объявляет, что уходит в монастырь, в Печоры. «У меня по всей жизни прошли рядом, как два брата, две ветви делания – пастырская и монашеская. И благодарю Господа за служение на деревенских приходах, и прошу благословения на монашеское служение». Кто-то вдруг заговорил о выборе жизненного пути, что преимуще-



С новым настоятелем о. Алексием Чуфиным

ственнее – монашество или брак. На что отец Иоанн живо откликнулся: «На монашество нужно собственное осмысленное решение. И жениться хорошо, но только чтобы взгляд на это был как на подвиг, а не так: “монашества не выдержу – лучше женюсь”. Супружество в жизни человека – это великая тайна – единение супругов, деторождение. Как все премудро устроено! “Господи, как дивно Ты меня устроил! Господи, Ты видел меня в зародыше, видел, как ткалась плоть моя...” А ведь и то и другое одинаково хорошо, но и одинаково трудно».

Отец Иоанн прощался со всеми присутствующими здесь своими чадами и, выпуская чадо на свободу, каждому говорил словечко на пользу души его. Последнее слово было

адресовано мне: «Я становлюсь монахом, который должен находиться в келье, потому такого близкого общения, как на приходе, у нас теперь, дорогие мои, не будет. Но расстаться с некоторыми из вас считаю невозможным». К великому счастью, в число этих «некоторых» попадаю и я, грешная. Обращаясь ко мне, батюшка говорит: «Вам, Сусанна, как батарее отопления, нужен источник тепла, чтобы электростанция была рядом. Вам нужен “карманный батюшка”, чуть что – вынула из кармана, спросила и успокоилась». И я понимаю, это говорится не из-за того, что я такая хорошая, а только потому, что батюшка, зная меня, провидел, что без руководства я пропаду по своему малодушию. Я и сама сразу поняла, что в Печорах, в монастыре, Ббтюшка будет еще менее доступен, чем в Касимове. Будет занят многочисленными богомольцами.

Конечно, слезы, конечно, большая горечь – почему же монастырь? Но хоть не отказывается быть моим духовным отцом. С горя начала, было, возражать, говорить какие-то неуместные слова на любимый мной монастырь, что батюшка решительно и категорически пресек. Пришлось смириться. Уезжаю в тот же день домой, в Питер. Значит, снова Печоры – круг замкнулся. Что же, будем ездить в Печоры – это, в общем-то, рядом. После работы на автобусе до Луги и оттуда в Голубково, утром там служба в храме – таков мой маршрут на воскресные и праздничные дни, хоть через раз – а там уж как придется...



Свято-Успенский Псково- Печерский монастырь, февраль 1967 г. – февраль 2006 г.

Отец Иоанн пришел в монастырь семь лет спустя после кончины старца иеросхимонаха Симеона (Желнина), но именно отец Симеон еще при жизни своей, в 1955 г., засвидетельствовал о будущем насельнике обители, что «Отец Иоанн действительно настоящий старец».

Во время их знакомства иерей Иоанн Крестьянкин еще не был монахом, но готовился к служению в российской глубинке. Тогда же в записях отца Иоанна появилось напутствие ему старца Симеона: «Спаستись невозможно тому, кто ничего

не делает для спасения ближнего. Живи для других и сам спасешься. Будь у всех под ногами».

Воспоминания сохранили такой эпизод из жизни самого отца Симеона. Келейница его, матушка Александра, собралась съездить по святым местам. Отец Симеон возражал ей: «Ну, зачем тебе ехать куда-то, здесь же у нас столько святых, ты помолись им и поклонись, и ехать никуда не надо». – «Да я хочу заехать также и к отцу Иоанну Крестьянкину», – ответила келейница. Старец Симеон оживился: «Хорошо, вот к нему-то съезди, он земной ангел и небесный человек». Таким увидел будущего насельника обители святой старец Симеон.

Из воспоминаний наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Тихона (Секретарева)

Впервые о батюшке отце Иоанне я услышал от моих родителей задолго до поступления в монастырь. Они в один из приездов повстречались с отцом Иоанном, и беседа с ним запала в душу. И когда я брал благословение на поступление в монастырь и на постриг в монашество, то мои родители высказали свое пожелание, чтобы моим духовным наставником стал именно отец Иоанн. Их молитвы услышал Господь, и я от пострига был вручен батюшке. Но еще в 1970-е годы, будучи школьником, я приезжал в обитель с друзьями, и мы видели, как заканчивалось утреннее богослужение в летнее время в Успенском храме, тогда я первый раз и увидел отца Иоанна. Из собора



Литургия в Михайловском соборе Псково-Печерского монастыря. 1985

на площадь появлялось как бы два роя пчел. Один – вокруг отца Иоанна, а другой – вокруг отца Саввы. Отец Иоанн был насельником монастыря уже три года. Пришел он в монастырь при наместнике архимандрите отце Алипии.

Во время наместничества архимандрита Гавриила я был уже благочинным, устраивал паломников. Они приезжали поклониться святыням обители и непременно выражали желание побывать у батюшки отца Иоанна. Даже официальные гости, встретившись с отцом наместником, потом шли к батюшке. Я тогда поражаюсь, что к отцу Иоанну ехали люди из разных городов и даже стран.



*Наместник монастыря о. Алипий (Воронов) служит благодарственный молебен.
1970-е*

Однажды я обошел всех старцев обители, задав им насущно важный для монаха вопрос: что главное в духовной жизни? Ответ отца Иоанна – святоотеческий, хоть и в нескольких словах: «Главное в духовной жизни – вера в Промысл Божий

и рассуждение с советом». Эти слова мы всегда помещаем эпиграфом в книге писем отца Иоанна. Батюшка сам являлся образцом выполнения этого правила. Сколько людей получали от него духовное окормление через личные беседы, через письма, да и в проповедях своих он отвечал на насущные вопросы нашего времени.

Помню, в 1978 г. я слушал проповедь отца Иоанна на литургии. Слово его было продолжительное и очень назидательное, светом Евангелия освещающее нашу современную жизнь. И я подумал тогда: «Как же жалко, что это слово слышат только присутствующие за этой литургией!» Теперь, слава Богу, мы дожили до такого времени, когда слово отца Иоанна и его проповедь Святого Евангелия расходятся по всему миру благодаря печатным источникам и через Интернет. Книги писем переводятся на греческий, финский, английский, болгарский и китайский языки.

Моя келья в братском корпусе была через тонкую стенку с кельей отца Иоанна. Я слышал, как хлопает дверь, когда он к шести утра спешил на братский молебен. Поздно за полночь я слышал, что в его келье все еще продолжается активная жизнь, и он все еще с кем-то беседует. Так, горя духом, он жил: кого-то наставит, кому-то поможет, кого-то утешит. И так до последнего дня своей жизни. Из уст старца отца Иоанна и для нас часто звучали слова пророка Исайи, а по сути – призыв Самого Господа: «Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш!» (Ис. 40, 1) Сам отец Иоанн в послушание Господу принял этот Его призыв для себя как цель и смысл своей жизни. Вся его жизнь до прихода в монастырь прошла в общении с самыми разными людьми и была подготовкой к основному его

служению – к духовничеству. Духовничество – отцовство! Так понимал отец Иоанн свое сорокалетнее служение в монастыре.

Из воспоминаний митрополита Павла (Пономарева)

Я приехал в монастырь в 1988 г. и по долгу послушания стал наместником. Тогда-то и познакомился близко с отцом Иоанном. Его келья, его сердце были открыты для меня в любое время, и его отцовское отношение и молитвенную помощь я испытывал ежедневно. Обращаясь за советами к батюшке, я заметил некую особенность в нашем общении, которая сначала меня смутила. Я ему говорю-говорю, а он все молчит и молчит. Я подумал, что он меня не слышит или считает, что я говорю не по делу. Но как только я заканчивал говорить, он отвечал, начиная с первого вопроса и до последнего, причем не нарушая их последовательности. Думаю, что это особый дар Божий.

Умение и возможность отца Иоанна быть миротворцем даже в критические моменты особенно проявились в деле примирения двух архиереев. В домике Псковского епархиального управления жил на покое митрополит Иоанн (Разумов), который более тридцати лет управлял Псковской епархией. Он очень переживал, что его отправили на покой, а на кафедру назначили нового архиерея. Обида старца митрополита была столь серьезной, что он старался избегать любой встречи с архиепископом Владимиром (Котляровым) и не общался с ним.

Вскоре болезнь совсем свалила митрополита в постель, но смерть медлила. Отец Иоанн воспринимал эту ситуацию



В гостях у батюшки владыка Павел (Пономарев)



Монастырский чин о Панагии. 1968

как предсмертное искушение маститого старца и однажды в разговоре со мной поделился своими переживаниями. Заслуженный митрополит, послушник и помощник патриарха Сергия (Страгородского), прошедший сквозь испытания страшной эпохи, а на исходе из жизни преткновенение — обида, омрачающая ум и сердце. Видимо, поэтому Господь его и не принимает. Я говорю отцу Иоанну: «Батюшка, приближается Рождество Христово, давайте вместе с Вами возьмем еще кого-то из братии и поедем после праздника поздравить митрополита. Да и о примирении с архиепископом тогда заговорим. Может быть, Господь его тогда и примет к Себе». Отец Иоанн с радостью принял это предложение.



За Божественной литургией

На третий день после Рождества мы поехали во Псков, предварительно согласовав свой замысел с архиепископом Владимиром. Надо сказать, что владыка Владимир и сам неоднократно пытался наладить отношения с митрополитом Иоанном, но последний был непреклонен. Митрополит Иоанн был совсем плох, но нас узнал и даже обрадовался. Отец Иоанн, поздравляя его, сказал, что очень скорбит, что архиепископ Владимир не может сюда прийти вместе с нами. И тотчас к радости праздника явилась и радость о смягчении души. Митрополит согласился принять архиепископа. Тотчас пришел владыка Владимир, и произошла долгожданная встреча двух иерархов и примирение.

Краткий, но теплый разговор положил конец этому опасному недоразумению.

Через три дня митрополит Иоанн мирно отошел ко Господу. Я глубоко убежден, что это событие произошло по молитвам и любви старца архимандрита Иоанна. Его скорбь об искушении души, готовой отойти ко Господу, вымолила это примирение.

Открытие воскресной школы в монастыре батюшка благословил, когда делать это было еще опасно. Помолившись, он сказал мне: «Знаете, отец наместник, соИ на это есть благословение Божие. Все у нас будет хорошо». И по молитвам отца Иоанна вопреки ожиданиям вопрос этот даже и с уполномоченным удалось решить мирно.

Не знаю, как часто батюшка пользовался дарованной ему прозорливостью, но что этот дар у него был, для меня несомненно. Его молитва среди ясного дня наслала такую непогоду, что не очень доброжелательная к нам проверочная комиссия предпочла, ругая на чем свет псковский климат, остаться за обеденным столом, не осматривая с пристрастием объекты, ради которых и посетила нас. И вместо ожидаемых нами неприятностей мы мирно и весьма дружелюбно с комиссией попрощались.

Отец Иоанн прикровенно известил меня и о грядущих изменениях в моем служении. В середине февраля 1992 г. неожиданно меня вызвали в Москву, в Патриархию. Ни я, ни отец Иоанн не знали, зачем меня вызывают, но, благословляя меня в дорогу, он вдруг стал говорить мне о послушании, о том, что у нас в Церкви все делается по благословению и по послушанию. «Дорогой отец наместник, все, что Вам будет пору-

чать священноначалие, воспринимайте за послушание. Все, что Бог ни делает, все к лучшему». И завершил свой разговор уж и совсем прозрачным указанием, я его, правда, понял только в Патриархии: он вернул мне часть просфоры от панагии, которую я дал ему ранее. Я попытался воспротивиться и вернуть ему подарок, но он произнес: «Отец наместник, я все время брал от вас панагию с благодарностью. Но на этот раз панагия Ваша Да, да, да! Не отказывайтесь. На этот раз панагия Ваша». На приеме в Патриархии мне сообщили, что Священный Синод принял решение о рукоположении меня в сан епископа. Так реализовались слова отца Иоанна. Действительно, по его слову панагия оказалась моей.

Я благодарю Бога за Его неизреченную милость ко мне, за возможность в течение трех лет жить и трудиться в Псково-Печерском монастыре и на себе почувствовать благодатное воздействие любви старца отца Иоанна.

Из воспоминаний митрополита Меркурия (Иванова)

Мои воспоминания о батюшке отце Иоанне – это несколько памятных историй из жизни. Но не будь в ней отца Иоанна – Бог знает, как она сложилась бы... Все самые значительные ситуации в моей жизни были решены с его благословения, его молитвами, его добрым пастырским советом.

Мне было лет четырнадцать, когда я впервые увидел отца Иоанна. Было это в Ольгин день в Псковском Троицком кафедральном соборе. Людей было очень много. Все стояли плотной стеной в ожидании приезда к литургии приснопамятного



Разговор от души к душе

владыки митрополита Иоанна. Что и говорить, любили горячо псковичи «нашего дедушку»! Где-то на солее тихо читали Часы, и сама атмосфера, наполнявшая собор, была очень напряженной, готовой разразиться ярким и значимым: «От восток солнца до запад хвалю имя Господне!» Я стоял почти при входе в собор, поближе к усталой ковровой дорожке, чтобы была возможность поближе увидеть владыку.

Вдруг среди стоявших со мной бабушек раздался шепот, который подобно волне прокатился по всему храму: «Печорские приехали!» Кто такие «печорские», было несложно догадаться, зная о близости к Пскову монастыря. Сначала прошествовал отец наместник, рядом с ним келейник, архидиакон, а затем как будто пролетело что-то, и возникло трепетное чувство света, теплоты, радости и любви.

Это состояние в душе вызывал небольшого роста священник средних лет в клобуке и мантии, с небольшой седой бородкой, в очках. Голова его была немного поднята вверх, как будто он хотел разглядеть кого-то в толпе. Он прошел среди людей так стремительно, что мантия была похожа на два несущих его крыла. Быстро благословляя народ, он «возлетел» в святилище, и казалось, ничего не осталось уже от его вида в памяти, кроме необыкновенной чистоты и свободы в душе, только появилось доселе неизведанное чувство умиротворенности и гармонии.

Потом много раз я видел этого человека – и столь же стремительно ступающего, почти бегущего, старающегося успеть за отлаженным ритмом благовеста монастырской звонницы, и идущего размеренно, несколько устало – походкой степного летами человека; видел его шествующим, опира-

ющимся на трость. Я видел, как батюшка с трудом поднимался в собор, крепко держась за руку келейника. Он был разным внешне, он по-человечески старел. Но его появление, встреча с ним оставляла всегда то же самое ощущение – ни с чем не сравнимое чувство внутренней чистоты, любви и свободы!

В студенческие годы возможностей бывать в обители у меня прибавилось, а вместе с этим и возможностей видеть старца. Вот он выходит через боковую дверь Михайловского собора, где его уже ждет солидная группа людей. Они такие разные – мужчины, женщины, старушки, девицы, дети и юноши. Кто-то знает, с кем ждет встречи, кто-то просто слышал об отце Иоанне. В их среде то и дело слышится шепот: «Он же святой... Прозорливец... Он мне всю жизнь изменил...» Мгновение – и батюшка уже спустился с высоких ступеней собора, люди обступают его плотным кольцом, тянут к нему руки, хотят просто прикоснуться к нему – «Святой!». А он просто, с улыбкой, но очень убедительно громко говорит: «Ну, что вы! Что вы! Вон святой пошел – великой жизни!» – и рукой показывает на еще совсем юного иеромонаха. Все скорее к нему!

Народ наш, «жадный до святости», слушая его веление, мчался осаждать иеромонаха, рукоположенного несколько дней назад, а около батюшки оставалась небольшая группка людей, которых он обнимал, благословлял, целовал в голову и снова благословлял. Они ждали именно его и с ним удалялись от собора, провожали до кельи, иногда ждали около нее, а иногда на Святой Горке. С ними он говорил, ими он руководил, им открывал волю Божию, но не как Моисей, сходящий



Встреча архиепископа на престольном празднике. 1970

с Синая, а как один из них самих – знающий досконально их жизнь и нужды. Если быть точным, то говорил не он, а его любовь к тем, кто в нем нуждался. Он жил для них и ими.

В один из приездов в обитель, в ожидании прихода батюшки, мы были на Святой Горке и так увлеклись дивным видом обители, так были им восхищены, что даже не заметили приближение дорогого батюшки. Он был, как всегда, радостным, одетым в простой подрясничек, препоясанный трехструйным монашеским поясом, и аккуратную, чистую, но «знающую цену жизни» скуфью.



Выход из Успенского собора



Крестный ход внутри стен обители. 1960

– Как славно! Как замечательно, что вы приехали к нам в обитель в такую дивную пору! – еще издали, простирая к нам свои объятия, восклицал отец Иоанн.

– Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! – все повторял он восклицания и, достигнув нас, высоко запел, приглашая подпевать: «Вои-и-стину воскре-е-се! Вои-и-стину воскре-е-се! Во-и-стину-у во-оскресе Христос!»

И вот – мы уже сидим рядом с ним на лавочке, один справа, другой слева. А он обнял нас за плечи и все целует в голову да повторяет:

– Ну, как это замечательно, что вы к нам приехали!

Будто бы это была наша не первая встреча, а сотая, и знал нас батюшка с пеленок, и воспитывал, и учил, да и расстались мы не более как несколько минут назад. Какая легкость!

Потом был разговор о жизненном пути, о том, как правильно определиться человеку, желающему служить Церкви. Мы пытались о чем-то его спросить, даже рассуждать о жизни. А он улыбался, трепал нам волосы, прижимал наши «буйные головы» к своим плечам, целовал в макушки. Руки его были сильными, но трепетными и заботливо-нежными, пожалуй, как у мамы. Трудно найти такие руки, как у мамы, а него были такие. Да запах розового масла запомнился – очень тонкий, очень церковный.

Говорили долго. Точнее, мы больше слушали. На вопрос о женитьбе или монашестве батюшка, помню, ответил так:

– Что сказать вам на это, други мои?! В юности своей видел я на стене у одного священника картину. Река жизни. На одном берегу мы сейчас, на другом – Царство Божие. А река – полноводная, бурная! И каждый хочет через эту реку переправиться. Вон – гляди, батюшка приходской на ладье переправляется. Устал, бедный, – утрудился. Матушка у него в ладье сидит, детки, а вокруг еще прихожане уцепились за края. Батюшка из сил выбивается – гребет веслами, вспотел, рукава рясы засучил. Тяжело ему, а лодочку-то сносит. Рядом в маленькой лодочке монах плывет. Оди-и-н сидит. Непросто ему, он ее и так повернет, и так приловчится – удачно выходит... Так кому же, други мои, легче переправиться на тот берег? А?..

Безусловно, ответ напрашивался сам собою. Но поскольку мы считали, что до окончательного решения еще очень много



Праздничный крестный ход

времени и воды утечет много, приняли это как доброе пожелание батюшки и радовались тому, что он продолжал с нами сидеть и говорить, говорить...

Уже будучи епископом, приехал в монастырь. Было начало десятого утра. С наместником отцом Тихоном мы подошли к батюшкиной келье. Постучали с молитвой. Открыла келейница отца Иоанна. Наместник зашел в переднюю. Обмолвившись несколькими словами с келейницей, вышел и сообщил, что батюшка плохо себя чувствует, ему ставят капельницу, и принять меня он, вероятнее всего, не сможет. «Не может такого быть!» – подумал я. Сердцем же чувствовал, что он ждет. Нет! Это просто искушение. И тут же вспомнил батюшкины слова: «Не унывай – Господь Сам все управит!»

Ничего не сказав отцу наместнику о том, что творится у меня в душе, я вместе с родителями отправился осматривать монастырь, поклониться его святыням. Благо, что и для них, не очень часто бывающих в обители, от этого польза была великая. Затем последовал обед, и пришло время покидать обитель.

– Отец Тихон! – обратился я к наместнику. – У меня к Вам огромная просьба. Давайте еще раз пойдем к отцу Иоанну. Я все понимаю – здоровье батюшки неможное. Помолимся и постучим. Если старец не сможет меня принять – тогда... тогда еще одна просьба. Оставьте меня одного у дверей его кельи. Я там постою и у дверей старца скажу все, что должен был бы ему сказать. Он и так услышит и помолится. Мне станет легче.

Совершенно уверив себя в том, что именно так все и будет, мы отправились в корпус, где живет отец Иоанн. Мысленно

я уже стоял в пустом коридоре корпуса на коленях у кельи старца. В сердце определилось словесно то, что хотел сказать.

– Господи! Только бы никто по коридору не ходил! – молился я. Отец наместник снова постучал и вдруг из-за двери услышал голос келейницы:

– Батюшка примет владыку. Он его ждет!

Не знаю, что произошло в этот миг! Отворилась дверь передней и сразу же дверь кельи. В полутемный коридор корпуса ворвался свет из кельи старца. И в этом свете в проеме двери, весь в белом, стоял отец Иоанн, он руками опирался о косяки дверей, но казалось, что из этого света он простирает объятья. Свет был такой сильный, что невозможно было смотреть. Из оцепенения, в котором я пребывал несколько мгновений, меня вывел знакомый голос батюшки:

– Дорогой владыко! Как хорошо, что Вы приехали!

Начисто забыв о предупреждении отца наместника быть недолго и стараться не тревожить батюшку излишне, я упал ему в ноги:

– Благословите меня, дорогой батюшка!

– Нет! Это Вы меня благословите, владыко! – И старец тоже упал на колени.

– Нет! Это Вы меня благословите, батюшка. Вы старец. Я к Вам приехал за благословением!

– Нет! Вы меня благословите – Вы епископ, а я недостойный архимандрит!

– Батюшка! Вы монах, смиритесь и благословите меня не как епископа, а как самое недостойное Ваше чадо!

– Бог Всемогущий и Всеведущий да благословит Вас Своею щедрою десницею! – высоко и торжественно произнес отец



«К Богородице прилежно ныне притецем...»

Иоанн, обхватил мою голову обеими руками и, как всегда, поцеловал в лоб.

Пока длился этот диалог на коленях, отец наместник и келейница были в полном замешательстве и не знали, кого поднимать – старца или архиерея... Мы вошли в келью батюшки. Он повернулся ко мне и почти повелительным тоном произнес:

– А теперь и Вы, владыко, благословите мою келью!

– Благословение Божие да пребывает неотступно на месте сем и на Вас! – произнес я и осенил келью обеими руками.

В ответ раздалось глубоко взволнованное, немного высокое, спетое из глубины сердца:

– Исполла эти деспота!!!

Так спеть может только батюшка. Он всегда будет петь так же при наших новых встречах, отчего я заметил:

– Батюшка! Вы – самый лучший и самый дорогой исполатчик при моем епископском служении.

Дальше был недолгий разговор. Я попытался изложить все, что было у меня на сердце. Отец Иоанн крепко сжал мою руку, второй обхватил за шею, склонил голову и на ухо произнес:

– Не стоит много говорить об этом. Я все знаю. Давайте помолимся.

Он повернулся к иконам, висевшим в красном углу, оперся на стоявший под ними аналой с крестом и Евангелием, осенил себя медленно и истово крестным знаменем и торжественно произнес:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков! Аминь!

И далее стал читать молитвы – с обычного начала «Царю

Небесный» по «Отче наш». Никто и никогда не читал так при мне молитвы, как он. Это было необыкновенное чтение – это была беседа с Богом. То батюшка умильно просил, то благоговейно и настойчиво требовал, то убеждал Его в необходимости. Происходило нечто особенное – это было Таинство молитвы.

Я смотрел то на отца Иоанна, то на образа и видел, что телесно он пребывает здесь, но духом предстоит ТАМ, у Престола Божия. Стены кельи не могли удержать ни его пламенеющего духа, ни его молитвы.

– А сейчас, уж простите меня, убогого, дорогой владыко, я помажу Вас освященным в стенах нашей обители елеем.

Батюшка достал маленький флакончик благовонного масла, опираясь на мою руку второй, начертал от края до края моего чела крест:

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Аминь.

И далее также глаза, уши, уста, руки.

– Откройте сердце!

Я расстегнул ворот подрясника и рубашки, отодвинул параман, открыв область груди, где располагается сердце.

– Здесь надо особо, – заметил отец Иоанн и начертал крест трижды.

Я стоял, ничего не понимая. Чувство было такое, что из меня через стопы стал вытекать свинец, наполнявший меня до сих пор. Появилась возможность двигаться, дышать, прояснились мысли – все внутри ожило, возвратилось к жизни.

После этого еще несколько минут мы целовали друг другу руки: я – с благодарностью и сыновней любовью – исцелившие меня руки старца, а он – по глубочайшему своему сми-



Служба на приходе Псковской епархии. 1970

рению – руки молодого епископа. От переполнявших меня чувств я как-то нелепо попрощался и направился к двери.

– Пойдите, пойдите! – окликнул меня батюшка. – Как же Вы уйдете без утешения?!

Я обернулся и увидел сияющего любовью дедушку Иоанна, который протягивал мне коробку шоколадных конфет «Золотые купола».

– А это – обязательно. Непременно усладите жизнь!

Когда я сел в машину, мама спросила: «Владыка, что случилось? Ты весь другой. Прямо светишься».

Я был у отца Иоанна – ОН ЖДАЛ МЕНЯ.

Отец Иоанн обладал удивительным даром любви к людям. Даже тогда, когда казался суровым и требовательным, заставляя чад своих задуматься о смысле происходящего в их духовной жизни. Но стоило только человеку вспомнить о Боге, обратиться к Богу, начать трудиться, исправляя свои ошибки, батюшка менялся. Он весь становился светом – дающим возможность душе в греховных сумерках жизни не потерять правильного пути, он весь – теплота любви, своим обаянием и многолетним пастырским опытом возвращающим любую добрую поросль мысли, он – мудрый и терпеливый отец, ожидающий до последнего мгновения возвращения отступившего чада.

Вся жизнь его, все служение его – ожидание чад, вверенных Господом его попечению для того, чтобы им отдать всего себя, чтобы, увидев их на пороге своей кельи, всплеснуть руками в порыве духовного восторга и с умилением, только ему свойственным, воскликнуть: «Слава Богу! Как хорошо, что вы пришли!»

Из воспоминаний архимандрита Тавриона (Балова)

Подвиги наших старцев повседневно совершались на наших глазах и от этого казались привычными и естественными. Конечно же, мы видели и сознавали, что отец Иоанн – человек необыкновенный, самобытный, можно сказать, «не от мира сего». Не в том смысле, что отрешен от мира и замкнулся в себе, а в том, что он в этом мире живет не по стихиям мира,



Отец Иоанн и отец Таврион (Балов)

а по Духу, живет по Святому Евангелию. Это в нем было так органично, что казалось естественным.

Евангельский дух в нем воспитала Святая Церковь с самого раннего детства. Он жил в Церкви, жил Церковью, жил для Церкви и нам внушал, что надо с любовью исполнять все, чему учит Церковь. Он говорил, что если в послушании Церкви жить долгое время, то душа сродняется с Церковью, входит в ритм церковной жизни и бывает ей настолько послушной, что, когда Церковь говорит «плачьте», душа плачет покаянными слезами, а когда слышит «радуйтесь», душа ликует, радуется и веселится, как дитя. И мы часто видели эту

чистую пасхальную радость нашего старца. Один из иеромонахов так и называл отца Иоанна – «пасхальный батюшка».

Вот на эту пасхальную радость и тянулись к нему братия и паломники со всех концов света. Вокруг батюшки всегда «роились» люди, чающие Христова утешения. И он, помня заповедь Божию «утешайте, утешайте люди Моя» (Ис. 40, 1), всего себя отдавал этому деланию.

Вот лишь один из примеров благодатного влияния старца на нашу жизнь. Литургия в Михайловском храме. «Святая святым!» – возглашает священник. Священнослужители со страхом и трепетом причащаются Тела и Крови Христа. Затем в молчании идут к столику, чтобы принять антидор и теплоту. И вот на пути от престола к столику одного из причастившихся иеромонахов останавливает пономарь Максим – бывший воин, ветеран многих боев, а теперь монах. Он учтиво подает причастившемуся иеромонаху ковшик, в котором вместо теплоты налито немного церковного вина, и говорит: «Отче, покушайте это вино...» Потом инок сей рассказывал духовнику: «Смутился мой немощной дух, “во мне смятется сердце мое”. “Как можно в такую минуту предлагать такое угощение?” – с досадой подумал я. И с этим чувством прошел мимо, но тотчас с болью понял, что осудил брата и потерял мир души, а поправить уже ничего нельзя. И тут я увидел, что отец Максим остановил идущего следом за мной отца Иоанна и протянул и ему свое “угощение”. Батюшка остановился, внимательно, с любовью посмотрел на отца Максима и на ковшик с вином, благоговейно осенил ковшик крестным знаменем и чуть-чуть пригубил вино. Пономарь, весьма довольный этим, учтиво спросил: “Хорошее

ли это вино, годится ли оно для проскомидии или только для запивки?” – “Очень хорошее, очень хорошее, – повторил батюшка, – можно на проскомидию”, – и мирно пошел к столику. А пономарь, утешенный участием старца, понес с радостью свой ковшик».

Вот такие уроки святой жизни забыть невозможно, после сего навеки запомнишь, что значит на деле «возлюбить Бога и ближнего, как самого себя». В присутствии старца слово Евангелия становится ближе. Почти сорок лет прожил отец Иоанн в нашей святой обители, с нами было его милующее и любящее сердце, излучающее благодатный свет. И мы привыкли выверять свои дела и мысли во свете этой отеческой любви, и слово старца было одинаково значимо для каждого насельника монастыря – от наместника до послушника и трудника обители. Оно примиряло нас, гасило недоумения и раздоры, вселяло веру и подвигало с теплой надеждой нести свой крест. Нам казалось, что так будет всегда...

Из воспоминаний Сусанны Валовой

Батюшка, прибыв в Печоры, сразу же вышел из кельи в полном монашеском облачении. Когда же его успели постричь в монахи?! Удивлению нашему не было границ. Как мы, так внимательно и долго бывшие при нем, не знали о таком важном событии в его жизни? Как и когда это произошло? Только однажды, как-то летом 1966 г., в Касимове, возле храма, я заговорила с ним о приближающемся дне его Ангела, на что он почти шепотом произнес: «А того отца Иоанна уже нет!». Я не поняла, что бы значила эта фраза?!



Чин о Панагии в монастыре. 1980

Вскоре по прибытии в Печоры батюшка очень серьезно заболел, почти умирал (страшный приступ болезни печени, стенокардия). Пришел наместник отец Алипий, глянул на больного и произнес: «Что же ты, отец Иоанн, не успел прийти к нам, как уже и уходить собрался. Нет, дорогой, еще потрудиться надо, встанешь». И по молитвам печорских старцев Господь смиловался, и батюшка остался жив.

Тогда, вскоре после ухода наместника, батюшка услышал за дверью какое-то движение, и раздался тихий стук в дверь. Напрягая силы, он приподнялся на кровати и слабым голосом произнес: «Войдите, возьмите ключ на полочке».

Через несколько минут дверь открылась, и в келью буквально вплыл большой образ Матери Божией «Взыскание погибших». Людей за иконой не было видно. Чудотворный образ встал на диван, и три человека оказались рядом с иконой.

Отец Иоанн вспомнил, что видел этот образ в Касимове, в доме прихожанки Никольского храма. Образ был некогда в женском монастыре, и когда монастырь разоряли, верующие кое-что сумели спрятать по домам. Из разговора с пришедшими выяснилось, что благочестивая старица, хранящая у себя икону, заболела и, как завещание, просила передать это сокровище отцу Иоанну. Батюшка был взволнован, образ Матери Божией «Взыскание погибших» сопровождал его всю жизнь и, как правило, появлялся всякий раз в трудные минуты. Что теперь принесла ему Мать Божия с Собой? На следующий день батюшку соборовали, и он стал поправляться.

Отец Иоанн обосновался в монастыре, а я все еще была не у дел. Продолжала работать в НИИ, но это же просто работа, а моя душа тосковала по служению в храме. Я не раз приезжала к отцу Иоанну, надоедливо прося его благословения на труды хотя бы в сельском храме. Батюшка внимательно выслушивал меня, но молча уходил от ответа. Только однажды, когда дело дошло до слез, он вдруг сказал: «А Вы, Сусанна, выдержите, если Вас начнут швырять ногой, как футбольный мяч, из угла в угол?» Я – в недоумении. Что это с батюшкой, что он такое говорит? Батюшка дальше: «Голова у Вас выдержит то, что будет ожидать Вас на приходе? Не случится ли такое, что Вы приедете ко мне, мы будем разговаривать, а Вы не будете понимать того, что я буду Вам гово-

ритель? Я-то в монастыре, уйду в свою келью, а Вы куда пойдете, куда денетесь?!»

Но ко времени этого нашего разговора в обстоятельствах моей жизни уже наметились некоторые изменения. У меня появился знакомый батюшка, отец Кирилл (Начис). Он, уже будучи в солидном возрасте, учился в Академии в Питере. Жил в общежитии, у самого ни кола ни двора. Иногда он стал заходить к нам. Я в то время жила с тетей. Мы принимали его с любовью. Однажды весной, когда в Питере были белые ночи, вдруг раздался звонок в дверь. Я была дома одна, тетя уехала. В час ночи – звонок? Открываю дверь, а на пороге стоит отец Кирилл – бледный и очень расстроенный, только и произнес: «Меня выгнали...»

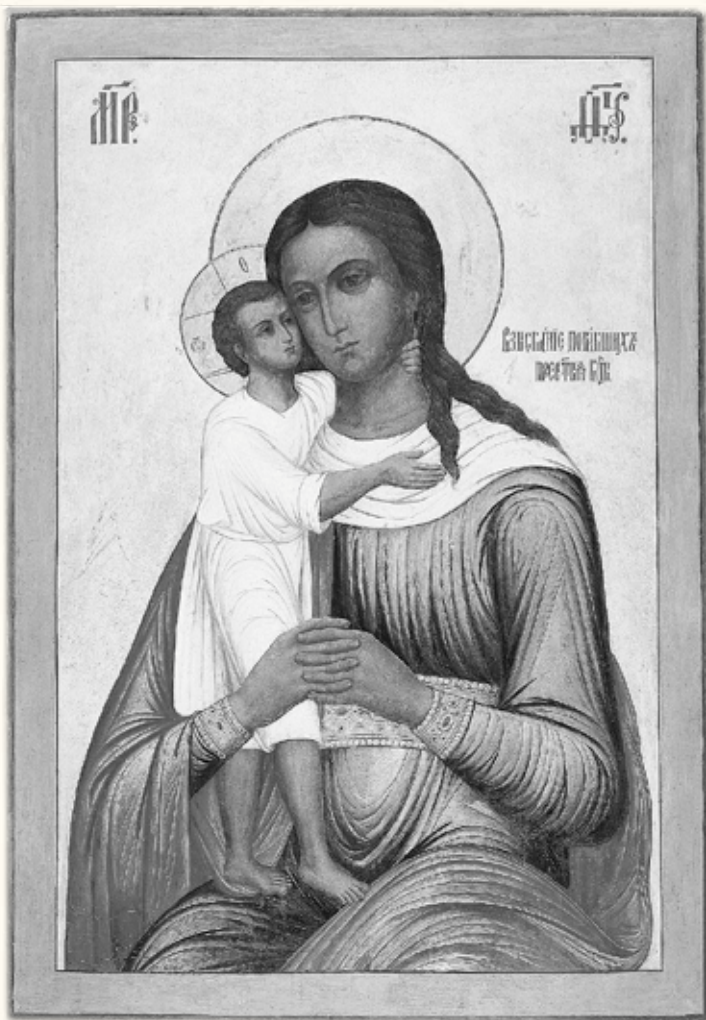
Незадолго до этого отец Кирилл получил наконец-то комнату. Всю жизнь свою он прожил в общагах. Сначала в фашистском лагере, потом в советском, потом, пока учился, жил в стенах Академии. Когда окончил Академию, ему, как преподавателю, выделили комнату, и его радовало, что теперь у него было отдельное жилье. Он – монах, строгий, ничего лишнего у него не было. И вдруг – такое! Я спрашиваю: «Батюшка, куда вас выгнали?!» Отвечает: «Не знаю, в какое-то Голубково». Оказывается, его направили служить в сельский приход. Погоревала я с ним, поохала и поахала. Это у меня всегда получалось. Жалко человека. И распрощались мы с отцом Кириллом, он уехал в неведомое Голубково, что от Питера отстоит на сто семьдесят километров, а я осталась в Питере.

Первые рассказы отца Кирилла о новом месте своего служения впечатляли. Там был полный развал. Храм-то хоть и был непригляден, но еще ничего, терпимо выглядел. А уж



Протоиерей Алексей Чухин

домик, сторожка – это вообще кошмар. Стекла разбиты, дверь не закрывается, крыша течет, пол земляной. Староста его утешает: «Ничего, батюшка, вот предыдущий-то священник, когда дождь шел, с козой под стол прятался». Спать не на чем, кровати нет. А староста деловая: «Батюшка, идите к озеру, там много железных кроватей валяется, выбирайте любую». Отец Кирилл человек неприхотливый, уже много и всякого пови-



*Икона Матери Божией «Взыскание погибших».
Дар касимовцев о. Иоанну*



Интерьер храма в Голубкове

дал в жизни, пошел и приволок себе кровать. Уже в русском лагере он приобрел специальность строителя, и теперь ему это очень пригодилось. Стал все обустраивать и потихоньку восстанавливать эти руины. Приехал как-то ко мне в Питер с просьбой: «Сусанна, приезжайте ко мне в Голубково, научите меня хотя бы щи варить». Ну, разве откажешь? Так я впервые попала в Голубково.

Стала помаленьку помогать. Дальше – больше. Не заметила, как храм стал мне дорог, да и история его была связана с отцом Иоанном Кронштадтским. Храм в Голубкове был

построен в 1900 г. Деньги на строительство ходили и собирали по городам. Один из сборщиков попал к отцу Иоанну Кронштадтскому, который пожертвовал на голубковский храм много денег и даже колокол. До революции в Голубкове был свой хор, и приход жил полной жизнью. В тридцатые годы там начали всё разрушать: разобрали иконостас, иконы все куда-то увезли. А отец Кирилл мне все письма из Голубкова шлет: «Сусанна, некому петь, некому вести службу. Приезжайте, помогите!» Опять не выдержала, поехала. Но очень скоро поняла, что помощница я никакая, и главное, что я не умею вести службу. Зато отец Кирилл великолепно знал Устав. Он и взялся меня учить. А я еще долго, начиная службу, «ныряла солдатиком» – под воду уйдешь, а вынырнешь ли назад, не знаешь. Вот так я начинала свое служение в Церкви, служба – это сложная вещь.

В душе – смущение. Чувствую, что творю своеволие, пора ехать к батюшке отцу Иоанну, просить благословение на труды в Голубкове. Батюшка был уже в Печорах. Он принял меня в большой келье отца Александра. В свою он тогда еще никого не пускал. Я же все заранее обдумала и просила благословения на труды в храме, на клиросное послушание – попеть и почитать. Только одно беспокоило меня: я еще работала в закрытом НИИ, а потому нужно, чтобы о моих поездках в Голубково на работе не прознали. Отец Иоанн опять повторяет: «Выдержите ли Вы, Сусанна, искушения жизни на деревенском приходе?»

Я-то уже начала ездить в Голубково, и меня там с любовью встречают с фонариком, говорят спасибо за всякую помощь и опять на остановку с фонариком провожают.

Я опять не понимаю, о чем мне говорит отец Иоанн, ничего не могу понять – что это?! Ведь я прошу только благословения попеть и почитать в храме. И опять упрашиваю батюшку благословить меня. Наконец выпросила, отец Иоанн отступил перед моим напором. Предыдущие уроки непослушания батюшке прошли для меня даром.

Только теперь, на старости лет, я начала понимать, о чем говорил мне отец Иоанн тогда, давным-давно. Сколько раз за время моего служения в Голубкове меня швыряли «из угла в угол», а теперь на меня свалились все заботы о храме, как я говорю, от алтаря до туалета. И что я терплю за все мои труды! Милость Божия, что у меня от всего еще не помутилось сознание, и я еще могу чем-то послужить храму. Опять послушание батюшки и самовольный крест. Сама сорок лет назад взгромоздилась на этот крест.

Плакать и возмущаться я опять ехала к нему же, к дорогому батюшке. Петь некому, одна тяну, помощников нет, денег нет постоянно. Я жаловалась отцу Иоанну на обстоятельства. Приехать к нему за советом – крайняя нужда, а возможности нет. А он без смущения отвечает: «Что за беда? Будет необходимость, ты покличь меня. Я услышу!»

И кто, кроме него, мог понять меня и утешить? Приеду растерзанная, а от него уезжаю с надеждой и уверенностью, что все переживем, придет время, и все наладится. Только надо терпеливо трудиться дальше. Что претерпел вместе со мной отец Иоанн? Однажды только он и сказал: «Я не могу терпеть, как мое духовное чадо пригвозждают ко кресту, да еще и гвозди загибают». Но и после таких слов он умудрился меня утешить. Вот на что я напросилась, а он, несмотря на мое непослушание,

прошел со мной рядом эти сорок лет, несмотря на мои откровения о полном внутреннем разорении от службы при храме.

Позднее, зная все мои терзания, батюшка все же твердо благословлял меня продолжать нести послушание, даже тогда, когда я была готова все бросить. Он только повторял: «С креста не сходят, с него снимают». Но однажды все же спросил меня: «А ты хочешь спастись?» – «Конечно», – был мой ответ. Тогда отец Иоанн пояснил мне смысл, ради чего я должна пройти через все трудности и все претерпеть. Он сказал: «Древние отцы великими своими подвигами дошли до этой истины. Они сознательно брали на себя тяжести и горечи болезней и самоотречения. Нашему времени эта истина дается от Бога без нашего вмешательства, дается очевидно, зримо. Чадам Божиим остается только понять, что сила их не в подвигах, не в учености, но в немощи, которую надо принять как свою спасительницу, примириться с ней, полюбить ее и сознательно принести свою немощь к стопам Божиим, чтобы в ней начали действовать благодать и сила Божия, и вообразился в нас Христос». «Терпи, чадо, терпи! Все сможешь о укрепляющем тебя Иисусе».

Когда отец Кирилл начинал служить в Голубкове, там в храме не было ни одной книжки по богослужению, тогда я и привезла книги из Касимова. После отца Кирилла пришел в Голубково служить отец Михаил – добрый молитвенник, внимательнейший человек. Мы с ним не раз бывали у батюшки в Печорах. Да что там говорить, вся наша жизнь шла под руководством отца Иоанна. Он очень много всего жертвовал в голубковский храм, в том числе и денег. Ведь там пришлось всё восстанавливать с нуля. Я приглашала отца Иоанна приехать в наш храм, но он отвечал: «Нет, Сусанна,

я в монастыре». Я упрашивала: «Батюшка, вы поедете скоро на отдых, заезжайте к нам!» А он отвечал: «Сусанна, я так устал от людей. Дай мне немножко отдохнуть!» Я не отступаю: «Батюшка, да у нас никого нет!» Он: «Как это никого нет? Главное, там ты есть, а мне нужен отдых!» Так я и не смогла его уговорить.

Поехали, попали на прием к владыке. А он говорит:

– Нет у меня священников.

Удивление!

– Владыка, как это нет, у Вас их целая семинария и Академия.

А он:

– Нет их у меня, все они присланы из разных епархий и туда должны вернуться.

– Да батюшка отец Иоанн Вас, владыка, просит.

– А вот и поезжайте к нему, у него есть два священника.

– Но ведь он же не владыка, – возражаю я.

– Поезжайте, поезжайте, он даст вам батюшку!

Что делать?! Взяли благословение и назад на вокзал. Говорю, поехали прямо сейчас опять в Печоры. А Мария Григорьевна, староста наша, вся сгорбилась от горя. Но решила ехать. Приезжаем к батюшке: «Ну как?» – «Да владыка к Вам прислал. Сказал, что есть у Вас два священника, и Вы одного нам дадите». – «А и правда, есть, но кого же вам дать? Пожалуй, что отца Алексея, он проще, войдет к вам как родной в семью. Но у него пять детей. (Глаза на лоб – мы же очень бедные.) У него матушка еврейка (о, Боже!), но корни у нее замечательные. Отец – еврей, а мать – русская дворянка. Все деды и прадеды ее были очень благочестивые люди. Глубоко верующие

(немного полегчало). Служит он в Жаборах (бабушка показывает руками жабы рыб). Сам-то он питерский, дети у него подрастают, пора и о них подумать, учить их надо». Оказывается, название «Жаборы» – от болотистого места и обилия там лягушек и жаб.

Так, двадцать пять лет назад прибыл к нам в Голубково отец Алексей (Чухин) и действительно по простоте своей вошел как родной в семью – и в нашу церковную, да и к родственникам отца Михаила.

Я заболела, мне была необходима операция, чтобы удалить большую опухоль. Операция плановая, поэтому дали время на подготовку. Еду за благословением к бабушке. Он решительно благословляет тут же собороваться. Нашлись еще несколько человек со скотного двора. Соборujemy. Возвращаюсь домой и ложусь в больницу на операцию. На предварительном осмотре врачи в недоумении объявляют, что операция не нужна – опухоль сама начала рассасываться.

Выхожу из больницы и сразу – на автовокзал, в Печоры, к бабушке. Шла неделя его череды служить молебны. Застаю его еще в храме: «Бабушка, меня отпустили». – «Слава Тебе, Господи! Мы тут за Вас молились!»

Снова иду на автовокзал и еду в Голубково. С удивлением встречает меня наш священник. «Отпустили – сейчас я уже из Печор приехала». А опухоль через несколько месяцев исчезла без следа.

На работе у меня началось сокращение штатов – очередное испытание. Очень переживаю, меня ведь только терпят в «номерном ящике». Прошу бабушкиных молитв. Увольняют из моей группы девушку-инженера, по рабочим качествам,



Протоиерей Михаил с певчими. Голубково

по стажу работы мы равны. Но она чистая, а я с «пятном». Она, протестуя, говорит начальству: «Меня увольняете, а эту баптистку (то есть меня) оставляете». А начальник ей в ответ: «Ты-то устроишься на работу, а она уйдет к своим сектантам, и прощай человек». Так Бог запретил им меня уволить по молитвам батюшки. Доработала я там до пенсии.

Исповедоваться я ездила к отцу Иоанну. Своих чад он выходил поисповедовать за столбом у иконостаса правого придела Успенского храма во время «Верую». Утром удавалось передать ему исповедь через алтарника. Батюшка очень строго исповедовал, слезы лились рекой, бывало очень стыдно и больно так нагрешить.

Однажды произошел особенный случай. У нас в Голубкове тогда колхозные огороды подходили прямо под окна сторожки храма, где мы обитали. Кругом сажали помидоры, которые вызревали прямо в грунте. Какой-то очень вкусный сорт. Перед поездкой в Печоры (а это было на праздник Успения Матери Божией) взяла я корзинку и мгновенно набрала полную этих помидоров. Привезла их батюшке, передала келейнице. А тут батюшка на исповеди, подхожу под епитрахиль и каюсь, что вот нарвала на колхозном поле помидоров. Как меня стыдил батюшка! «В храме Матерь Божия лежит, а она ворует помидоры». Я готова была провалиться сквозь землю. Батюшка прощает меня. Всю оставшуюся часть литургии я на коленях оплакивала свой грех – вот как батюшка исповедовал. Приезжаю потом вскоре уже с купленными помидорами, а батюшка спрашивает: «А они не краденые?» Запомнила на всю жизнь.

Иногда отца Иоанна посылали на приход вместо владыки на престольные праздники. Мы узнавали и заранее ехали

в храм, куда посылали батюшку. Там, конечно, было очень хорошо. Молились с батюшкой. И торжество литургии, и проповедь, и крестный ход, и водосвятие – батюшка щедро, с ног до головы окропит святой водой. Незабываемые дни.

Приезжая в Печоры, я заходила к батюшке в келью еще до его возвращения со службы. Мария, его келейница, усаживала меня на диван и кормила, что было под рукой. Батюшка всегда надолго задерживался в храме. Но вот слышались его быстрые шаги, голос разносится по коридору – это батюшка приветствует встречаемых. Открывается дверь: «А! У меня гостя. – И обращается к Марии: – А ты покормила ее?» Такой прием всегда был у батюшки. Так он был заботлив, так всех любил. Как-то приехали мы к отцу Иоанну с отцом Кириллом, и он просит батюшку: «Пришлите к нам в Голубково кого-нибудь попеть. Так хочется по-христиански пост провести». А у келейницы отца Иоанна был прекрасный альт, и она, будучи еще в Браиловском монастыре, всегда пела на клиросе. Батюшка посмотрел на Марию: «Поедешь?» – «Благословите», – был ответ. Мария целый пост провела у нас в Голубкове. А ведь самому отцу Иоанну остаться без помощницы на столь долгое время не трудно ли было?

Из воспоминаний Геннадия Тимофеева, внука отца Всеволода (Баталина)

Наслышан я был об отце Иоанне от дедушки. Он много рассказывал мне о том, как вместе с отцом Иоанном служил во Пскове.

Отец Иоанн – тоненький, худенький, весь как свечка. Его

внутреннее горение освещало и согревало всех. Полгода им пришлось жить в каморке под звонницей, спали прямо на полу. Но обоим было к таким условиям не привыкать, в заключении бывало еще и хуже, все неудобства скрашивались тем, что они – в храме и служат у престола. Дедушку удивляло и даже восхищало постоянно радостное состояние духа отца Иоанна. Время-то было трудное. Во время службы отец Иоанн менялся, становился сосредоточенным, а в некоторые моменты – даже и отрешенным, будто был не в Троицком соборе, а где – ведомо только ему. Он предстоял Богу.

В 1968 г. я и сам познакомился с отцом Иоанном, уже в монастыре, и с тех пор ежегодно стал бывать в обители. Я учился в Ленинграде на врача, и отец Иоанн, вдохновляя меня на усердие к выбранной мной профессии, говорил, что мы с ним – коллеги. Он врач душ, а мне предстоит стать врачом телес, но ответственность пред Богом и людьми у нас обеих одна.

Наблюдая, как отец Иоанн принимал посетителей, как беседовал со мной, я понял, что он для меня – есть лучший образец врача. Мне он не раз повторял, что если я не сумею полюбить больного, то все мои попытки помочь ему будут безуспешны.

Однажды, еще будучи студентом, я потерял в монастыре кошелек. Попросить у кого-либо денег на дорогу я стеснялся и мучился думами, как доехать до Ленинграда. Ничего не придумав, пошел к отцу Иоанну прощаться и благословиться на отъезд. Поговорив со мной, батюшка помазал и покропил меня, приговаривая: «А это, чтобы хватило благодати до следующего приезда». Одаривая гостинцами, он подал мне кон-

верт. Я понял, что там деньги. Засмутившись, я стал энергично отказываться, но он остановил меня, сказав, что на сегодня они мне очень нужны. К моему удивлению, в конверте оказалась точно такая сумма, какую я потерял.

В Сургуте у меня умирал брат. Пока он мог еще ходить, я привел его в церковь. Он поисповедовался и причастился. Но что я пережил, когда в одном из разговоров о брате узнал, что он не был крещен. Срочно написал покаянное письмо отцу Иоанну. Ответил он тотчас и кратко: «Не волнуйся, брат крещеный. Слава Богу, что ты сумел главное для него сделать».

Прошло время, я – то успокаивался, а то подступала тревога, и червь сомнения начинал точить душу. И вот как-то приезжаю на могилу брата и встречаю там его друга и сослуживца. Начались воспоминания, и тот вдруг стал рассказывать о том, как они с братом в семидесятых годах в Тобольске крестились, оказавшись там в командировке по делам службы. По молитвам отца Иоанна Господь успокоил мою душу, подтвердив то, что батюшка знал точно. Такова была забота отца Иоанна о мире души своего чада.

Из воспоминаний Александры Белавской

В 1969 г. мне перевалило уже за сорок, когда надо было решить чисто личный вопрос, осложненный многими объективными обстоятельствами. Родители, конечно, были очень встревожены, но горячо любящий меня отец не решался резко сказать «нет». И вот он отправляет меня со своим письмом к отцу Иоанну, ему вручая мою судьбу. С великим волнением я соби-



Отец Иоанн на приходском празднике в Старом Изборске

ралась в путь. Как я его найду? Будет ли он со мной говорить? А вдруг он категорически скажет «нет»? Наша знакомая, часто ездившая к нему, меня ободряла и даже описала его: «Выйдет батюшка в очках, пышные волосы с проседью, быстрый, очень живой, а главное, окруженный толпой. Постарайся к нему пробраться, и все будет в порядке».

Приехав в монастырь, я так и поступила. Отец Иоанн взял письмо и назначил время и место встречи. Встреча состоялась, но от волнения я забыла, что он говорил, но поняла: он не решает вопрос резко, не отсекает все, что мне до смерти дорого, а мягко и ласково советует пока отложить окон-

чательное решение. И внушал он все это с такой любовью, что я с радостью приняла все как свое собственное мнение и более или менее успокоилась.

Так продолжалось не год и не два, а целых девять лет. Мои встречи с отцом Иоанном продолжались, и при каждой встрече все сводилось к тому же – обождать. Я не помню всех его доводов, они были для меня убедительны, но однажды он сказал: «Знаете, когда идет сражение, то всегда стоит в запасе свежий полк. До времени его не трогают. Но когда битва доходит до критической точки, полк вступает на поле боя. Так должно быть и с Вами».

Когда же батюшка, наконец, благословил принять окончательное решение, то Сам Господь не допустил довести дело до конца. Начались болезни, операции близких, смерти, и было уже не до себя. Прошло еще семь лет, полных тревог и радостей, и все вопросы разрешились смертью и самой заинтересованной стороны.

Тогда, чуть живая от неожиданного удара, я помчалась в Печоры, к заветной двери Михайловского собора. И когда только появился в дверях батюшка (он, конечно, все знал), я услышала: «Скорблю вместе с Вами». Это была не фраза, не просто слова утешения, я почувствовала, что он взял на свои плечи часть моего горя. И он сделал все, чтобы умирить мою душу к Светлому Христову Воскресению: отправил меня вечером в Великую Среду собороваться, а ранним утром в Великий Четверг, в день своего 75-летия (11 апреля 1985 г.) принял мою исповедь. И мне выпало тогда счастье первой поздравить дорогого батюшку с юбилейной датой.

Наблюдая в течение многих лет общение отца Иоанна

с народом, хочется отметить два характерных момента. Несмотря на окружающих его людей, батюшка мог «прорваться» и подойти к какой-то скромно в стороне стоящей фигуре. Видимо, и не помышлявшей о возможности поговорить с ним. Если отец Иоанн видел человека впервые, он обязательно расспрашивал обо всех обстоятельствах его жизни, чтобы лучше его понять. Иногда он тихо и долго (бывало, до получаса, а то и более) беседовал с этим «несчастливым», прозревая своими духовными очами особую нужду в этом.

Отвечая на вопросы, если была необходимость только личного контакта, говорил шепотом на ухо. Однако очень часто он говорил во всеулышание, для назидания многих, стоящих вокруг. Ответы его всегда отличались духовной рассудительностью, живостью ума, остроумием и даже мягким юмором.

Картина выхода отца Иоанна из храма и общения его с народом была впечатляющей. Служба кончилась, но в Успенском храме продолжает толпиться народ. Это значит, что отец Иоанн еще в алтаре. Все спокойно ждут, ибо выход здесь только один, и батюшка вынужден пройти через храм. Наконец появляется долгожданный отец Иоанн, и все кидаются к нему. Он благословляет, раздает из мешочка просфорочки, кому-то отвечает на вопрос, кого-то приветствует, потихоньку продвигаясь к выходу. Иногда достает из мешочка конверты с письмами-ответами и, как почтальон, вручает тем, кто передал ему свой вопрос в письменном виде. Наконец отец Иоанн – на площади, где и происходит большая часть встреч, бесед и ответов на вопросы. Путь от Успенского собора до корпуса занимал обычно около часа, а то и больше, иногда до звука колокола,



Крестный ход. 1984



Отец Иоанн с паломниками. 1985

приглашающего насельников на обед. Правда, тогда уже, спустившись с соборной площади и выйдя на «финишную прямую», батюшка почти бегом устремлялся вперед. А самые рьяные «мироносицы» старались его догнать и даже опередить, чтобы встретить у дверей.

Вот некоторые сценки из моих наблюдений. Вниманием батюшки завладевает пожилая женщина, видимо, местная, и торопливо излагает какие-то обстоятельства своей домашней работы, спрашивает, как распределять время, чтобы чаще ходить в церковь. Она, видимо, из усердных богомолков. Батюшка некоторое время слушает, а потом пальчиком стучит ей по лбу: «А свой-то царь у тебя есть?», давая понять, что все это надо решать самой и ежедневно.

Какая-то молодая особа, скорее всего из неофитов, обращая на себя внимание всей толпы, отчаянно взывает:

– Батюшка. Не могу больше жить. Кругом одни враги.

– Да какие же это враги?

– Да видимые и невидимые.

– Ну, невидимые – это допустим, так, а какие это видимые? Где ты их находишь? Посмотри, вокруг нас одни Ангелы стоят.

И широким жестом, с улыбкой отец Иоанн указывает на стоящих вокруг людей.

Как-то женщине, работавшей в церкви и жаждущей подвигов, отец Иоанн долго и упорно рассказывал про лошадку, которой все подбавляли груза, пока она не упала. Как и многих других, он убеждал ее не набирать подвигов, сверх положенных правил Церкви, – ни в посте, ни в молениях, особенно ночных, ни в труде. Батюшка всегда ставил выше всего дар рассудительности и призывал идти средним, «царским» путем.

Уже внутри трапезного корпуса, внизу, удалось запечатлеть такие сценки. Спускается сверху отец Иоанн и видит в углу старушку с большой свечой в руках.

– А ты, милая, чего тут?

– Да вот на отчитку пришла.

– А что же это с тобой?

– Да голова, батюшка, сильно болит.

– А у меня-то, знаешь, как иногда болит голова! Ну, тогда и меня, верно, надо отчитывать?

Старушка заулыбалась и, кажется, успокоилась.

Другая просительница:

– Батюшка, а у меня так плохо с глазами, и ничего не помогает. Не знаю, что делать.

– Ты знаешь, если старинные часики сломаются, то деталей к ним уже не подобрать, и их не починить. Так и у нас с тобой: приходит время, что-то в организме выходит из строя, и ничего не поделаешь. Благодарю Бога, что еще хоть чуть-чуть видишь.

Если отец Иоанн был в Михайловском соборе, то картина была такая. На лужайке у задней двери собора прогуливаются или стоят, тихо беседуя, группки людей. Но вот резко открывается дверь, появляется отец Иоанн, и все, как стая птиц, слетаются к ступеням. Однажды был теплый солнечный осенний день. Увидев народ, батюшка, всплеснув руками, воскликнул: «Вы все здесь? А я-то думал, что в такую погоду вы все на уборке урожая!»

Однако не всегда отец Иоанн был спокойным и благодушным. Нам не раз доводилось слышать, как он скорбел, если кто-то упорно и сознательно преступал заповеди и волю Божию. Однажды в моем присутствии он вразумлял моло-



дую женщину, сокрушался, что она за падение мужа тут же сама подала на развод, не думая ни о детях, ни о нем, ни о своих обетах при венчании. Сокрушался он о скоропалительных и подчас неудачных союзах молодых батюшек и матушек. Но более всего отец Иоанн болел душой и переживал за нашу Церковь и ее пастырей. На эти болезненные темы он не мог говорить спокойно.

И все же, если бы нас спросили, какое наиболее важное чувство владело нами после встреч с батюшкой, мы бы сказали: светлая, словно пасхальная радость.

Из воспоминаний Надежды Горюновой

Августовский солнечный день... Спускаюсь по «кровавой дорожке» и вижу Настю с отцом Иоанном. Он нас обнимает и говорит: «Дочкина мама и мамина дочка». В этих словах заключен весь смысл моей жизни. Но это я поняла потом. Благодарю батюшку за Настю, а он неожиданно спрашивает: «Ты в зеркальце смотришься?» Отвечаю: «Да нет, все больше на ощупь». Отец Иоанн в это время продолжает: «Я тебе духовное зеркальце дам – книжечки, почитаешь. А потом ко мне придешь. А в зеркальце смотреться надо, вдруг воротничок загнется. Ты к нам еще придешь».

Я не возражала, хотя была уверена, что больше никогда сюда не приеду, так мне всё в Печорах не нравилось. Сознание у меня было подростковое, незрелое, хотя к тому времени я успела шестнадцать лет промучиться в браке, была в разводе, и дочери уже исполнилось двадцать лет; но о духовной жизни я не имела ни малейшего представления.

– Вот тебе, Наденька, иконочка Божией Матери «Прибавление ума», – сказал батюшка и подарил небольшую иконку.

Пройдет какое-то время, и после очередного искушения отец Иоанн спросит: «А дарил ли я тебе иконочку Божией Матери “Прибавление ума”? И я, чуть не плача, отвечу: «Дарили, да ума не прибавляется». Батюшка, утешая: «По капельке, по капельке, не килограммами же, а то и сосуды твои не выдержат. Господь знает, какие сосуды что могут вместить».

К этому времени я уже много раз приезжала в Печоры, чаще всего попадала к батюшке, а когда не попадала, хоть и огорчалась, но мне было радостно вместе с ним быть в храме на службе, увидеть его хоть одним глазком. Самые счастливые



Надежда Горюнова с дочерью

минуты моей жизни: на литургии батюшка молится в алтаре, а я стою у солеи, близко к батюшке, молюсь, как могу, и благодарю Господа. Как-то стояла на Всенощной, отец Иоанн подошел ко мне с кадиллом, зная, что я расстроилась, не попав к нему, прислонился ко мне и, стоя так, покадил стоящих рядом людей.

1993 г. Приехали с Александрой и ее дочерью Анной. Привезли вест о кончине Галины Викторовны (ровесница батюшки, одна из первых и самых близких его духовных чад).



Литургия в Сретенском храме. 1987

Сидим в келье. Входит своей легкой бесшумной походкой (ощущение, что он не касается земли) батюшка. Прочитал молитвы, помолился об упокоении девицы Галины, помазал нас от мироточивых глав из Киево-Печерской лавры, окропил святой водой, сел на диванчик и нас усадил: «А теперь можно поговорить. Как Настя?» Я отвечаю: «Работает». – «А ты, Наденька?» – «Работаю». – «А ты, Александрюшка?» Отвечает: «Работаю». Отец Иоанн: «Вот и я работаю с пяти утра до двенадцати ночи»... «Галина Викторовна закончила свой земной путь. Слава Богу! Ведь она жила одна, а у всех свои дела и заботы. Значит, умирать мы не собирались (я пересказала батюшке слова Галины Викторовны о том, что она купила на зиму макароны, хоть и дорого, но деньги ведь есть

не будешь). Человек рождается три раза: рождение, крещение и смерть – рождение в жизнь вечную».

Вот уже прошло десять лет, как он из вечности наблюдает жизнь чад своих, а мы не чувствуем одиночества, и его слова, сказанные нам при жизни: «Кто вошел в мою орбиту, тот уже мой навсегда», для нас стали реальностью.

Из воспоминаний Ольги Сокуровой

В движениях, жестах отца Иоанна, поворотах его высоко поднятой головы с седыми волнистыми волосами все было торжественно, благообразно, гармонично. Если человек постоянно ходит перед Лицом Божиим, то только так, наверное, и должен он себя вести. Благородная красота поведения еще не раз внутренне отмечалась мною при последующих встречах с батюшкой.

В ту первую встречу, уже после службы, я увидела, как он движется – не идет, а как будто радостно летит. Развеваются крылья мантии, а за ним так же радостно бежит, попевает народ. И вот уже кто-то забежал вперед, сообщая на ходу о своем неотложном деле. Батюшка останавливается, его со всех сторон обступают, берут в кольцо, и уж никуда, кажется, и никогда в жизни не отпускают. Вот он прижимает к себе чью-то счастливую голову, а по чьей-то, не менее счастливой, вразумляюще постукивает рукой. Вот он отвечает на вопросы, и люди старательно вытягивают шеи, чтобы не упустить ни одного драгоценного словечка: то, что обращено к другому, может прямо и тебя касаться – все мы родные друг другу, все похожи и в бедах, и в падениях, и в недоуме-



Ольга Сокурова

ниях своих. Вот батюшка пошутил – и все по-детски светло смеются, и словно горы скатываются с плеч. Да, именно так: несли к нему горы тяжелых неразрешимых проблем, а глядь – вместо твоей горы-то осталась махонькая кочка, с которой управиться с Божьей помощью можно просто, бодро и с удовольствием. И снова батюшка, на ходу извиняясь и благословляя, летит вперед, а народ радостно за ним, покуда это возможно... Сколько раз еще потом, вот так, вместе со всеми, я провожала батюшку или же поджидала его после литургии с алтарной стороны Михайловского собора.

...Переминаясь с ноги на ногу, ждем. Многие про себя читают молитву. В кучке ожидающих батюшку людей обязательно есть ребяташки, они подвижны, но стараются не нарушать тишины. Ждем. Все не идет и не идет отец Иоанн. У выходящих священников люди спрашивают: в храме ли еще? Не упустили ли? Нет, говорят, еще там, с кем-то из отцов или братии разговаривает. Ну, еще, значит, надо подождать, поучиться заодно смирению да терпению. И вдруг разом все лица светлеют: вот он, вышел, наконец, – и словно солнышко всех осветило.

Мой первый разговор с батюшкой произошел у монастырского колодца. Совершенно неожиданно он встретил меня радостно и ласково. Потом-то я поняла, что если и можно было когда-нибудь – очень редко – получить его одобрение, то только в случаях глубокого покаяния, трезвого и строгого рассуждения о себе. Дар рассуждения батюшка всегда называл самым драгоценным и необходимым даром. Господь наградил его этим редким даром сполна.

В ту первую нашу встречу у колодца батюшка подарил мне икону Божьей Матери «Державная» и сразу ответил на некоторые мои вопросы, о которых можно было говорить не наедине. Так он научил меня, как молиться за мою нянюшку, полного имени которой я не знала (дома мы звали ее тетя Фаня). Она посеяла когда-то в моем детском сердце семена веры, взошедшие только через многие годы. А молиться надо было так: «Спаси, Господи, душу рабы Твоея, еяже имя Ты Сам веси». Наверное, у многих из стоящих тогда рядом с нами людей были в жизни такие же безымянные благодетели. По словам батюшки, краткие молитвы, от всего сердца к Богу возно-

симые, очень важны, а в некоторых обстоятельствах жизни они могут заменять большое молитвенное правило.

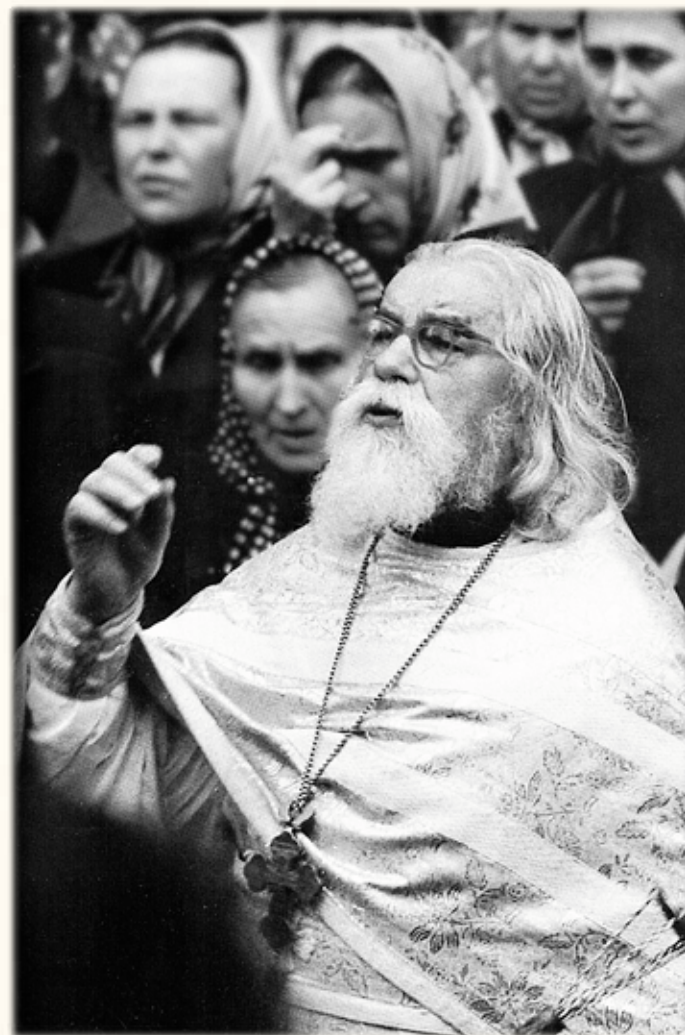
Когда батюшка в первый раз вот так говорил со мной, я испытывала небывалую, ликующую, через край переливающуюся радость и, наверное, вся сияла, отражая исходивший от батюшки свет. Во мне проснулась детская, счастливая и доверчивая душа. Так родилось еще одно духовное чадо отца Иоанна.

Батюшка благословил прийти к нему в определенный час следующего дня. Посчастливилось мне в те давние благословенные времена бывать в батюшкиной келье. Чистота, белизна – вот первое от нее впечатление. И батюшка – чистый, белый. Глаза сквозь увеличительные линзы очков кажутся огромными, всезнающими. Смотрят глубоко-глубоко и все в тебе видят. И страшно, и совестно, и радостно. «Сядем рядком, поговорим ладком», – скажет, бывало, батюшка и усадит на диванчик. И я вся обращаюсь в слух, боюсь что-то важное упустить, не уразуметь, не запомнить.

Большое значение отец Иоанн всегда придавал материнскому подвигу. В одной из бесед он сказал, что духовный и культурный уровень общества можно определить в первую очередь по отношению этого общества к женщине. «Раньше замужней даме целовали руку в знак преклонения перед материнством, и к женщине было возвышенное, бережное отношение – а теперь что?» – И батюшка горестно опускал голову.

Когда у меня родилась дочка, батюшка прислал поздравление с этим важнейшим в жизни событием и написал следующее:

«...Заметь, не случайно попала тебе в руки книга



Служба на площади перед Успенским собором. 1983

об Иисусовой молитве именно сейчас, когда привычное отходит пред новыми обстоятельствами жизни в прошлое, и в тебе должны пробудиться качества и силы, до сих пор бывшие под спудом. Кажется, что все, чем жила раньше, отсекается. И все разнообразие и многообразие интересов должно уступить место смиренной роли матери с кажущимся ограниченным кругом интересов и дел. Но вот это-то и будет, и есть проявление истинного, глубинного, Богом данного богатства женщины – не восхищенного самовольно и потому чаще уродливого проявления ее активности и значимости, но истинного, Богом благословенного назначения – родительницы и воспитательницы христианской семьи.

Сколько надо мудрости, сколько такта и чуткости, от скольких привычных проявлений себя придется отказаться во имя новых задач. Благослови, Господи! Очень все это трудно, да еще в нынешнее время, когда, говоря твоим языком, “мы и так живем ниже всякого допустимого уровня, ниже, чем во всякие другие времена”. И это со счета не спишешь, и придется прощать и смиряться, смиряться и прощать – и другим, и себе. Не связывай себя никакими определенными молитвенными правилами, это породит только расстройство и уныние. Живи свободно и легко памятью Божией, и в этом будет тебе защита, и помощь, и вся жизнь: “Господи, помилуй! Господи, благослови! Господи, прости! Господи! Слава тебе!” Вот сколько тебе молитв сразу и на все случаи жизни».

Из воспоминаний митрополита Болгарской Церкви Гавриила (Денева)

Весной 1986 г., будучи студентом Московской духовной академии, я побывал в Петербурге у митрополита Антония (Мельникова). Провожая, он посоветовал мне не уезжать домой, на родину в Болгарию, не встретившись с архимандритом Иоанном из Псково-Печерского Успенского монастыря. Я прислушался к совету и летом был уже в монастыре у отца Иоанна. В теплоте отеческой любви, с которой встретил меня батюшка, в манере разговора и в самой его тематике я сразу почувствовал, что отец Иоанн ничего не говорит просто так и случайно. Своим внутренним духовным взором он увидел меня насквозь. И сразу, с момента знакомства, он стал говорить о том, что в данный момент волновало меня.

У меня возникло такое впечатление, что он знаком со мной очень давно и говорит о том, что было не только полезно, но просто необходимо душе моей. На прощание я попросил отца Иоанна молитв о себе и чтобы по возвращении в Болгарию меня оставили в скиту преподобной Параскевы, где я жил до отъезда в Москву, и чтобы дали возможность преподавать. Отец Иоанн увлекся, собирая подарки, и на все мои вопросы как бы мимоходом отвечал: «Да-да, надо помолиться, будем молиться». Потом неожиданно вдруг подошел ко мне вплотную и, посмотрев мне в глаза, произнес: «Вы будете представителем Болгарской Православной Церкви в России». Помолчал, взглянул на меня пытливый взглядом, будто желая понять, готов ли я к такому послушанию, и трижды твердо повторил сказанное ранее: «Вы будете представителем Болгарской Церкви в России». Не представляя, как это может произойти, я безоговорочно поверил его словам. Вся ситуация была настолько необычна, что стало ясно,



Митрополит Болгарской церкви Гавриил (Денев)

что в этот момент Господь Бог открыл старцу будущее обо мне.

Вопреки логике тогдашнего времени по возвращении в Болгарию с первого сентября я был назначен представителем БПЦ в России. С тех пор прошло почти уже двадцать лет. За это время, по милости Божией, я бывал много раз у отца Иоанна. Иногда он встречал меня словами: «Слава Богу, отец Гавриил снова на рентген приехал». С 2003 г., когда я вернулся в Болгарию, появилась возможность общаться с батюшкой через келейницу по телефону.

Отец Иоанн был истинным духовным старцем. По своему искреннему глубокому смирению он старался скрывать свое духовное величие и данные ему Господом духовные дары: прозорливость, чудотворную молитву, скрывал и свои подвиги. Но, как сказано в Святом Евангелии, что, зажегши свечу, ее не ставят под спудом, а на свещнице, чтобы светить всем. Так и Господь не дал утаиться духовным дарованиям в своем угоднике отце Иоанне. Сколько благодатной помощи и советов духовных получил я от него, из которых было явственно видно его знание человеческого сердца и предведение грядущих событий.

Принимая каждого посетителя с великой любовью, он усаживал его рядом и отдавал ему свою душу и сердце, прикладывал бальзам своей любви на душевные раны и немощи. В конце беседы оделял подарками и делал это с таким восторгом, что все подаренное становилось очень дорого. Я всегда уносил от него на душе утешение и радость, и хватало этих чувств надолго. Обступит жизнь опять своими поучительными неприятностями, но начнешь вспоминать все моменты нашей встречи с отцом Иоанном, его пасхально светлый лик,

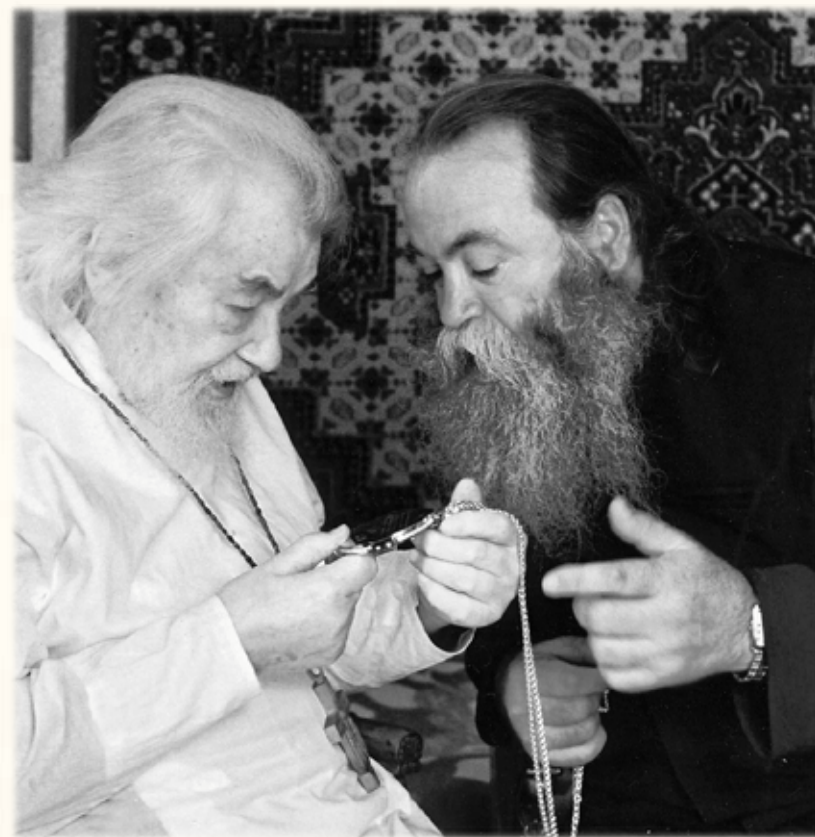
его благодатное слово, и отступят невзгоды и горькие думы.

Есть человек и Господь с ним и в нем, и ты сам это видел и знаешь. И ты рядом с таким человеком и сам начинаешь ощущать близость Господа. Встречи с отцом Иоанном были для меня реальным касанием к миру Божию. Помню, как однажды, после встречи с ним, я пошел на Святую Горку побыть наедине с собой, чтобы еще и еще пережить впечатление от разговора и от нашей встречи. «Вот здесь, на земле, я чувствую такую радость от общения с праведником, а что же будет там, в раю?» – задавал я себе вопрос.

За двадцать лет общения с отцом Иоанном пришлось спрашивать его очень о многом и в трудных обстоятельствах просить его святых молитв. Ни время, ни пространство не мешали его духовной силе совершать чудеса. Неразрешимые проблемы вдруг решались, недоброжелательные люди изменяли свои недобрые намерения. Отец Иоанн на вопросы отвечал так, как будто глубоко знал людей, о которых шла речь, будто сам присутствовал на месте, где случается то, о чем я спрашивал. Время всегда доказывало, что батюшка был совершенно прав. Из его ответов я часто узнавал людей, с которыми работал и служил, которых батюшка никогда не видел, но знал их лучше, чем я.

Многие в Болгарии знают и любят отца Иоанна из наших воспоминаний о нем, из его книг, его писем. Не раз я по просьбе прихожан задавал отцу Иоанну их вопросы и просил его молитв о них. И люди приходили с благодарностью за верный ответ и молитвенную помощь отца Иоанна.

И теперь я продолжаю просить помощи у отца Иоанна, уверен, что его молитвы сопутствуют мне по жизни.



В гостях у старца

Дай Бог России еще таких светильников веры и подвига служения Богу, Церкви и людям. Да помилует нас Господь по его святым молитвам.

Послесловие

Жизненный путь отца Иоанна длиною почти в столетие пролегал сквозь трагическое время, когда рушились устои былой Руси. Затянувшиеся поиски новой дороги болезненно отражались на всем строе российской жизни, и особенно на жизни церковной. Отец Иоанн прошел с Церковью и в Церкви все тяготы, выпавшие на ее долю, стал живым связующим звеном Святой Руси с Русью настоящей. Он показал нам Божий путь в безбожном мире.

Ничто не смутило и не поколебало души его, управляемой живой верой, в живой вере возросшей и возмужавшей. Плоды же, вызревшие на древе жизни отца Иоанна, всегда преклонявшего свою волю пред волей Божией, очевидны теперь. Они остаются для всех примером истинного доверия Промыслу Божию, который ведет человека сквозь тень и сень смертную в радость Богопознания и Богообщения уже здесь, на земле.

Многие, очень многие наши современники, изнемогающие на жизненном пути, прикоснулись к божественной благодати, явленной в старце, и духовно ожили для веры, надежды и любви. Признаки старчества в отце Иоанне начали проявляться в период огненного испытания, когда он вопреки всем обстоятельствам явил верность и любовь к Богу и людям.

И теперь, когда многие свидетели, пройдя за отцом Иоанном

по его жизни от детства до старости, оставили свои воспоминания об этом, не пора ли нам подумать о том, как и почему в безбожной обстановке появляются Божии люди? Почему именно в двадцатом веке свидетелей Божественной Истины в России – Новомучеников и Исповедников – оказалось так много: явные и тайные, прославленные и безвестные. Они познали и встретили Бога при таких обстоятельствах и там, где, казалось бы, Его не должно было быть, там, где считали, что Его быть не может. Весь двадцатый век для России оказался веком войны, и войны небывалой и самой ожесточенной – войны с Богом.

Кто не знает, что на войне всегда все бывает истинное, там есть только настоящий момент, прошлое миновало безвозвратно, а будущее будет ли? Теперь они, победившие в этой войне, стоят на страже России. А весь мир, страждущий и томящийся безбожием, ждет, когда на Святой Руси опять явится сила веры, чтобы светом своим осветить плутающий по бездорожьям греха мир. Нам всем, россиянам, важно понять, как укореняется человек в вере в наше время, через что проходит испытание его верности Богу и чем венчается подвиг его жизни. Отцу Иоанну часто задавали вопрос: «Что самое главное для нас в настоящий исторический период жизни?» И ответ был краток: «Сохранять веру и полное доверие Богу!»

На примере жизни отца Иоанна очень легко проследить процесс становления христианина от детской веры к вере сознательной и от нее – через испытания – к познанию Бога, к реальному чувству присутствия Бога в твоей жизни, к Богообщению. Только тогда человек самоотверженно отдается Богу вполне, а жизнь становится подвигом.

Детство Вани Крестьянкина. В наследство ему досталась



Отрок Ваня Крестьянкин

детская вера. Вера – радость и жизнь, наполненная этой радостью. Вокруг него – Божии люди. Его сердечко чувствует их безошибочно. Но вот отроку исполнилось семь лет, и первый искус его детской веры оказался совсем не детским. И ропот на Бога, «обманувшего» его детскую веру, слышит Бог, и слышит чуткое сердце матери. Как и за что подвергаются преследованию Божии люди? Где Бог, не встающий на их защиту? Почему зло бесчинствует в жизни? Вопросы, на которые ответит не всякий взрослый, встали перед отроком. Мамина взрослая вера, уже испытанная страданием, пришла на помощь семилетнему ребенку: «Детка! Бог плохо не сделает, значит, так надо. Придет время, и ты узнаешь великую цель Промысла Божия и о Божиих людях, и о себе». Детская вера переболев, любовью и доверием маме сохранилась, получив первый урок на пути к сознательной вере.

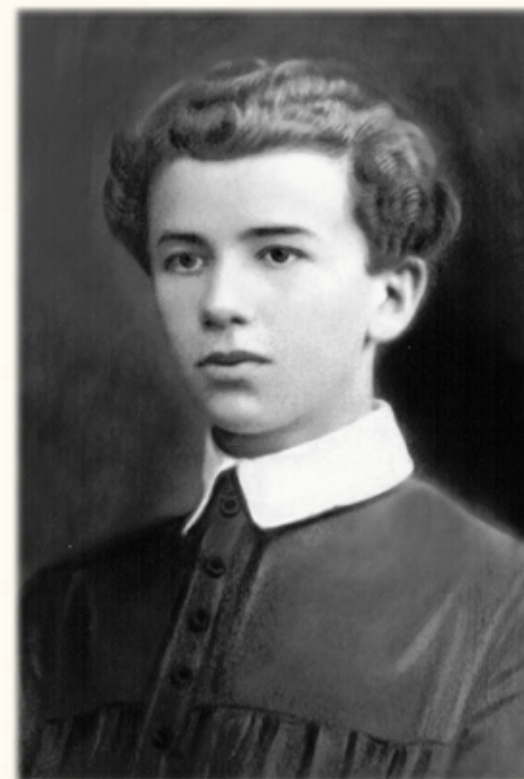
Дальше уже жизнь не щадила взрослеющего Ваню, тепличных условий на этом пути не было. Сквозь терния жизни шел он от детской веры к познанию Бога. И это проявилось уже в период юности, когда Церковь стала для него основным компасом в разбушевавшемся житейском море. Верой он преодолевал все соблазны безбожной среды. На собственных ошибках учился понимать действия Промысла и Попущения Божия, но после полученного опыта повторных ошибок уже не допускал никогда, бережно сохраняя память о них по жизни. Он учился жить в Боге в суровой школе, когда обстоятельства были для него уроками и задачами со многими неизвестными. Их он разрешал словами: «Никто не имел бы надо мною власти, если бы не было дано им свыше». Мамины слова: «Бог плохо не сделает, значит, так надо», – были последним

аргументом против всякого смущения. Понятие о Промысле Божиим входило в жизнь.

В двадцать лет – изгнание из родного города, расставание с отчим домом. Причина – первый сознательный выбор юноши за Бога, за Церковь, против разрастающейся обстановки безбожия. Иван Крестьянкин свою первую публичную краткую проповедь произнес на работе в ответ на покушение лишить его воскресной литургии. Ему предложили работать в воскресные дни: «А как же литургия? Кто три раза подряд пропускает воскресную Божественную литургию, тот отлучает себя от Церкви». И тут же прозвучали слова, определяющие его мировоззрение: «Я не причина ваших отставаний, и я не буду жертвой их ликвидации. Я пошел молиться». Так он вступал в самостоятельную жизнь, ему было двадцать лет.

Обстоятельства и благословение орловских блаженных определили дальнейший этап жизни изгнанника. Ему указан путь в Москву. Начало этого периода вполне прискорбное. Одиночество, обустройство в незнакомом городе – эти изменения в жизни осознавались как первая ступень на пути к монашеству. Благословение на монашество, полученное в двенадцать лет, он нес перед собой по жизни как светильник, не дающий уклоняться с избираемого пути. Тепло только в церкви и у московских святых, благо их много. Осознание своей несостоятельности перед возникающими трудностями призывало к молитве. И отклик на молитву не замедлил. Появились и работа, и угол за занавеской в комнате московской старушки, благодарную память о которой отец Иоанн пронес сквозь всю свою жизнь.

Двадцать лет жизни в Москве! Влияние ее на дальнейшую судьбу было столь значительным, что отец Иоанн впослед-



Псаломщик Иоанн Крестьянкин

ствии называл этот период «мои университеты». В букинистических книжных магазинах он стал завсегдатаем. В сундуке, на котором спал, появились книги святых отцов с их наукой о жизни, о вере, а на столе – тетради с конспектами из прочитанного. Первое место в ряду учителей на этом этапе жизни



принадлежит преподобному Исааку Сирину. Душа хотела бы слушаться этого учителя беспрекословно, но не всегда получалось. Мешала молодость, обстоятельства, да и непонимание глубин духовной премудрости.

Записи отражают ход мыслей ученика. «Подлинно, Господи,

если не смирится, Ты не перестанешь смирять нас. Истинное смирение есть порождение ведения, а истинное ведение есть порождение искушений». Ответ на вопрос, зачем на жизненном пути то и дело возникают искушения, получен. В искушениях ищи знание о Боге. «Желаешь ли ты, человек малый, обрести жизнь? Сохрани веру и смирение, потому что ими обретаешь милость и помощь. Желаешь ли обрести сие, то есть причастие жизни? Ходи пред Богом в простоте, а не в знании. Простоте сопутствует вера, а за утонченностью и изворотливостью помыслов следует сомнение, за сомнением же – удаление от Бога».

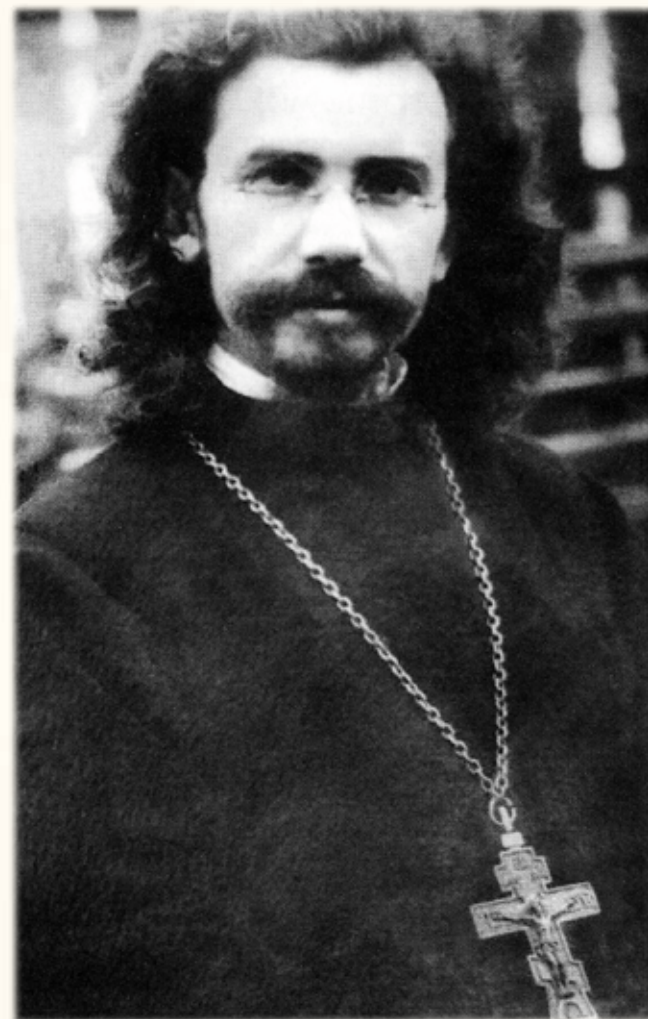
Записи того времени логично выстраивают путь к познанию духовной науки для Ивана. Изворотливость ума воюет на простоту, а по сути – на веру. Позднее отец Иоанн вопрошающему умнику так и скажет: «Смуцает веру твою каверзник ум». Так, по крупинкам выстраивается лестница теоретического познания духовной жизни. Во всех высказываниях святого учителя слову о вере сопутствует слово «смирение». И думы о том, что же такое смирение и как оно практически выглядит в жизни, – всего больше занимают ученика. Но вот и об этом есть указание от святого: «Пока не смирится человек, не получит награды за свое делание. Награда дается не за делание, но за смирение. Кто оскорбляет последнее, тот теряет первую. Добродетель есть мать печали, а от печали рождается смирение, а смирению дается благодать. Воздаяние же бывает уже не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно оскудеет, то первые будут напрасны».

Надолго обозначилась пред усердным учеником тема о «смирении», и по жизни она все углублялась, даруя прак-

тические знания и навыки. Понимание же, что всякому человеку, хочет он того или не хочет, приходится в жизни смиряться, он получил сразу по переезде в Москву. Позднее же, в трудах при открытии Троице-Сергиевой лавры, отец Иоанн услышит от иеромонаха Иоанна (Вендланда) слова его личного духовного опыта, глубоко запавшие в душу: «Всякий человек, который смиряется, независимо от того, какой степени совершенства он достиг в этом смирении, уже с самого начала испытывает одно драгоценное чувство – веселие духа». Так неразрывна связь смирения с состоянием души.

Фундамент знаний закладывался в ученике, а жизнь вторгалась своей разрушительной силой. Молодость тяжело приывает к смирению. «А ты все на промысл Божий жалобу подаешь?» – такими словами позднее усмирял старец отец Иоанн строптивость молодости, только еще желающей встать на путь к духовности. Свое же активное восстание и на Промысл, и на стоящих у кормила Церкви он не забыл. И от нас не скрывал этого факта своей жизни, когда все теоретические знания были решительно отвергнуты. Декларация митрополита Сергия стала тому причиной. Возмущение духа молодых людей против нее было столь велико, что на усмирение несмиранных пришлось явиться видению свыше.

Отец Иоанн позднее не мог определить, что это было – сон ли, видение ли? Он будто бы присутствовал на службе в Елоховском соборе. Ожидали приезда митрополита Сергия. Церковь была полна так, что трудно было перекреститься. Митрополит сквозь расступившуюся перед ним толпу подошел к Ивану и, положив руку на его плечо, произнес: «Ты меня осуждаешь, а я ведь каюсь». Затем владыка вошел в раскры-



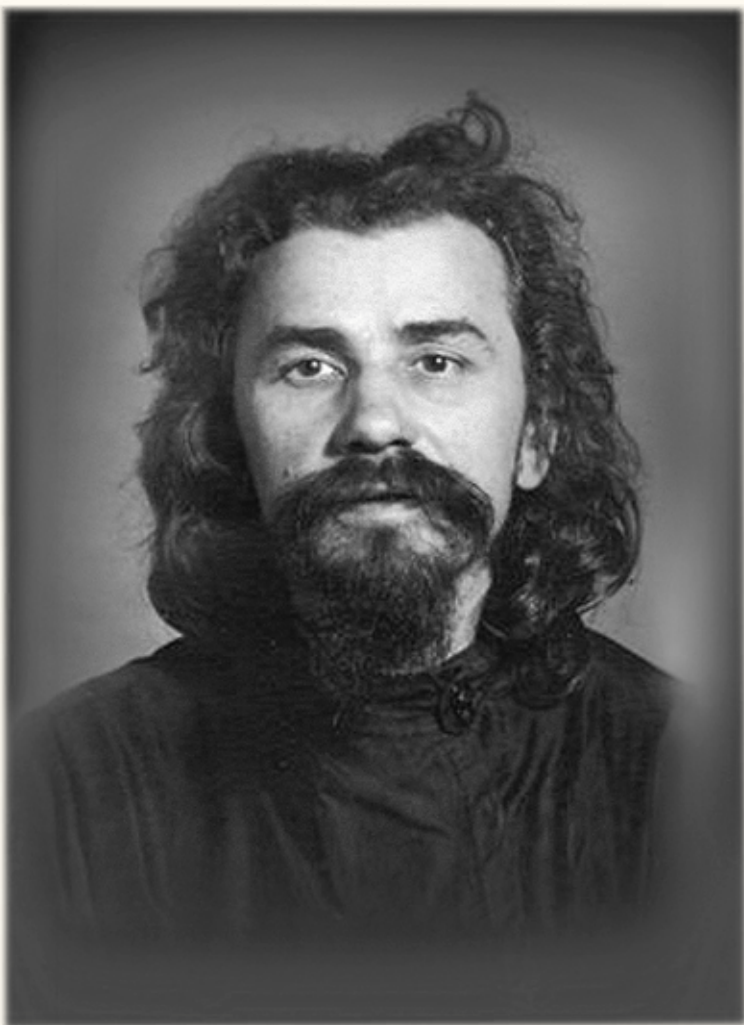


Фото из следственного дела священника Иоанна Крестьянкина. 1950

тые Царские врата и растворился в неземном фаворском свете. Большого уверения в Божием водительстве Предстоятеля Церкви для Вани не было нужно. И этого урока хватило ему на всю жизнь. Он никогда не восставал на Церковь и глубоко почитал иерархию.

Дальнейший жизненный урок пошел в испытании скорбями. Война! Похоронки с полей битв, рядом – голодные смерти. Скорби, бесконечные скорби! Скорби свои и чужие, становящиеся тоже своими, ставившие людей на грань выживания. Первый раз – в сознательном возрасте – и в его глаза заглянула смерть. Брат, отставший от своего эшелона, а это по военному времени расценивалось как дезертирство, пришел к нему, и Иван становился соучастником его беды. Так для него продолжались уроки молитвенного делания. Под мечом страха за жизнь Господь учил Ивана молиться, верить и надеяться. Святитель Николай, перед иконой которого братья ночами вымаливали милости остаться в живых, стал родным покровителем до конца дней жизни.

Преподобный Исаак Сирин и тут сказал ему свое слово о роли скорбей в жизни: «Кто уклоняется от скорбей, тот вполне разлучается и с добродетелью. Если вожделеваешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь, ибо скорби рождают смирение. Малая скорбь ради Бога лучше великого дела, совершенного без скорби, потому что добродетельная скорбь дает доказательство веры любовью. Поэтому святые из любви Христовой показали себя благоискусными в скорбях, а не в покое, потому что совершаемое без труда есть правда людей мирских, которые творят милостыню из внешнего, сами же в себе ничего не приобретают». Так, сами обстоятельства

жизни формировали в юноше сознательную веру.

Пять лет служения у престола обогатили его немалым опытом. Его некогда детская лучезарная вера так возмужала, что превратилась в сознательную веру – борьбу за стояние в Истине. Неожиданным для молодого священника тогда стали нарекания от собратий за его ревностное служение. Пред ним встал вопрос, что делать? Идти ли на поводу требований вопреки велениям совести? И опять на помощь пришло Божие благословение, полученное через патриарха Алексия I, который и рукополагал его в сан священника. Служа литургию с патриархом, молодой священник высказал ему свое смущение. И услышал ответ, ставший для него указанием навсегда:

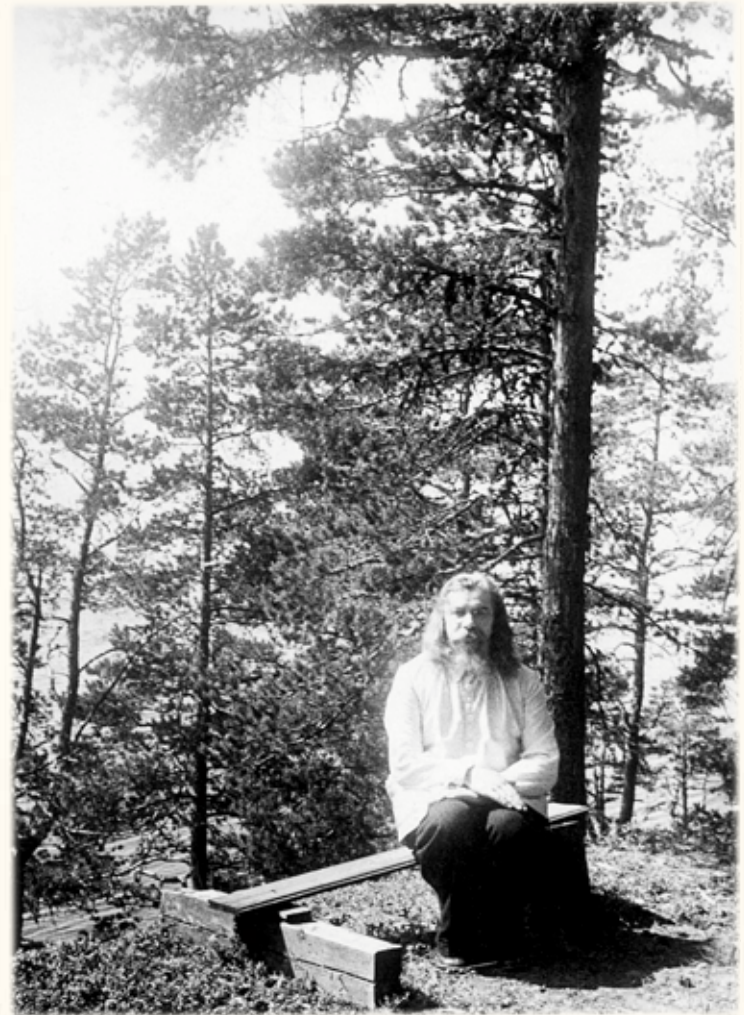
– Что я дал Вам при рукоположении?

– Служебник.

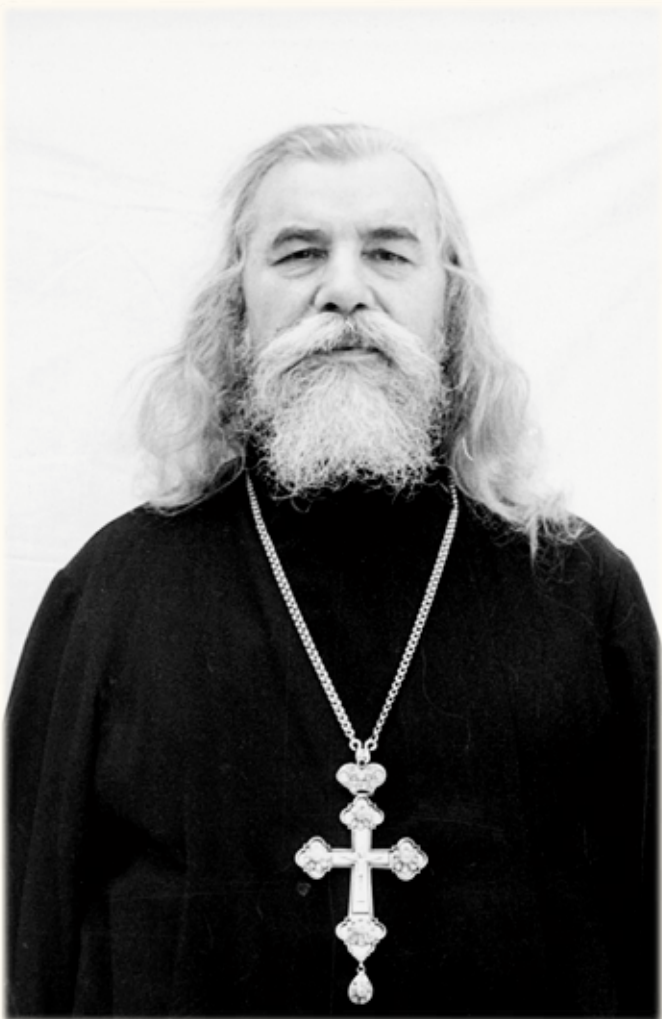
– Так вот. Все, что там написано, исполняйте. А все, что за тем находит, терпите.

Внешних событий мало, только труд и труд с полной самоотдачей, да еще учеба в Академии. Образ жизни отца Иоанна в Москве определялся его стремлением к монашеству. Послушание у обстоятельств и послушание людям – и все это при хронической нехватке времени и материальной скудости.

Но вот и новый этап жизни. Арест! Он со незаконными вменен! Суд Божий низводит его в огненную печь страстей мира. Прощай, Москва! Прощай, Академия! Здравствуй, неизвестность будущего! Арест не был для отца Иоанна неожиданностью. Преподобный Серафим Саровский, в житие которого он погрузился, учась на последнем курсе Академии, стал для него и провозвестником предстоящего измене-



В молитвенном уединении



Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)

ния в жизни, и даже учителем на весь период пребывания в заключении. Преподобный же через пять лет известил его и об освобождении.

Нового узника сразу познакомили с делом и с показаниями против него его братьев. Реакция отца Иоанна на эту информацию показала состояние его души. К моменту заключения он уже обладал истинным христианским незлобием. На очной ставке бросился целовать собрата, его оклеветавшего, сочувствуя согрешившему. Он знал, какую ношу тот понесет по жизни, да еще и не по своей вине. Того принудили к нужным следствию показаниям угрозами по отношению к его детям. Кратко обозначил для себя узник и манеру поведения в новых условиях и с новыми людьми: «Не верь, не бойся, не проси».

Три московских узилища, допросы с пристрастием и, наконец, приговор – семь лет исправительно-трудового северного лагеря. Семь лет вне Церкви, среди людей, не знающих и не желающих знать Бога. Духовнику отцу Иоанну позднее часто задавали вопрос: «За что мне такие скорби?» Он же отвечал лаконично: «Не за что, а для чего». Думается, такой ответ принес он в жизнь из тех времен, когда сам встал и пошел по неведомому пути к определенной ему Промыслом Божиим цели. «Значит, так надо. Бог плохо не сделает».

Смиренно склонял он голову пред обстоятельствами. Позднее своим духовным чадам говорил: «На обстоятельства жизни нашей не роптать надо, а, сохраняя разумное спокойствие, вникнуть в них, чтобы познать, что хочет от нас Господь, и проходить сквозь них с надеждой на Бога и с преданностью Ему. Не без Господа приходят к нам испытания». Сам же он уже хорошо усвоил, что, кроме как страданиями

за Христа, благодать получить невозможно. Позже послушникам, вопрошающим его о духовной молитве, он отвечал: «Для обретения умно-сердечной молитвы надо еще на кресте повисеть, да не день и не месяц, но сколько Бог даст». Лагерь для него – это время реального познания Бога.

Барак на триста человек, и он, священник, среди людей, чужой им всем, иной, чем все они. Обстоятельства того времени отец Иоанн характеризовал лаконично: «Утром не знаешь, доживешь ли до вечера, а вечером не знаешь, доживешь ли до утра». Но почему так скоро в этой обстановке и эти люди, отвергнувшие общечеловеческие нормы жизни и отверженные обществом, назовут его «наш батя»? Нет-нет, он не начал проповедь своего мировоззрения, даже мысленно не противопоставил себя окружению. Он, священник, призванный Богом пасти заблудших овец, ужаснулся великому падению, которое настигает человека, забывающего Бога. Он живо ощутил в себе призвание пастыря и свой долг – хоть что-то, елико возможно, делать и для этих отверженных. Разделяя со всеми общую участь – каторжный труд, жизнь под одной крышей, еда общей баланды, – он начал молиться. Он молился так, что впоследствии, вспоминая то время, говорил: «Молиться так, как я молился в лагере, в условиях благоденствия невозможно». Тогда же отец Иоанн живо прочувствовал, что Бог отвечает на его молитвы не словами, а изменением жизненных обстоятельств. Но кто из окружающих мог видеть и понять тайное духовное делание священника, наравне со всеми облаченного в ризу поругания? А вот то, что он делил присылаемые ему посылки, невзирая на лица, с теми, кто нуждался в утешении, что он не гнушался и самых отпетых, это видели и понимали все. Грядки с цветами, взра-

щенными отцом Иоанном, проповедовала без слов, напоминая о щедрости и благодати Божией ко всем людям без исключения. И поклонников у этой грядки неожиданно оказалось много.

Пять лет суровой школы, не за партой Академии, но практического ведения человеческой жизни в суровых условиях неволи. Он глубоко познал все тяготы и испытания, связанные с реальными обстоятельствами земного странствия нашего времени. Его вера достигла того рубежа, за которым следует знание Бога. Он познал Бога, он ощутил Его присутствие и реальное водительство в своей жизни. Боговедение и Богообщение стало ему наградой. С этого времени Бог был с ним. Вот откуда пришла оценка лагерному периоду – «это самые ценные годы моей жизни»...

Впоследствии, облагодатствованный Богом, отец Иоанн напоминал своим духовным чадам, что благодать дается от Бога не тогда, когда человек совершает милосердие естественное, но когда он вопреки всему милосердует всем, и нет для его милосердия чужих, своими становятся все те, кому нужна милость и помощь, утешение и ободрение.

Там, в лагере, из не видимого никому делателя молитвы формировался Старец, способный повести по пути к Богу других.

На всю последующую жизнь отец Иоанн определил себя на безропотное послушание воле Божией. А в разные периоды жизни учился быть таким же послушником у обстоятельств жизни, в которых видел безошибочно проявление воли Божией. Желая монашества, преклонился пред волей архиерея и пошел на приход. Пять лет на сельских приходах в Троице-Пеленице, и в Летове был безропотным послушником у двух

настоятелей. В Борце на два года преклонил голову пред жестокостью людей и морозов. В этот период отец Иоанн навещался к старцу Серафиму (Романцову), и его практические советы появились в тетради с записями: «Понимание своей немощи и смирение тверже всякой иной добродетели. Учись переносить приятное с благодарением, неприятное – с молитвой покаяния, все же вообще – с преданностью Богу и благодарением, повторяя: “Слава Богу за все!”». Только на приходе в Некрасовке отец Иоанн получил от Господа возможность проявить свою творческую натуру вполне, и то ненадолго.

Монастырское послушание на сорок лет вполне связало его духовничеством. И тут, в монастыре, вопреки своему желанию истинно монашеской жизни он открыл милующую любовь своего сердца перед овцами, не имеющими пастыря. Люди окружали его везде и всегда. И именно из-за этого не раз слышал он укоризны от собратий: «Не получился из тебя монах, как был приходским попом, так им и остался!»

Не будем гадать, стал ли отец Иоанн истинным монахом. Но то, что он всю жизнь стремился быть послушником у Бога, – это у него получилось несомненно. Его любовь ко всем нам – тому свидетельство.

Сколько мироносиц нашего времени породила наша действительность! Сколько их от неверия и даже отрицания, не понимающих своего падения, прошло через душу и сердце доброго пастыря отца Иоанна. Сколько людей Его водительством поднималось на высоту духовной жизни, отдавая себя на служение Богу, Церкви и людям. И пастырь был им в том живым примером на этом пути.

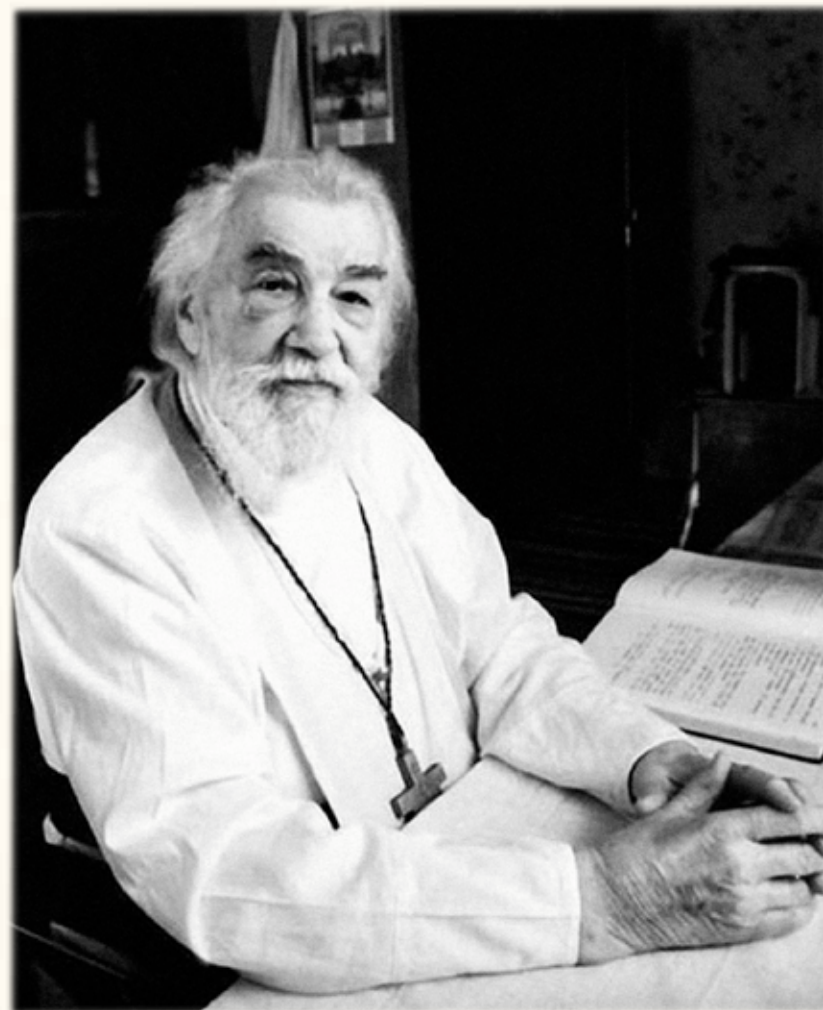


Отец Иоанн. 2000-е

Нам же он оставил завет: «Дело духовное зреет и спеет, и это дело всей жизни, нет конца и предела ему, ведь и стремление наше и любовь – к бесконечному и все совершенному Богу. Настало уже такое время, которое отмечает все надежды на человеческое и указывает миру единую опору, единую надежду на Бога».

Он всю жизнь учился жить Богом и в Боге, и научился. Об этом засвидетельствовал Господь его кончиной. По-человечески, со всеми признаками прихода смерти, он умирал в ночь с 30 на 31 декабря 2005 года. Но по велению свыше смерть должна была отступить ровно на сорок дней, чтобы удостоверить итог его жизни как исповедничество. В воскресный день, день памяти Новомучеников и Исповедников Российских, смерть уже смиренно пришла за смиренным человеком, через пятнадцать минут после соединения его с Господом в святом причащении, накрыв отца Иоанна вечным покоем.

Но и сегодня из вечности для нас звучит голос батюшки: «Вечность, други наши, не есть упразднение этого века или его отмена; напротив, вечность – это сохранение того, что было здесь, но что преобразилось воскресением и стало пригодным для вечности. В вечную жизнь может войти только то, что живет правдой, добром, красотой».



Вярска. Келейная молитва



250



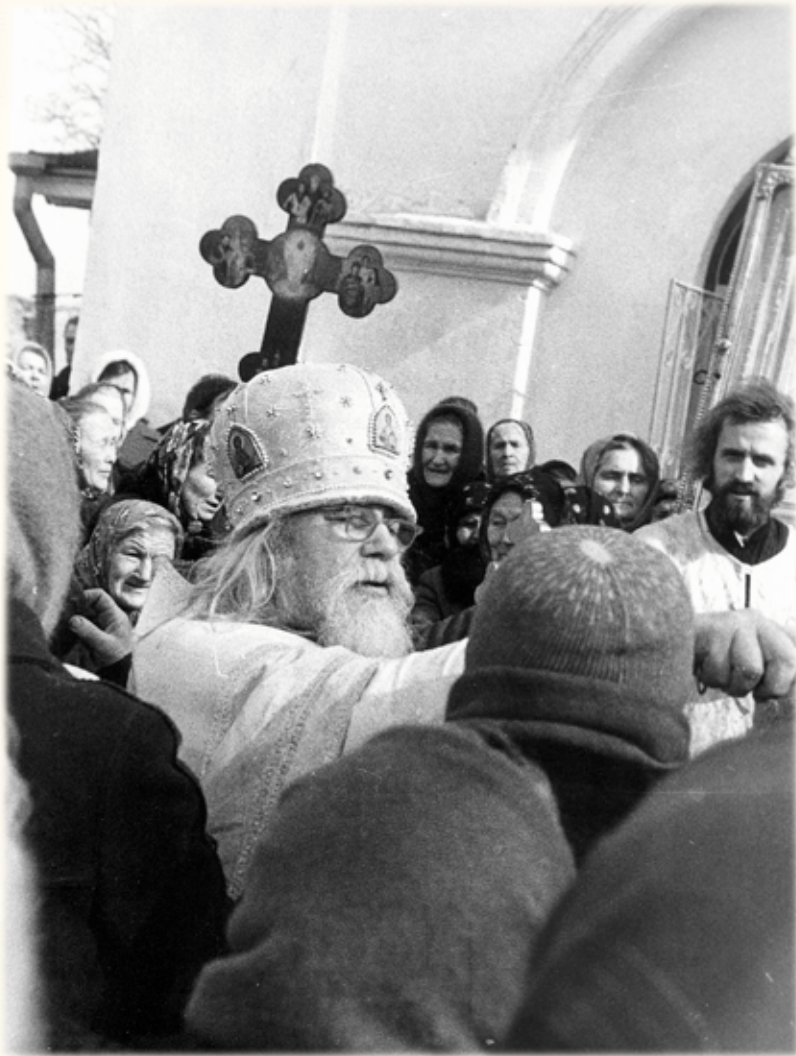
251



252



253



254



255



256



257



258



259

